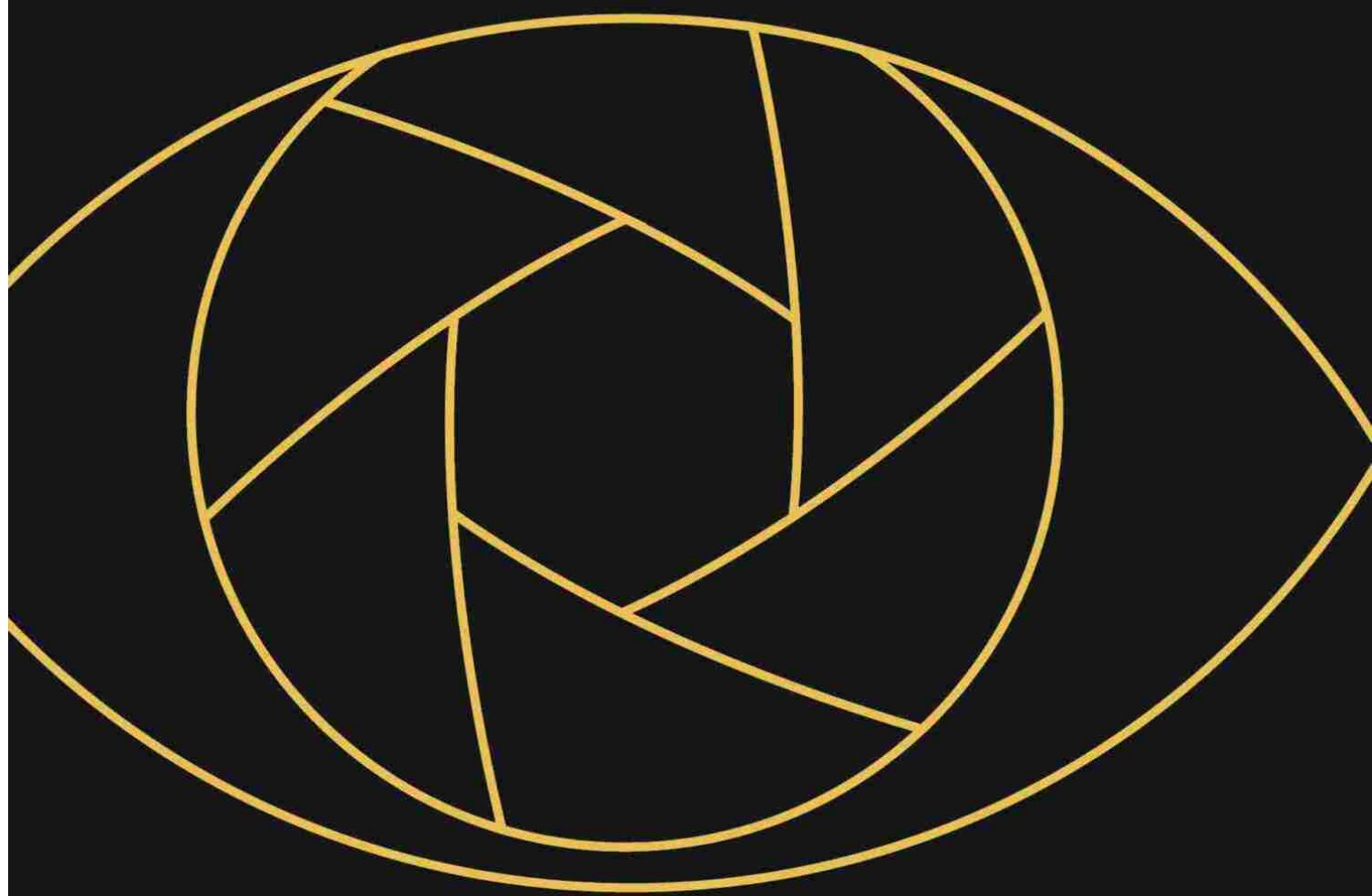

ЭПОХА НАДЗОРНОГО КАПИТАЛИЗМА

Шошана Зубофф

Шошана Зубофф

**Эпоха надзорного капитализма.
Битва за человеческое будущее
на новых рубежах власти**

«Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара»

2019

УДК 330.1
ББК 65.01

Зубофф Ш.

Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / Ш. Зубофф — «Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара», 2019

ISBN 978-5-93255-613-9

В этой книге Шошана Зубофф описывает и объясняет причины возникновения феномена, который она называет «надзорным капитализмом». Ставки как никогда высоки: глобальная архитектура модификации поведения угрожает сделать с человеческой природой в XXI веке то же, что промышленный капитализм сделал с окружающей средой в XX веке. Зубофф показывает последствия распространения надзорного капитализма из Кремниевой долины во все сектора экономики. Необычайное богатство и власть накапливаются на новых «рынках поведенческих фьючерсов», где делаются и продаются предсказания относительно нашего поведения и где производство товаров и услуг подчинено новым «средствам модификации поведения». Угрозу теперь представляет не тоталитарное государство, а повсеместно распространенная цифровая архитектура. Эта беспрецедентная форма власти отмечена колоссальной и асимметричной концентрацией данных и не подчиняется демократическому контролю. Не встречая сопротивления со стороны закона или общества, надзорный капитализм может начать определять социальный порядок и формировать цифровое будущее, если мы позволим ему это сделать. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 330.1

ББК 65.01

ISBN 978-5-93255-613-9

© Зубофф Ш., 2019
© Институт экономической политики
имени Е.Т. Гайдара, 2019

Содержание

Определение	7
Введение	8
I. Древнейшие вопросы	8
II. Реквием по дому	11
III. Что такое надзорный капитализм	13
IV. Беспрецедентное	17
V. Кукловод, не марионетка	19
VI. Краткое содержание, темы и источники этой книги	22
Часть I	27
Глава 2	27
I. Apple взламывает капитализм	27
II. Два модерна	30
III. Неолиберальная среда обитания	35
IV. Нестабильность второго модерна	39
V. Третий модерн	44
VI. Надзорный капитализм заполняет пустоту	49
VII. За человеческое будущее	52
VIII. Именованье и укрощать	57
Глава 3	59
I. Google: Первопроходец надзорного капитализма	59
II. Баланс сил	62
III. Поиск капитализма: нетерпеливые деньги и чрезвычайное положение	66
IV. Открытие поведенческого излишка	69
V. Излишек масштабируется	75
VI. Человеческое изобретение	78
VII. Секреты извлечения	80
VIII. Резюмируя логику и практику надзорного капитализма	84
Глава 4	90
I. Люди как полезные ископаемые	90
II. Стратегия «требуя свободы»	92
III. Тепличные условия: неолиберальное наследие	98
IV. Тепличные условия: надзорная чрезвычайщина	103
V. Линии укреплений	112
Глава 5	119
I. Императив извлечения	119
II. Контролирование поставок	121
III. Цикл изъятия	127
IV. Псы безрассудства	142
V. Соревнования по изъятию	145
Конец ознакомительного фрагмента.	150

Шошана Зубофф

Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти

Эта книга посвящена прошлому и будущему: Памяти моего возлюбленного, Джима Максмина. Памяти моего отважного друга, Франка Ширрмахера. Моим детям, Хлое Софии Максмин и Джейкобу Рафаэлю Максмину – я пишу, чтобы защитить ваше будущее и поддержать моральное право вашего поколения

*Дрожь у Настоящего в плену,
Мы тянемся в тени древних дней,
На голый Юг стремимся, в старину;
Во рту невинном – вкус всего полней.*

*Но в хижинах убогих по ночам
Грядущее нам грезится всегда:
Прекрасно приспособлена к балам
Чеканных лабиринтов чехарда.*

*Завидуем мы замкам и ручьям
В их малоуязвимости – и споры,
Как фиговый листок, скрывают срам,*

*Но простодушие требует опоры —
Свободный выбор?.. Он навязан нам.
А горный люд повсюду видит горы.*

У. Х. Оден, Сонеты из Китая, XVIII

Shoshana Zuboff

The Age of Surveillance Capitalism

The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power

Перевод с английского АНДРЕЯ Ф. ВАСИЛЬЕВА

Под научной редакцией ЯКОВА ОХОНЬКО И АРТЕМА СМИРНОВА

Copyright © 2019 by Shoshana Zuboff

Настоящее издание выпущено по соглашению с PublicAffairs, импринтом Perseus Books, LLC, подразделением Hachette Books, Нью-Йорк, штат Нью-Йорк, США. Все права сохранены © Издательство Института Гайдара, 2022

Определение

Над-зор-ный ка-пи-та-лизм, *сущ*

1. Новый экономический порядок, который претендует на человеческий опыт как на сырье, бесплатно доступное для скрытого коммерческого извлечения, прогнозирования и продажи. **2.** Паразитическая экономическая логика, в рамках которой производство товаров и услуг подчинено новой глобальной архитектуре изменения поведения. **3.** Злокачественная мутация капитализма, отмеченная беспрецедентной в истории человечества концентрацией богатства, знания и власти. **4.** Фундаментальная основа надзорной экономики. **5.** Серьезная угроза человеческой природе в XXI веке, сравнимая с той угрозой, какую представлял промышленный капитализм природному миру в XIX и XX веках. **6.** Источник новой инструментальной власти, которая утверждает свое господство над обществом и бросает дерзкий вызов рыночной демократии. **7.** Движение, которое стремится навязать новый коллективный порядок, основанный на полной предсказуемости. **8.** Экспроприация важнейших прав человека, которую лучше всего рассматривать как верхушечный переворот – свержение суверенитета народа.

Введение

Глава 1

В цифровом будущем: у себя дома или в изгнании?

*Льющим обильные слезы его я на острове видел:
Там его нимфа Калипсо насильно в дому своем
держит,
И воротиться никак он не может в родимую
землю.*

Гомер, Одиссея²

I. Древнейшие вопросы

«Мы все будем работать на умную машину или за машиной будут присматривать умные люди?» Этот вопрос задал мне в 1981 году молодой менеджер целлюлозного комбината, где-то в промежутке между жареным сомом и пирогом с пеканом; это был мой первый вечер в южном городке, в котором находилось его исполинское предприятие и которому суждено было периодически становиться моим домом в течение следующих шести лет. В тот дождливый вечер его слова точно затопили мой мозг, заглушив частую дробь дождя по навесу над нашим столом. Мне слышались древнейшие политические вопросы: Родной дом или изгнание? Господин или слуга? Хозяин или раб? Извечные вопросы знания, полномочий и власти, которые никогда не будут разрешены окончательно. У истории нет конца; каждое поколение должно утверждать свою волю и свое видение, поскольку новые угрозы требуют от нас новых ответов в каждую новую эпоху.

В голосе менеджера слышались настойчивость и отчаяние, наверное, потому что спросить было больше некого: «К чему все это приведет? Куда нам теперь податься? Мне надо знать сейчас. Нельзя терять время». Я тоже хотела знать ответы, поэтому взялась за проект, который тридцать лет назад вылился в мою первую книгу «В эпоху умных машин: будущее работы и власти». Это произведение оказалось лишь первой главой в том, что превратилось в пожизненные поиски ответа на вопрос: «Может ли цифровое будущее стать нашим домом?»

Много лет прошло с того теплого южного вечера, но древние вопросы вернулись вновь – и заявили о себе как никогда властно. Цифровая сфера захватывает и переопределяет все, что нам так хорошо знакомо, еще до того, как мы успеваем задуматься и принять решение. Мы превозносим сетевой мир за те бесчисленные новые возможности и перспективы, которые он открывает, но он же породил обширные новые территории тревоги, опасности и насилия, в то время как чувство предсказуемого будущего ускользает от нас.

Когда мы задаем эти древние вопросы сегодня, отвечать приходится миллиардам людей – представителям всех социальных слоев, поколений и культур. Информационные и коммуникационные технологии распространились шире, чем электричество, охватывая три миллиарда человек из семи, населяющих планету³. Сплетенные в единый клубок дилеммы знания, пол-

---

² Перевод В. Вересаева.

³ Martin Hilbert, “Technological Information Inequality as an Incessantly Moving Target: The Redistribution of Information and Communication Capacities Between 1986 and 2010,” *Journal of the American Society for Information Science and Technology* 65, no. 4 (2013): 821–835.

номочий и власти больше не ограничиваются рабочим местом, как это было в 1980-х годах. Теперь они пустили корни глубоко в рутину повседневной жизни, опосредуя едва ли не все формы общественного участия⁴.

Еще вчера казалось разумным сосредоточить наше внимание на проблемах информационных профессий или информационного общества. Сегодня древние вопросы нужно помещать в самый широкий контекст, который лучше всего определить как «цивилизацию», или, точнее, «информационную цивилизацию». Сможем ли мы называть эту нарождающуюся цивилизацию своим *домом*?

Все живое ориентируется на свой дом. Это точка отсчета, которая помогает каждому виду выстраивать свои ориентиры. Без ориентиров невозможно проложить путь по неизвестной территории; без ориентиров нам конец. Я вспоминаю об этом каждую весну, когда одна и та же пара гагар возвращается из своих дальних странствий в расщелину под нашим окном. Их неумолчные крики о возвращении домой, обновлении, воссоединении и безопасности усыпляют нас по ночам, напоминая, что мы тоже у себя дома. Зеленые черепахи вылупляются и спускаются к морю, где преодолевают многие тысячи миль, иногда в течение десяти или двадцати лет. Когда они готовы отложить яйца, они возвращаются обратно к тому самому участку берега, где они родились. Некоторые птицы ежегодно пролетают тысячи миль, теряя до половины своего веса, чтобы найти себе пару на родине. Птицы, пчелы, бабочки... гнезда, норки, деревья, озера, ульи, холмы, берега и впадины... почти все живые существа в той или иной форме разделяют эту глубинную привязанность к месту, где, они знают, цвела жизнь, к месту, которое зовется *домом*.

Так уж устроена человеческая привязанность, что каждое путешествие и каждое изгнание толкают нас на поиски дома. То, что возвращение на родину (*nostos*), обретение дома, является одной из наших самых глубоких потребностей, очевидно по той цене, которую мы готовы за него платить. Всем известна сладкая боль возвращения в покинутые когда-то места или обретения нового дома, в котором смогут угнеститься и расти наши надежды на будущее. По-прежнему, пересказывая трудный путь Одиссея, мы думаем о том, на что готов пойти человек, чтобы вернуться к родному берегу и войти в ворота своего дома.

Поскольку наш мозг больше мозга птиц и морских черепах, мы знаем, что не всегда возможно или даже желательно возвращаться на один и тот же клочок земли. Дом не всегда должен быть связан с одним-единственным жилищем или местом на земле. Мы можем выбирать его форму и местоположение, но не его значение. Дом – это место, которое мы знаем и в котором нас знают, где мы любим и любимы. Дом – это наше мастерство, право голоса, неразрывная связь и святилище: отчасти свобода, отчасти процветание... отчасти прибежище, отчасти обещание.

---

⁴ К 2014 году, примерно через двадцать лет после изобретения всемирной паутины, обширное исследование *Pew Research* показало, что интернетом пользуются 87 % американцев. Среди них 76 % считают это «благом для общества», а 90 % – «благом для меня». Действительно, во время сбоев работы Facebook многие звонят по телефону экстренной помощи 911. Менее двух десятилетий спустя после того, как широкой публике стал доступен браузер Mosaic, который обеспечил легкий доступ ко всемирной паутине, опрос ВВС 2010 года показал, что 79 % людей в двадцати шести странах считают доступ к интернету одним из основных прав человека. Шесть лет спустя ООН распространила положения статьи 19 Всеобщей декларации прав человека также на «онлайновую среду»: «Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ». См.: Susannah Fox and Lee Rainie, “The web at 25 in the U.S.,” *Pew Research Center*, February 27, 2014, <http://www.pewinternet.org/2014/02/27/the-web-at-25-in-the-u-s/>; “911 Calls About Facebook Outage Angers L.A. County Sheriff’s Officials,” *Los Angeles Times*, August 1, 2014, <http://www.latimes.com/local/lanow/la-me-ln-911-calls-about-facebook-outage-angers-la-sheriffs-officials-20140801-htmlstory.html>; “Internet Access ‘a Human Right’,” *BBC News*, March 8, 2010, <http://news.bbc.co.uk/2/hi/8548190.stm>; “The Promotion, Protection and Enjoyment of Human Rights on the Internet,” *United Nations Human Rights Council*, June 27, 2016, https://www.article19.org/data/files/Internet_Statement_Adopted.pdf; “Поощрение и защита всех прав человека, гражданских, политических, экономических, социальных и культурных прав, включая право на развитие”, Совет по правам человека, 27 июня 2016, https://digitallibrary.un.org/record/845728/files/A_HRC_32_L-20-RU.pdf.

Чувство, что дом ускользает, вызывает невыносимую тоску. У португальцев есть название для этого чувства: *saudade*, слово, которое, говорят, выражает тоску по дому и печаль разлуки с родиной многих поколений эмигрантов. Стремительные сдвиги XXI века сделали эту острую тоску и эту печаль бесприютности всеобщим явлением, которое коснулось каждого из нас⁵.

---

⁵ João Leal, *The Making of Saudade: National Identity and Ethnic Psychology in Portugal* (Amsterdam: Het Spinhuis, 2000), <https://run.unl.pt/handle/10362/4386>.

II. Реквием по дому

В 2000 году группа компьютерщиков – ученых и инженеров – Технологического института Джорджии совместно работала над проектом под названием «Осведомленный дом (Aware Home)»⁶. Предполагалось, что это будет «живая лаборатория» для изучения «повсеместной компьютеризации». Они представили себе «симбиоз человека и дома», при котором многие одушевленные и неодушевленные процессы были бы охвачены сложной сетью «чувствительных к контексту датчиков», встроенных в дом, и носимых компьютеров, используемых его обитателями. Проект предусматривал «автоматическое беспроводное взаимодействие» между платформой, размещавшей личную информацию носимых устройств жильцов, и второй платформой, которая хранила информацию датчиков об окружающей среде.

Было сделано три рабочих допущения: во-первых, ученые и инженеры исходили из того, что новые системы данных создадут совершенно новую область знаний. Во-вторых, предполагалось, что права на эти новые знания и возможность использовать их для улучшения своей жизни будут принадлежать исключительно жильцам дома. В-третьих, команда предположила, что при всей его цифровой магии «Осведомленный дом» обретет свою жизнь в качестве современной инкарнации древних архетипов, согласно которым, для тех, кто живет в его стенах, «дом» становится святилищем.

Все это было отражено в инженерном плане. В нем особое значение придавалось доверию, простоте, суверенности личности и неприкосновенности дома как частной сферы. Информационная система «Осведомленного дома» представлялась в виде простой «замкнутой петли» с лишь двумя узлами, которая полностью контролировалась жильцами дома. Поскольку дом будет «постоянно следить за местонахождением и деятельностью жильцов... и даже отслеживать состояние здоровья своих жителей, – заключила команда, – необходимо, чтобы жильцы сами владели и распоряжались распространением этой информации». Вся информация должна была храниться на носимых компьютерах жильцов, «чтобы обеспечить конфиденциальность персональной информации людей».

К 2018 году мировой рынок «умных домов» оценивался в 36 миллиардов долларов; ожидалось, что к 2023 году он вырастет до 151 миллиарда⁷. За этими цифрами стоят тектонические сдвиги. Рассмотрим только одно устройство для умного дома: термостат Nest, изготовленный компанией, которая сначала принадлежала Alphabet, холдинговой компании Google, а затем, в 2018 году, была поглощена Google⁸. Термостат Nest делает многое из того, что предусматривалось в «Осведомленном доме». Он собирает данные о своем использовании и об окружающей среде. Он использует датчики движения и делает расчеты, изучая поведение жителей дома. Приложения Nest могут собирать данные из других подключенных продуктов: автомобили, печи, фитнес-трекеры и кровати⁹. Такие системы могут, например, включать свет при обнаружении аномального движения, управлять видео- и аудиозаписью и даже отправлять уведомления домовладельцам или другим лицам. В результате слияния с Google термостат, как и другие продукты Nest, получит встроенные возможности искусственного интеллекта Google,

---

⁶ Cory D. Kidd et al., “The Aware Home: A Living Laboratory for Ubiquitous Computing Research,” in *Proceedings of the Second International Workshop on Cooperative Buildings, Integrating Information, Organization, and Architecture*, CoBuild '99 (London: Springer-Verlag, 1999), 191–198, <http://dl.acm.org/citation.cfm?id=645969.674887>.

⁷ “Global Smart Homes Market 2018 by Evolving Technology, Projections & Estimations, Business Competitors, Cost Structure, Key Companies and Forecast to 2023,” *Reuters*, February 19, 2018, <https://www.reuters.com/brandfeatures/venture-capital/article?id=28096>.

⁸ Ron Amadeo, “Nest Is Done as a Standalone Alphabet Company, Merges with Google,” *Ars Technica*, February 7, 2018, <https://arstechnica.com/gadgets/2018/02/nest-is-done-as-a-standalone-alphabet-company-merges-with-google/>; Leo Kelion, “Google-Nest Merger Raises Privacy Issues,” *BBC News*, February 8, 2018, <http://www.bbc.com/news/technology-42989073>.

⁹ Kelion, “Google-Nest Merger Raises Privacy Issues”.

в том числе его персонального цифрового «помощника»¹⁰. Как и «Осведомленный дом», термостат и его собратья создают огромные новые пласты знания и, следовательно, новую власть, – но для кого?

С поддержкой Wi-Fi и подключением к интернету, сложные персонализированные массивы данных термостата загружаются на серверы Google. К каждому термостату прилагается «Политика конфиденциальности», «Пользовательское соглашение» и «Лицензионное соглашение с конечным пользователем». В них заложены серьезные негативные последствия для конфиденциальности и безопасности, при которых конфиденциальная домашняя и личная информация передается другим умным устройствам, не названным сотрудникам и третьим лицам для целей прогнозного анализа и продажи другим не указанным сторонам. Nest не несет почти никакой ответственности за сохранность собираемой информации и совершенно не отвечает за то, как будут использовать эти данные другие компании в его экосистеме¹¹. Детальный анализ политики Nest, проведенный двумя учеными Лондонского университета, привел их к выводу, что для тех, кто пожелает войти в связанную с Nest экосистему подключенных к сети устройств и приложений, каждое из которых предлагает свои не менее обременительные и вызывающие условия, покупка единственного домашнего термостата повлечет за собой необходимость ознакомления с почти тысячей «соглашений»¹².

В случае отказа клиента принять требования Nest, согласно условиям обслуживания, функциональность и безопасность термостата будут серьезно скомпрометированы, поскольку прибор больше не будет получать необходимые обновления, предназначенные для обеспечения его надежности и безопасности. Последствия могут варьироваться от замерзания труб до отказа пожарной сигнализации или легкого взлома внутренней системы дома¹³.

К 2018 году принципы, на которых строился «Осведомленный дом», были давно отброшены. Как это случилось? Кто был тому виной? «Осведомленный дом», как и многие другие опередившие время проекты, смотрел в цифровое будущее, которое расширяло человеческие возможности. Ключевым было то, что в 2000 году это видение будущего естественным образом предполагало твердую приверженность неприкосновенности личного опыта. Если человек решает перевести свой опыт в цифровой вид, то он должен обладать исключительным правом на знания, полученные из этих данных, а также исключительным правом решать, как эти знания могут быть использованы. Сегодня эти права на неприкосновенность частной жизни, на доступ к соответствующим данным и их использование узурпированы смелым рыночным предприятием, основанным на односторонних притязаниях на чужой опыт и вытекающие из него знания. Что эта смена эпох означает для нас, для наших детей, для наших демократий и для самой возможности человеческого будущего в цифровом мире? Цель этой книги – ответить на эти вопросы. Она о том, как тускнеет цифровая мечта и как стремительно превращается в ненасытный и доселе неслыханный коммерческий проект, который я называю «надзорным капитализмом».

---

¹⁰ Rick Osterloh and Marwan Fawaz, “Nest to Join Forces with Google’s Hardware Team,” Google, February 7, 2018, <https://www.blog.google/insidegoogle/company-announcements/nest-join-forces-googles-hardware-team>.

¹¹ Grant Hernandez, Orlando Arias, Daniel Buentello, and Yier Jin, “Smart Nest Thermostat: A Smart Spy in Your Home,” *Black Hat USA*, 2014, <https://www.blackhat.com/docs/us-14/materials/us-14-Jin-Smart-Nest-Thermostat-A-Smart-Spy-In-Your-Home-WP.pdf>.

¹² Guido Noto La Diega, “Contracting for the ‘Internet of Things’: Looking into the Nest” (research paper, Queen Mary University of London, School of Law, 2016); Robin Kar and Margaret Radin, “Pseudo-Contract & Shared Meaning Analysis” (legal studies research paper, University of Illinois College of Law, November 16, 2017), <https://papers.ssrn.com/abstract=3083129>.

¹³ Hernandez, Arias, Buentello, and Jin, “Smart Nest Thermostat”.

III. Что такое надзорный капитализм

Надзорный капитализм в одностороннем порядке претендует на человеческий опыт как на бесплатное сырье для превращения его в данные о человеческом поведении. Хотя часть этих данных используется для улучшения продукта или услуги, остальное объявляется проприетарным *поведенческим излишком*, передается передовым производственным процессам, известным как «машинный интеллект», и перерабатывается в *прогнозные продукты*, предсказывающие, что вы сделаете прямо сейчас, в ближайшем или более отдаленном будущем. В итоге эти прогнозные продукты торгуются на новом типе рынков – рынках поведенческих прогнозов, которые я называю *рынками поведенческих фьючерсов*. Надзорные капиталисты сказочно разбогатели на этих торговых операциях, поскольку многие компании горят желанием сделать ставку на наше будущее поведение.

Как мы увидим в следующих главах, конкурентная динамика этих новых рынков побуждает надзорных капиталистов прибирать к рукам такие источники поведенческого излишка, которые позволяют все более и более надежно предсказывать поведение: наши голоса, личности и эмоции. В конце концов надзорные капиталисты обнаружили, что наиболее ценные с точки зрения предсказания поведенческие данные поступают в том случае, если вмешаться в ход игры – подтолкнуть, уговорить, подстроить и направить поведение в сторону, которая принесет прибыль. Конкурентное давление привело к сдвигам, в результате которых автоматизированные машинные процессы не только *познают* наше поведение, но и в широких масштабах *формируют* наше поведение. С этой переориентацией со знания на силу уже недостаточно автоматизировать *потоки информации о нас*; теперь цель состоит в том, чтобы *автоматизировать нас*. На этой стадии эволюции надзорного капитализма средства производства подчиняются все более сложным и всеобъемлющим «средствам изменения поведения». Тем самым надзорный капитализм рождает новый вид власти, который я называю *инструментаризмом* (instrumentarianism). Инструментарная власть знает и формирует поведение человека для достижения целей других людей. Вместо вооружений и армий она проводит свою волю с помощью автоматизированной работы все более повсеместной вычислительной архитектуры «умных» сетевых устройств, вещей и пространств.

В следующих главах мы проследим за ростом и распространением этих операций и инструментарной властью, которая их поддерживает. В самом деле, стало трудно скрыться от этого смелого рыночного проекта, чьи щупальца простираются от нежного подталкивания ничего не подозревающих игроков Pokémon Go в рестораны, бары, закусочные быстрого питания и магазины, которые платят, чтобы играть на рынках поведенческих фьючерсов, чтобы заставить их есть, пить и делать покупки, и до беспощадной экспроприации излишков из профилей Facebook в целях формирования индивидуального поведения, будь то покупка крема от прыщей в 5:45 вечера в пятницу, клик «да» на предложении новых кроссовок, когда после длинной пробежки воскресным утром в вашем мозгу бушуют эндорфины, или голосование на следующей неделе. Подобно тому как промышленным капитализмом двигала непрерывная интенсификация средств производства, надзорные капиталисты и их клиенты теперь привязаны к непрерывной интенсификации способов изменения поведения и накоплению инструментарной власти.

Надзорный капитализм идет вразрез с изначальной цифровой мечтой, отправляя «Осведомленный дом» на задворки истории. Он уничтожает иллюзии о том, что сетевая форма имеет некое самобытное моральное содержание, что быть «на связи» – вещь по самой своей сути общественно полезная, по самой природе инклюзивная или естественным образом способствующая демократизации знания. Цифровая связь стала средством осуществления коммерческих целей других. Надзорный капитализм является глубоко паразитическим и замкнутым

на самого себя. Он возрождает старый, восходящий к Марксу образ капитализма как вампира, который питается трудом, но с одним неожиданным поворотом. Вместо труда надзорный капитализм питается опытом каждого человека во всех его проявлениях.

Google изобрел и усовершенствовал надзорный капитализм во многом так же, как столетие назад компания General Motors изобрела и усовершенствовала менеджериальный капитализм. Google был пионером надзорного капитализма и в теоретических подходах, и в практических методах, бездонной кубышкой для исследований и разработок и первопроходцем в экспериментировании и внедрении, но сегодня он уже не единственный игрок на этом поле. Надзорный капитализм быстро перекинулся на Facebook, а затем и на Microsoft. Факты свидетельствуют о том, что в этом направлении поворачивает и Amazon и что это постоянная головная боль для Apple, представляет для нее внешнюю угрозу, а также выступает источником внутренних споров и конфликтов.

Будучи пионером в области надзорного капитализма, Google начал беспрецедентную рыночную операцию в неисследованных пространствах интернета, практически не встречая препятствий со стороны закона или конкурентов, подобно биологическому виду, проникшему в новую для себя среду, свободную от естественных хищников. Руководители компании двигались к системной согласованности ее проектов с головокружительной скоростью, за которой не могли уследить ни государственные учреждения, ни частные лица. На руку Google сыграли также и исторические события, когда аппарат национальной безопасности, гальванизированный атаками 11 сентября, склонялся к тому, чтобы вскармливать, подражать, защищать и осваивать нарождающиеся возможности надзорного капитализма ради тотального знания и сулимой им предсказуемости.

Надзорные капиталисты быстро поняли, что могут делать все, что пожелают, – чем они и занялись. Нарядившись в тоги правозащитников и освободителей, они апеллировали к тревогам сегодняшнего дня и эксплуатировали их, но настоящие события разворачивались за кулисами. Надзорные капиталисты спрятались под плащом-невидимкой, сотканным в равной мере из риторики расширения возможностей с помощью сети, умения делать стремительные ходы, уверенности в огромных денежных потоках и полной незащищенности той еще вольной территории, которую они собирались завоевать и присвоить. Их защищали естественная непроницаемость автоматизированных процессов, которыми они управляли, невежество, порождаемое этими процессами, и чувство неизбежности, которому они способствовали.

Надзорный капитализм сегодня – это далеко не только драматическая конкуренция крупных интернет-компаний, в ходе которой рынки поведенческих фьючерсов первоначально были нацелены на онлайн-рекламу. Его механизмы и экономические императивы стали основной моделью для большей части бизнесов, связанных с интернетом. В конечном счете конкурентное давление привело к выходу в офлайн-мир, где те же самые основополагающие механизмы, присваивающие ваши просмотры в интернете, лайки и клики, обучаются на материале вашей пробежки в парке, разговора за завтраком или поисков места для парковки. Сегодняшние прогнозные продукты продаются на рынках поведенческих фьючерсов, которые выходят за рамки таргетированной онлайн-рекламы и охватывают многие другие сектора, включая страхование, розничную торговлю, финансы и постоянно расширяющийся круг производителей товаров и поставщиков услуг, которые намерены участвовать в этих новых и прибыльных рынках. Идет ли речь об устройстве для «умного» дома, о том, что страховые компании называют «поведенческим андеррайтингом», или о любой из бесчисленного множества других транзакций, мы теперь сами платим за господство над нами.

Продукты и услуги надзорного капитализма не являются объектами обмена. Они не устанавливают конструктивную взаимозависимость между производителем и потребителем. Вместо этого они являются «крючками», которые заманивают пользователей в операции по изъятию данных, когда наш личный опыт отфильтровывается и упаковывается как средство для

достижения целей других людей. Мы – не «клиенты» надзорного капитализма. Хотя и говорится, что «если это бесплатно, значит, товар – мы сами», это тоже неверно. Мы – ключевой источник прибыли надзорного капитализма, объекты технологически сложной и все более неизбежной операции по добыче сырья. Настоящие клиенты надзорного капитализма – это предприятия, которые торгуют на рынках будущего поведения.

Эта логика превращает повседневную жизнь в ежечасное продление фаустовской сделки XXI века. «Фаустовской», потому что отказаться от нее практически невозможно, несмотря на то что выполнение условий с нашей стороны разрушит знакомую нам жизнь. Не будем забывать, что интернет стал необходимым условием участия в жизни общества, что интернет насквозь пропитан коммерцией и что коммерция сегодня подчинена надзорному капитализму. Наша зависимость лежит в основе проекта коммерческого надзора – он строится на том, что ощущаемая нами потребность в эффективности борется с желанием противостоять его грубым вторжениям. Этот конфликт вызывает психическое онемение, которое приучает нас к тому, что за нами следят, обрабатывают полученную информацию, извлекают из нее нужное и модифицируют. Из-за него мы склонны опускать руки и уходить в цинизм, выдумывать оправдания, действующие подобно защитным механизмам («мне же нечего скрывать»), или находить другие способы спрятать голову в песок, предпочитая оставаться в неведении из-за разочарования и беспомощности¹⁴. Так надзорный капитализм ставит нас перед в корне неприемлемым выбором, которого в XXI веке не должно быть на повестке дня, а вследствие его нормализации нам остается только петь в своих цепях¹⁵.

Надзорный капитализм работает благодаря беспрецедентной асимметрии знания и власти, которую дает знание. Надзорные капиталисты знают все *о нас*, в то время как их работа построена так, чтобы оставаться неведомой *для нас*. Они накапливают огромные пласты новых знаний, полученных *из нас*, но делают это не *для нас*. Они предсказывают наше будущее ради чужой выгоды, а не нашей. Пока надзорному капитализму и его рынкам поведенческих фьючерсов позволено процветать, собственность на новые средства изменения поведения будет гораздо важнее собственности на средства производства в качестве источника капиталистического богатства и власти в XXI веке.

Эти факты и их последствия для наших индивидуальных жизней, наших обществ, наших демократий и нашей рождающейся информационной цивилизации подробно рассматриваются в следующих главах. Приведенные здесь свидетельства и доводы говорят о том, что надзорный капитализм является вышедшей из-под контроля силой, движимой новыми экономическими императивами, которые игнорируют социальные нормы и сводят на нет элементарные права, связанные с индивидуальной автономией и необходимые для самого существования демократического общества.

Подобно тому как индустриальная цивилизация процветала за счет природы и теперь угрожает погубить саму Землю, информационная цивилизация, сформированная надзорным капитализмом и его новой инструментальной властью, будет процветать за счет человеческой природы и угрожает отнять у нас нашу человечность. Индустриальное наследие в виде кли-

---

¹⁴ Одно из первых глубоких исследований этих вопросов см. в: Langdon Winner, “A Victory for Computer Populism,” *Technology Review* 94, no. 4 (1991): 66. См. также: Chris Jay Hoofnagle, Jennifer M. Urban, and Su Li, “Privacy and Modern Advertising: Most US Internet Users Want ‘Do Not Track’ to Stop Collection of Data About Their Online Activities” (BCLT Research Paper, Rochester, NY: Social Science Research Network, October 8, 2012), <https://papers.ssrn.com/abstract=2152135>; Joseph Turow et al., “Americans Reject Tailored Advertising and Three Activities That Enable It,” Annenberg School for Communication, September 29, 2009, <http://papers.ssrn.com/abstract=1478214>; Chris Jay Hoofnagle and Jan Whittington, “Free: Accounting for the Costs of the Internet’s Most Popular Price,” *UCLA Law Review* 61 (February 28, 2014): 606; Jan Whittington and Chris Hoofnagle, “Unpacking Privacy’s Price,” *North Carolina Law Review* 90 (January 1, 2011): 1327; Chris Jay Hoofnagle, Jennifer King, Su Li, and Joseph Turow, “How Different Are Young Adults from Older Adults When It Comes to Information Privacy Attitudes & Policies?” April 14, 2010, http://repository.upenn.edu/asc_papers/399.

¹⁵ Эта фраза взята из: Roberto Mangabeira Unger, “The Dictatorship of No Alternatives,” in Roberto Mangabeira Unger, *What Should the Left Propose?* (London: Verso, 2006), 1–11.

матического хаоса подавляет нас, наполняет раскаянием и страхом. Сегодня доминирующей формой информационного капитализма становится надзорный капитализм – о каких новых утратах будут жалеть будущие поколения? К моменту, когда вы будете читать эти слова, эта новая форма распространится еще шире, поскольку все новые и новые отрасли, фирмы, стартапы, разработчики приложений и инвесторы мобилизуются под знамена этой единственно доступной версии информационного капитализма. Эта мобилизация и сопротивление ей зададут ключевое поле битвы, на котором развернется борьба за возможность человеческого будущего на новых рубежах власти.

IV. Беспрецедентное

Одно объяснение многочисленных триумфов надзорного капитализма выделяется среди остальных: он *беспрецедентен*. Беспрецедентное неизбежно неузнаваемо. Когда мы сталкиваемся с чем-то беспрецедентным, мы автоматически интерпретируем его сквозь призму знакомых категорий, тем самым делая невидимым именно беспрецедентное в нем. Классическим примером было понятие «безлошадного экипажа», к которому стали прибегать люди, сталкиваясь с беспрецедентным – автомобилем. Другая, трагическая, иллюстрация – встреча коренных народов с первыми испанскими конкистадорами. Когда индейцы таино с доколумбовых Карибских островов впервые увидели потных бородатых испанских солдат, бредущих по песку в своей парче и доспехах, могли ли они распознать значение и знамение этого момента? Не в силах вообразить собственную гибель, они сочли этих странных существ богами и приветствовали их утонченными ритуалами гостеприимства. Так беспрецедентное надежно осложняет понимание; существующая оптика проливает свет на знакомое, тем самым скрывая новое, превращая беспрецедентное в продолжение прошлого. Это способствует нормализации аномального, что делает совладание с беспрецедентным еще более непосильной задачей.

Несколько лет назад во время ночной грозы в наш дом попала молния, и я крепко усвоила урок, преподанный выходящей за рамки понимания силой беспрецедентного. Через несколько мгновений после удара густой черный дым повалил по лестнице из нижней части дома по направлению к гостиной. Пока мы приходили в себя и звонили пожарным, я думаю, у меня была минута или две, чтобы сделать что-то полезное, прежде чем броситься к своей семье. Сначала я побежала наверх и закрыла двери всех спален, чтобы защитить их от дыма. Затем я кинулась вниз в гостиную, где схватила столько наших семейных фотоальбомов, сколько могла унести, и сложила их в безопасном месте на крытом крыльце. Дым уже почти настиг меня, когда прибыли пожарные, схватили меня за плечо и вытащили за дверь. Мы стояли под проливным дождем и, потрясенные, наблюдали, как огонь поглощал наш дом.

Этот пожар научил меня многому, но самым важным была неузнаваемость беспрецедентного. В первые моменты кризиса я думала о том, что дом пострадает от дыма, я не могла представить себе, что от него ничего не останется. Я пыталась осмыслить происходящее через призму прошлого опыта, воображая болезненное, но в конечном итоге преодолимое отклонение от нормального течения жизни, вслед за которым все вернется на свои места. Не в силах узнать беспрецедентное, все, что я могла сделать, – это закрыть двери в комнаты, которых больше не будет, и искать безопасности на крыльце, которому суждено было исчезнуть. Я была слепа к тому, чему не было прецедентов в моем жизненном опыте.

Я начала изучать возникновение феномена, который в конечном итоге назвала надзорным капитализмом, в 2006 году, проводя интервью с предпринимателями и сотрудниками ряда технологических компаний в США и Великобритании. В течение нескольких лет мне казалось, что неожиданные и тревожные явления, задокументированные мной, были отклонениями от магистрального пути: упущениями руководства, ошибочными суждениями или непониманием контекста.

Мои полевые данные погибли в том ночном пожаре, и к тому времени, когда в начале 2011 года я смогла продолжить эту работу, мне было ясно, что старые линзы «безлошадного экипажа» не способны объяснить или оправдать формирующуюся новую реальность. Пропало множество деталей, касающихся отдельных деревьев, но контуры леса в целом вырисовывались отчетливее, чем когда-либо: информационный капитализм сделал решительный поворот к новой логике накопления, со своими особыми механизмами действия, экономическими императивами и рынками. Я видела, что эта новая форма отошла от норм и практик, опреде-

ляющих историю капитализма, и в этом процессе возникло нечто поразительное и беспрецедентное.

Конечно, появление беспрецедентного в экономической истории нельзя сравнить с пожаром в доме. Последствия катастрофического пожара были беспрецедентными лично для меня, но они не были уникальными. Напротив, надзорный капитализм – новое действующее лицо в истории, невиданное прежде и несводимое к чему-то известному. Он – единственный в своем роде и не похож ни на что другое: совершенно новая планета со своей собственной физикой времени и пространства, шестидесятичасовыми сутками, изумрудным небом, перевернутыми горными хребтами и сухой водой.

Тем не менее опасность того, что мы будем терять время, закрывая двери в комнаты, которые вскоре перестанут существовать, вполне реальна. Беспрецедентный характер надзорного капитализма позволяет ему избегать систематического противодействия, потому что его нельзя адекватно описать в рамках существующих понятий. Чтобы оспорить практики надзорного капитализма, мы прибегаем к таким категориям, как «монополия» или «неприкосновенность частной жизни». И хотя все это жизненно важные вопросы, и даже в тех случаях, когда операции надзорного капитализма действительно являются монополистическими и представляют угрозу личной сфере, эти привычные категории тем не менее не в состоянии распознать и оспорить наиболее важные и беспрецедентные факты этого нового режима.

Продолжит ли надзорный капитализм свою нынешнюю траекторию, чтобы стать доминирующей логикой накопления нашего века, или, в масштабе вечности, окажется всего лишь зубастой птицей: устрашающей, но в конечном итоге обреченной на гибель тупиковой ветвью в долгом развитии капитализма? Если он обречен, то что сделает его таковым? Что потребуется для создания эффективной вакцины?

Каждая вакцина начинается с тщательного изучения болезни, с которой предстоит бороться. Эта книга – путешествие, в котором мы столкнемся со всем тем странным, оригинальным и даже невообразимым, что есть в надзорном капитализме. Ее вдохновляло убеждение, что если мы хотим постичь беспрецедентное, в качестве необходимой прелюдии к эффективному противостоянию, то необходимы свежие наблюдения, анализ и новый язык. В следующих главах будут рассмотрены конкретные условия, которые позволили укорениться и расцвести надзорному капитализму, а также «законы движения», управляющие работой и ростом этой формы рынка – его основополагающие механизмы, экономические императивы, экономика предложения, властное устройство и принципы социального упорядочения. Двери нужно закрыть, но давайте сначала убедимся, что это правильные двери.

V. Кукловод, не марионетка

Наша попытка противостояния беспрецедентному начинается с понимания того, что надо *охотиться за кукловодом, а не за марионеткой*. Первая проблема, стоящая на пути понимания, – это смешение надзорного капитализма и технологий, которые он использует. Надзорный капитализм – не технология; это логика, одушевляющая технологию и приводящая ее в действие. Надзорный капитализм – это рыночная форма, которая невообразима вне цифровой среды, но она не равна «цифре». Как мы видели в истории с «Осведомленным домом» и как снова увидим в главе 2, цифровая реальность может принимать различные формы в зависимости от социальной и экономической логики, которая дает ей жизнь. Капитализм, а не технология устанавливает цену подчинения и беспомощности.

Тот факт, что надзорный капитализм – это логика действия, а не технология, – момент жизненно важный, потому что надзорные капиталисты хотят, чтобы мы думали, что их практики являются неизбежным выражением технологий, которые они используют. Например, в 2009 году общественность впервые узнала, что Google хранит наши истории поиска без ограничений по времени: данные, которые доступны в качестве сырья, также доступны спецслужбам и правоохранительным органам. Отвечая на вопрос об этих практиках, бывший генеральный директор корпорации Эрик Шмидт размышлял:

Реальность такова, что поисковые системы, включая Google, в течение какого-то времени сохраняют эту информацию¹⁶.

На самом деле, хранят информацию не поисковые системы, информацию хранит надзорный капитализм. Заявление Шмидта – классическая подтасовка, которая вводит публику в заблуждение, смешивая в одну кучу коммерческие императивы и технологическую необходимость. Оно маскирует вполне конкретные практики надзорного капитализма и конкретные решения, которые задают работу поисковика Google. Самое главное, практики надзорного капитализма преподносятся как нечто неизбежное, хотя на самом деле это тщательно рассчитанные и щедро финансируемые механизмы для продвижения поставленных им перед собой коммерческих целей. Мы подробно рассмотрим эти представления о «неизбежности» в главе 7. Пока достаточно сказать, что, несмотря на всю футуристическую изошренность цифровых инноваций, риторика компаний надзорного капитализма не слишком отличается от идей, некогда увековеченных в девизе Всемирной выставки в Чикаго в 1933 году: «Наука открывает – Промышленность внедряет – Человек приспосабливается».

Чтобы оспаривать подобные утверждения о технологической неизбежности, мы должны установить свои ориентиры. Мы не можем оценить нынешнюю траекторию информационной цивилизации без четкого понимания того, что технология никогда не была и не может быть вещью в себе, изолированной от экономики и общества. Это значит, что технологической неизбежности не существует. Технология – это всегда экономическое средство, а не самоцель: в наше время ДНК технологий уже изначально задается тем, что социолог Макс Вебер назвал «экономической ориентацией».

Экономические цели, по наблюдению Вебера, всегда являются неотъемлемой частью развития и внедрения технологий. «Экономическое действие» определяет цели, а технология обеспечивает «соответствующие средства». По словам Вебера,

---

¹⁶ Jared Newman, “Google’s Schmidt Roasted for Privacy Comments,” *PCWorld*, December 11, 2009, http://www.pcworld.com/article/184446/googles_schmidt_roasted_for_privacy_comments.html.

экономическая ориентация сегодняшнего так называемого технологического развития на получение прибыли является одним из коренных фактов истории техники¹⁷.

В современном капиталистическом обществе технология была, есть и всегда будет выражением экономических целей, которые приводят ее в действие. Попробуйте удалить слово «технология» из вашего словаря, и вы увидите, как быстро обнажаются цели капитализма.

Надзорный капитализм использует множество технологий, но его нельзя приравнять ни к одной из них. Его операции могут использовать платформы, но эти операции не совпадают с этими платформами. Он использует машинный интеллект, но не сводится к этим машинам. Он производит алгоритмы и опирается на них, но он не тождественен этим алгоритмам. Уникальные экономические императивы надзорного капитализма – это те кукловоды, которые прячутся за занавесом, приводя в действие машины и задавая им направление. Эти императивы, если позволить себе еще одну метафору, подобны мягким тканям тела, которые не видны в рентгеновских лучах, но на самом деле соединяют мышцы с костями. Мы не первые, кто стал жертвой технологической иллюзии. Это старый сюжет общественной мысли, старый, как троянский конь. Несмотря на это, каждое поколение увязает в этих зыбучих песках, забывая, что технология есть выражение иных интересов. В современную эпоху это означает, что интересы капитала, а сегодня именно надзорного капитала, управляют цифровой средой и прокладывают нашу траекторию в будущее. Наша цель в этой книге состоит в том, чтобы выявить законы надзорного капитализма, спрятанные в сегодняшних экзотических троянских конях, что возвращает нас к извечным вопросам, к тому, как они связаны с нашими жизнями, нашими обществами и нашей цивилизацией.

Мы уже стояли над подобной пропастью. «Мы уже давно спотыкаемся, пытаюсь управлять новой цивилизацией по-старому, но мы должны начать создавать этот мир заново». Это 1912 год, Томас Эдисон излагает свое видение новой индустриальной цивилизации в письме Генри Форду. Эдисона беспокоило, что потенциал индустриализма, который можно поставить на службу прогрессу человечества, будет подорван цепкой властью «баронов-разбойников» и монополистической экономикой, царившей в их уделах. Его возмущали «расточительность» и «жестокость» американского капитализма:

Наше производство, наши фабричные законы, наши благотворительные организации, наши отношения между капиталом и трудом, наше распределение – все неправильно, все впустую.

И Эдисон, и Форд понимали, что современная индустриальная цивилизация, на которую они возлагали такие надежды, кренится в сторону бездны, в которой – страдания для большинства и процветание для избранных.

Для нас здесь важно, что Эдисон и Форд понимали, что капиталистические практики, возобладавшие в их время, сформируют моральную жизнь индустриальной цивилизации. Они полагали, что Америке и в конечном итоге всему миру придется придумать новый, более рациональный капитализм, чтобы предотвратить будущее, полное страданий и конфликтов. Все, как предполагал Эдисон, нужно будет изобретать заново: новые технологии, да, но они должны отражать новые способы понимания и удовлетворения потребностей людей; новая экономическая модель, которая может сделать эти новые практики прибыльными; и новый общественный договор, на котором все это сможет держаться. Наступил новый век, но эволюция капи-

---

¹⁷ Max Weber, *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology* (Berkeley, CA: University of California Press, 1978), 1:67; Макс Вебер, *Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии* (Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016), 1: 116.

тализма, как и смена цивилизаций, не подчиняется ни календарю, ни часам. Стоял 1912 год, но девятнадцатый век все не ослаблял своей хватки над веком двадцатым.

То же самое можно сказать и о нашем времени. Когда я пишу эти строки, мы приближаемся к концу второго десятилетия двадцать первого века, но нас продолжают разрывать экономические и социальные конфликты века двадцатого. Эти конфликты и есть та сцена, на которой надзорный капитализм дебютировал и пришел к славе в качестве автора новой главы в длинной саге развития капитализма. Это тот драматический контекст, к которому мы обратимся на первых страницах части I: это то, с чего надо начать, чтобы оценить наш предмет в его должном контексте. Надзорный капитализм не случайный продукт чересчур усердных инженеров, а злокачественная мутация капитализма, научившегося ловко использовать исторические условия для обеспечения и защиты своего успеха.

VI. Краткое содержание, темы и источники этой книги

Эта книга задумана как первоначальная разметка неведомых земель, первая вылазка, которая, как я надеюсь, проложит путь новым исследователям. Попытка понять надзорный капитализм и его последствия продиктовала траекторию исследования, пролегающую через многие дисциплины и исторические периоды. Моей целью было разработать концепции и подходы, которые позволили бы нам увидеть закономерности в том, что кажется разрозненными понятиями, явлениями и фрагментами риторики и практики; каждая новая точка, нанесенная на карту, будет способствовать материализации нашего кукловода во плоти и крови.

Многие из точек на этой карте неизбежно рождаются среди быстрых течений в турбулентные времена. В попытке понять современные события мой метод заключался в том, чтобы в клубке технических деталей и корпоративной риторики выделить более глубокие закономерности. Проверкой моего успеха будет то, насколько яркий свет эта карта и ее концепции смогут пролить на беспрецедентное, дадут ли они более убедительное и всестороннее понимание стремительного потока кипящих вокруг нас событий, пока надзорный капитализм преследует свою долговременную цель экономического и социального господства.

«Эпоха надзорного капитализма» делится на четыре части. Каждая состоит из четырех-пяти глав и содержит заключительную главу, задуманную в качестве коды, которая отражает и концептуализирует значение сказанного раньше. Часть I посвящена основам надзорного капитализма – его происхождению и раннему развитию. Мы начинаем, в главе 2, с рассмотрения той обстановки, в которой надзорный капитализм дебютировал на сцене и достиг успеха. Этот контекст важен, потому что я боюсь, что мы слишком долго довольствовались поверхностными объяснениями быстрого взлета и повсеместного принятия практик, связанных с надзорным капитализмом. Например, мы приняли на веру представление об «удобстве» или тот факт, что многие из его услуг «бесплатны». Глава 2, напротив, рассматривает социальные условия, впусившие цифровую среду в нашу повседневную жизнь и позволившие надзорному капитализму пустить корни и дать плоды. Я описываю «коллизию» между многовековыми историческими процессами индивидуализации, формировавшими наш опыт как самоопределяющихся индивидов, и суровой социальной средой, созданной существующим уже не одно десятилетие режимом неолиберальной рыночной экономики, который систематически подрывает наше чувство собственного достоинства и потребность в самоопределении. Боль и разочарование, рождаемые этим противоречием, и стали теми условиями, которые толкнули нас за помощью и поддержкой к интернету и в конечном счете заставили покориться драконовской сделке с надзорным капитализмом.

Затем я перехожу к подробному изучению истоков и первых шагов надзорного капитализма в Google, начиная с открытия и первоначального развития того, что станет его основополагающими механизмами, экономическими императивами и «законами движения». При всем техническом мастерстве и компьютерном таланте Google действительным залогом успеха компании служат радикальные социальные отношения, которые она объявила свершившимся фактом – начиная с пренебрежительного отношения к границам личного человеческого опыта и моральной целостности автономного индивида. Вместо этого надзорные капиталисты утвердили свое право на вторжение по своему усмотрению, узурпируя индивидуальные права на принятие решений в пользу одностороннего надзора и самовольного изъятия человеческого опыта ради чужой прибыли. Этим агрессивным притязаниям благоприятствовали отсутствие законов, способных их остановить, совпадение интересов между начинающими надзорными капиталистами и государственными спецслужбами и упорство, с которым корпорация защищала свои новые территории. В конце концов Google кодифицировал рецепты, позволившие его надзорно-капиталистическим операциям успешно институционализироваться в качестве

доминирующей формы информационного капитализма, привлекая новых конкурентов, стремящихся поучаствовать в гонке за надзорными доходами. В силу этих достижений Google и расширяющаяся вселенная его конкурентов наслаждаются необычайной новой асимметрией знания и власти, беспрецедентной в человеческой истории. Я утверждаю, что значение этих событий лучше всего осмыслить как приватизацию *разделения общественного знания*, критической оси социального порядка в XXI веке.

В части II прослеживается миграция надзорного капитализма из онлайн-среды в реальный мир вследствие конкуренции за доступ к предсказаниям, почти полностью совпадающим с действительностью. Здесь мы исследуем этот новый *реалити-бизнес*, когда все стороны человеческого опыта используются как сырье, перерабатываемое в поведенческие данные. Многие из подобных задач выполняются под лозунгом «персонализации», которым прикрываются операции по раскапыванию самых интимных глубин повседневной жизни. По мере усиления конкуренции надзорные капиталисты начинают понимать, что извлечения человеческого опыта недостаточно. Наиболее надежное «сырье» для предсказаний образуется в результате вмешательства в наш опыт, которое направляет наше поведение в сторону, отвечающую коммерческим интересам надзорных капиталистов. Новые автоматизированные протоколы воздействия на человеческое поведение и изменения его разрабатываются на широкую ногу, по мере того как средства производства подчиняются новым и более сложным *средствам изменения поведения*. Мы видим эти новые протоколы в действии в экспериментах Facebook по изменению эмоций пользователей и родившейся в недрах Google игре Pokémon Go, построенной на технологии дополненной реальности. Доказательством нашего психического онемения является то, что всего несколько десятилетий назад американское общество осуждало методы массовой модификации поведения как неприемлемую угрозу индивидуальной автономии и демократическому строю. Сегодня те же самые практики почти не встречают ни сопротивления, ни хотя бы обсуждения, но при этом рутинно и повсеместно используются для получения прибыли от надзора. Наконец, я рассматриваю работу надзорного капитализма как вызов базовому *праву на будущее время*, которое подразумевает способность человека воображать, формировать намерения, делать обещания и строить собственное будущее. Это существенное условие свободной воли и тем более тех внутренних ресурсов, из которых мы черпаем *волю к воле*. Я спрашиваю: «Как это сошло им с рук?» и предлагаю ответ на этот вопрос. Часть II заканчивается размышлениями о нашей прошлой и будущей истории. *Если промышленный капитализм губит природную среду, то к каким пагубным последствиям для человеческой природы может привести надзорный капитализм?*

Часть III исследует рост инструментарной власти; ее проявление в виде повсеместно распространенной сенсорной и сетевой компьютерной инфраструктуры, которую я называю *Большим Другим*; и новое и глубоко антидемократическое видение общества и социальных отношений, к которым они ведут. Я утверждаю, что инструментаризм – беспрецедентный вид власти, который ускользал от нашего понимания отчасти потому, что был подвержен синдрому «безлошадного экипажа». Инструментарная власть рассматривалась сквозь старые линзы тоталитаризма, что скрывало ее отличия и потенциальные опасности. Тоталитаризм был перевоплощением государства, при котором ему должно было принадлежать всё и вся. Инструментаризм и его материализация в Большом Другом сигнализируют о превращении рынка в проект полной предсказуемости, начинании, невообразимом вне цифровой среды и логики надзорного капитализма. Давая имя инструментарной власти и предлагая ее анализ, я исследую ее интеллектуальные корни в ранней теоретической физике и ее более позднее выражение в работе радикального бихевиориста Б. Ф. Скиннера.

В части III прослеживается второй «фазовый переход» в надзорном капитализме. Первым была миграция из виртуального в реальный мир. Вторым – это смещение фокуса с реального мира на социальный, когда само общество становится новым объектом эксплуатации

и контроля. Подобно тому как индустриальное общество уподобляли хорошо функционирующей машине, так и инструментарное общество представляется человеческим воплощением системы машинного обучения: единый разум улья, в котором каждый элемент учится и действует в согласии со всеми другими элементами. Когда по такой схеме объединяются машины, то «свобода» каждой отдельной машины подчиняется знанию системы в целом. Инструментарная власть стремится организовать, направить в нужную сторону и настроить общество для достижения подобного же *социального слияния*, при котором групповое давление и математическая предсказуемость заменяют политику и демократию, уничтожая субъективное ощущение и социальный смысл индивидуализированного существования. Самые молодые члены наших обществ уже испытывают на себе многие из этих разрушительных процессов в своей привязанности к социальным сетям, первому глобальному эксперименту по построению человеческого улья. Я рассматриваю последствия этих событий для второго базового права: *права на личное святилище*. Человеческая потребность иметь уединенное пристанище, границы которого нерушимы, с глубокой древности сохранялась в цивилизованных обществах, но сегодня оказалась под угрозой, по мере того как надзорный капитал создает мир, из которого «выхода нет», что влечет за собой глубокие последствия для человеческого будущего на этих новых рубежах власти.

В заключительной главе я прихожу к выводу, что надзорный капитализм удивительным образом отходит от магистральной линии развития рыночного капитализма, требуя как беспрепятственной свободы, так и полного знания, отказываясь от взаимовыгодных связей капитализма с людьми и обществом и навязывая тотализирующее коллективистское видение жизни в улье, под присмотром и контролем со стороны самих надзорных капиталистов, а также обслуживающих их специалистов по данным в качестве священнического сословия. Надзорный капитализм и его быстро растущая инструментарная власть превзошли исторические нормы капиталистических амбиций, претендуя на господство над человеческими, общественными и политическими территориями, которые простираются далеко за пределами традиционной институциональной территории частной фирмы или рынка. В результате надзорный капитализм лучше всего описывать как *верхушечный переворот*, не свержение государства, а свержение суверенитета народа, и как одну из главных движущих сил, стоящих за опасным скатыванием к распаду демократии, которое угрожает сегодня либерально-демократическим странам Запада. Только «мы, народ» можем переломить этот курс, сначала назвав беспрецедентное по имени, а затем мобилизовав новые формы совместного действия: решающий шаг, который подтвердит первичность будущего человеческого процветания в качестве основы нашей информационной цивилизации. *Если цифровому будущему суждено быть нашим домом, то только мы сами должны сделать его таковым.*

Мои методы сочетают в себе методы обществоведа, склонного к теории, истории, философии и качественным исследованиям, с методами публициста – подход необычный, но намеренный. Как публицист, я иногда опираюсь на свой собственный опыт. Я делаю это потому, что, когда мы подходим к критическим вопросам, разбираемым здесь, как к просто еще одной порции абстракций, связанных с технологическими и экономическими силами, на которые мы не способны повлиять, усиливается склонность к психическому онемению. Мы не сможем сполна оценить опасность надзорного капитализма и его последствий, не осмотрев шрамы, оставленные им во плоти нашей повседневной жизни.

Будучи социальным ученым, я обратилась к более ранним теоретикам, которые сталкивались с беспрецедентным в свое время. Перечитывая с этой точки зрения тексты таких классиков, как Дюркгейм, Маркс и Вебер, я научилась по-новому ценить их интеллектуальную отвагу и новаторские идеи, их смелые теории индустриального капитализма и индустриального общества, которые стремительно вырастали на их глазах в XIX – начале XX века. Мою работу здесь также вдохновляли мыслители середины XX века, такие как Ханна Арендт, Тео-

дор Адорно, Карл Полаanyi, Жан-Поль Сартр и Стэнли Милгрэм, которые пытались назвать по имени беспрецедентное своей эпохи, когда столкнулись с выходящим за рамки понимания феноменом тоталитаризма и постарались выявить его последствия для судеб человечества. На мою работу также оказали глубокое влияние многие передовые ученые, критики технологий и преданные своему делу журналисты-расследователи, которые так много сделали для освещения ключевых точек на карте, которая будет здесь вырисовываться.

В течение последних семи лет я внимательно следила за ведущими капиталистическими фирмами, занимающимися надзором, и растущими экосистемами их клиентов, консультантов и конкурентов, все это с учетом более широкого контекста технологий и науки о данных, определяющих дух времени в Кремниевой долине. Это поднимает вопрос об еще одном важном различии. Подобно тому как надзорный капитализм не равен технологии, упомянутая новая логика накопления не может быть сведена к какой-либо отдельной компании или группе компаний. Пять ведущих интернет-гигантов – Apple, Google, Amazon, Microsoft и Facebook – часто рассматриваются как единое целое со сходными стратегиями и интересами, но когда дело касается надзорного капитализма, это не так.

Во-первых, необходимо различать капитализм и надзорный капитализм. Как я более подробно расскажу в главе 3, эта граница частично определяется целями и методами сбора данных. Когда фирма собирает данные о поведении с разрешения и только с целью улучшения продукта или услуги, то это капитализм, но не надзорный капитализм. Каждая из пяти ведущих технологических компаний практикует капитализм, но не все они являются надзорными капиталистами в чистом виде, по крайней мере на данный момент.

Например, Apple до сих пор проводила черту, обещая воздерживаться от многих практик, которые я приписываю режиму надзорного капитализма. Ее поведение в этом отношении не безупречно, линия иногда размыта, и Apple вполне может изменить свою ориентацию или начать действовать вопреки ей. Amazon когда-то гордился своей клиентоориентированностью и позитивной обратной связью между сбором данных и улучшением обслуживания. Обе фирмы получают доходы как от цифровых, так и от физических продуктов и, следовательно, не испытывают такой финансовой потребности в надзорных доходах, как компании, занимающиеся одними лишь данными. Однако, как мы увидим в главе 9, Amazon с его новым акцентом на «персонализированные» услуги и доходы от сторонних организаций, по всей видимости, дрейфует в сторону надзорного капитализма.

Перешла ли корпорация полностью на сторону надзорного капитализма или нет, само по себе это ничего не говорит о других жизненно важных вопросах, поднимаемых ее деятельностью – от монополистических и антиконкурентных практик в случае Amazon до ценообразования, налоговых стратегий и политики занятости у Apple. Никаких гарантий на будущее тоже нет. Время покажет, поддастся ли Apple соблазну надзорного капитализма, удержит свою линию или, может быть, даже расширит свои амбиции и твердо встанет на эффективный альтернативный путь к человеческому будущему, связанному с идеалами индивидуальной автономии и самыми базовыми ценностями демократического общества.

Одним из важных следствий этого различия является то, что даже когда наши общества поднимаются против капиталистического вреда, причиняемого технологическими компаниями, например связанного с монополизмом или персональными данными, эти действия сами по себе не меняют приверженности фирмы надзорному капитализму и не мешают дальнейшему разрастанию последнего. Скажем, призывы разделить Google или Facebook из-за их монопольного статуса могут легко привести к созданию множества компаний надзорного капитализма, хотя и меньшего масштаба, и таким образом расчистить путь для новых конкурентов из числа надзорных капиталистов. Аналогичным образом, сокращение дуополии Google и Facebook в онлайн-рекламе не уменьшит хватку надзорного капитализма, если долю рынка, занимаемую онлайн-рекламой, поделят между собой пять или пятьдесят фирм надзорного

капитализма вместо двух. На протяжении всей этой книги я уделяю особое внимание беспрецедентным аспектам функционирования надзорного капитализма, которые должны быть оспорены и остановлены, если мы хотим сдержать и покорить эту рыночную форму.

Мое внимание на этих страницах обращено преимущественно к Google, Facebook и Microsoft. Но цель не в том, чтобы подвергнуть всесторонней критике именно эти компании. Наоборот, я рассматриваю их как чашки Петри, в которых удобнее всего исследовать ДНК надзорного капитализма. Как я уже говорила, моя цель – картографировать новую логику и ее функционирование, а не компанию или ее технологии. Я вторгаюсь в дела этих и других компаний, чтобы собрать идеи, которые могут конкретизировать эту карту, подобно тому как предыдущие наблюдатели перебрали множество примеров перед тем, как уловить тогда еще новую логику менеджериального капитализма и массового производства. Кроме того, так случилось, что надзорный капитализм был изобретен в Соединенных Штатах – в Кремниевой долине и в Google. Это делает его американским изобретением, которое, как и массовое производство, стало глобальной реальностью. По этой причине большая часть этой книги посвящена событиям в США, хотя последствия этих событий дают о себе знать во всем мире.

Изучая методы надзорного капитализма в Google, Facebook, Microsoft и других корпорациях, я уделяла пристальное внимание интервью, патентам, обсуждениям финансовых показателей, выступлениям, конференциям, видеороликам, а также программам и политикам компании. Кроме того, в период с 2012 по 2015 год я провела интервью с 52 специалистами по данным из 19 различных компаний с совокупным 586-летним опытом работы в высокотехнологичных корпорациях и стартапах, главным образом в Кремниевой долине. Эти интервью проводились по мере того, как я приходила к своему «низовому пониманию» надзорного капитализма и его материальной инфраструктуры. В самом начале я обратилась к небольшому числу в высшей степени уважаемых специалистов по работе с данными, старших разработчиков программного обеспечения и специалистов по «интернету вещей». По мере того как эти ученые представляли меня своим коллегам, моя выборка респондентов росла. Интервью, иногда многочасовые, проводились на условиях конфиденциальности и анонимности, но моя благодарность моим собеседникам носит личный характер, и я публично заявляю здесь о ней.

И последнее: в этой книге вы встретите отрывки из «Сонетов из Китая» У. Х. Одена, а также весь сонет XVIII. Мне дорог этот цикл стихов Одена – это острое исследование мифической истории человечества, извечной борьбы с насилием и господством, а также всепобеждающей силы человеческого духа и его неустанного притязания на собственное будущее.

Часть I

Основы надзорного капитализма

Глава 2

9 августа 2011 года: готовя почву для надзорного капитализма

*Не ангелы как будто – сатана
На стражу встал бессрочную у входа
И выхода в другие времена.*

У. Х. Оден, Сонеты из Китая, II¹⁸

Девятого августа 2011 года три события, разделенные тысячами миль, наглядно показали головокружительные перспективы и надвигающиеся угрозы, связанные с нашей нарождающейся информационной цивилизацией. Во-первых, один из пионеров Кремниевой долины, компания Apple, обещала новые цифровые «решения мечты» для ряда старых экономических и социальных проблем и превзошла наконец Exxon Mobil по капитализации, став самой дорогой компанией в мире. Во-вторых, использование огнестрельного оружия лондонской полицией, приведшее к гибели подозреваемого, спровоцировало массовые беспорядки по всему городу, вызвав волну насильственных протестов в стране. Десятилетие взрывного цифрового роста не смогло смягчить бремени неолиберальных мер жесткой экономии и вызванного ими крайнего неравенства. Слишком многие стали чувствовать себя изгнанными из будущего и отдались ярости и насилию как своему единственному прибежищу. В-третьих, испанские граждане заявили о своих правах на человеческое будущее, бросив вызов Google своим требованием «права на забвение». Этот рубеж напомнил миру о том, как быстро заветные мечты о более справедливом и демократическом цифровом будущем столкнулись с неприглядной реальностью, что стало предвестием глобальной политической борьбы вокруг слияния цифровых возможностей и капиталистических амбиций. Мы переживаем этот августовский день снова и снова, как в какой-то древней притче, обреченные ходить по кругу, пока душа нашей информационной цивилизации наконец не сформируется демократическими действиями, частной властью, невежеством или пассивным дрейфом по течению.

I. Apple взламывает капитализм

Apple вырвалась на музыкальную сцену в разгар жестокой битвы между спросом и предложением. С одной стороны были молодые люди, чей энтузиазм по поводу Napster и других форм обмена музыкальными файлами выражал новое качество спроса: потреблять по-моему, то, что я хочу, когда хочу, где хочу. С другой стороны стояли руководители музыкальной индустрии, которые решили посеять страх и подавить этот спрос, выслеживая и преследуя в судебном порядке некоторых самых активных пользователей Napster. Apple преодолела эту пропасть, предложив коммерчески и юридически жизнеспособное решение, которое пошло навстречу новым потребностям людей и в то же время учитывало интересы представителей

---

¹⁸ Пер. В. Топорова.

музыкальной индустрии. Napster взломал музыкальную индустрию, а Apple, похоже, взломала капитализм.

Легко забыть, насколько значительным был этот шаг Apple. Прибыль компании взлетела главным образом благодаря продажам iPod/iTunes/iPhone. По словам издания *Bloomberg Businessweek*, аналитики с Уолл-стрит были «сбиты с толку» этим загадочным «чудом» от Apple. Как восклицал один из них: «Мы даже не можем смоделировать некоторые из возможностей... Это похоже на религию»¹⁹. Даже сегодня цифры поражают воображение: в течение трех дней после запуска Windows-совместимой платформы iTunes в октябре 2003 года слушатели загрузили миллион бесплатных копий iTunes и заплатили за миллион песен, что позволило Стиву Джобсу объявить: «Менее чем за одну неделю мы побили все рекорды и стали крупнейшей музыкальной онлайн-компанией в мире»²⁰. В течение месяца было совершено 5 миллионов загрузок, затем 10 миллионов спустя три месяца, затем 25 миллионов еще через три месяца. Четыре с половиной года спустя, в январе 2007 года, это число возросло до двух миллиардов, а шесть лет спустя, в 2013 году, оно составило 25 миллиардов. В 2008 году Apple превзошла Walmart в качестве крупнейшего в мире музыкального ритейлера. Продажи iPod были такими же впечатляющими: они подскочили с миллиона штук в месяц после запуска музыкального магазина до 100 миллионов менее чем через четыре года, когда Apple включила функциональность iPod в свой революционный iPhone, что вывело компанию на новую ступень роста. В исследовании доходности фондового рынка, проведенном в 2017 году, был сделан вывод, что Apple принесла инвесторам больше прибыли, чем любая другая американская компания за всё предыдущее столетие²¹.

За сто лет до выхода iPod массовое производство проложило путь к новой эре, открыв параллельную вселенную экономической ценности, которая была скрыта в новом и еще мало понятном феномене массового потребителя, желавшего покупать, но по цене, которую мог себе позволить. Генри Форд снизил цену на автомобиль на 60 % благодаря революционной промышленной логике, сочетавшей большие объемы выпуска и низкую себестоимость. Он назвал это «массовым производством», резюмируя его своим известным изречением: «Вы можете выбрать автомобиль какого угодно цвета, лишь бы он был черным».

Позже Альфред Слоан из General Motors объяснил этот принцип:

К тому времени, когда у нас появляется продукт, который можно им [потребителям] показать, мы просто обязаны продать им его, учитывая огромные инвестиции, связанные с его выводом на рынок²².

Бизнес-модель музыкальной индустрии тоже строилась на том, чтобы указывать покупателю, что он хочет купить, как это было с Фордом и Слоаном. Фирмы инвестировали в производство и дистрибуцию компакт-дисков, и именно эти диски покупатели должны были покупать.

Генри Форд был одним из первых, кто напал на золотую жилу, воспользовавшись возможностями, открываемыми новым массовым потреблением, при выпуске его Model T. Как и в случае с iPod, фабрике, производившей Ford Model T, с трудом удавалось удовлетворять взрывообразный рост спроса. Массовое производство было применимо и применялось ко всему, что угодно. Оно изменило структуру производства по мере своего распространения по всей

---

¹⁹ Roben Farzad, "Apple's Earnings Power Befuddles Wall Street," *Bloomberg Businessweek*, August 7, 2011, <https://www.bloomberg.com/news/articles/2011-07-28/apple-s-earnings-power-befuddles-wall-street>.

²⁰ "iTunes Music Store Sells Over One Million Songs in First Week," *Apple Newsroom*, March 9, 2018, <https://www.apple.com/newsroom/2003/05/05iTunes-Music-Store-Sells-Over-One-Million-Songs-in-First-Week>.

²¹ Jeff Sommer, "The Best Investment Since 1926? Apple," *New York Times*, September 22, 2017, <https://www.nytimes.com/2017/09/22/business/apple-investment.html>.

²² См.: Shoshana Zuboff and James Maxmin, *The Support Economy: How Corporations Are Failing Individuals and the Next Episode of Capitalism* (New York: Penguin, 2002), 230.

экономике и по всему миру и установило господство нового капитализма массового производства в качестве основы для создания богатства в XX веке.

Инновации в iPod/iTunes перевернули эту вековую индустриальную логику, используя новые возможности цифровых технологий, чтобы *инвертировать* процесс потребления. Apple переписала заново отношения между слушателями и их музыкой, опираясь на специфическую коммерческую логику, которая, хотя и знакома нам сейчас, в момент своего появления воспринималась как революционная.

Инверсия Apple строилась на нескольких ключевых элементах. Цифровизация дала возможность *вызволить* ценные активы – в данном случае песни – из институциональных пространств, внутри которых они застряли. Дорогостоящие институциональные процедуры, описанные Слоаном, были устранены в пользу прямого пути к слушателям. Так, в случае с компакт-дисками, Apple *обошлась без* физического производства продукта, а значит и без его упаковки, учета, хранения, маркетинга, транспортировки, дистрибуции и розничной продажи. Сочетание платформы iTunes и устройства iPod позволило слушателям постоянно *переконфигурировать* свою музыку по собственному желанию. Не было двух одинаковых iPod, и iPod на этой неделе отличался от того же самого iPod неделю спустя, по мере того как слушатели выбирали и снова пересматривали комбинации треков. Для музыкальной индустрии и ее спутников – розничных продавцов, маркетологов и т. д. – это был мучительный процесс, но это было именно то, чего хотели новые слушатели.

Как понимать этот успех? «Чудо» Apple обычно приписывают гениальности ее дизайнеров и маркетологов. Желание потребителей иметь «то, что я хочу, когда, где и как хочу» воспринимается как подтверждение их спроса на «удобство», а иногда просто списывается на нарциссизм или каприз. На мой взгляд, эти объяснения теряют свою убедительность на фоне беспримерного масштаба достижений Apple. Мы слишком долго довольствовались поверхностными объяснениями достигнутого Apple беспрецедентного слияния капитализма с цифровыми технологиями, вместо того чтобы копнуть глубже и рассмотреть исторические силы, которые вызвали эту новую форму к жизни.

Подобно тому как Ford воспользовался возможностями нового массового потребления, Apple одной из первых пережила взрывной коммерческий успех, опирающийся на возможности нового общества индивидов и создаваемый им спрос на индивидуализированное потребление. Этот переворот – часть более широкой коммерческой трансформации, в рамках которой цифровая эра наконец предложила инструменты для смещения фокуса потребления с массы на человека, освобождая и перестраивая операции и активы капитализма. Она обещала что-то совершенно новое, срочно необходимое и технически невозможное вне сетевого цифрового пространства. Ее неявное обещание встать на защиту наших новых потребностей и ориентаций было подтверждением нашего внутреннего чувства достоинства и ценности, которое подкрепляло наше ощущение, что мы имеем значение. Предлагая потребителям передышку от институционального мира, безразличного к их индивидуальным потребностям, она открыла двери для нового рационального капитализма, способного воссоединить спрос и предложение, соединив нас с тем, что нам действительно надо, и именно так, как мы этого хотим.

Как я покажу в следующих главах, те же исторические условия, которые запустили iPod в его стремительный полет, вызвали к жизни и надежду, что интернет освободит нашу повседневную жизнь, в тот момент, когда мы искали противоядие от неравенства и ущемления наших прав. Главное здесь для нас то, что эти же условия в значительной степени создадут тепличные условия, в которых сможет пустить корни и расцвести надзорный капитализм. А именно: и чудо Apple, и надзорный капитализм обязаны своим успехом разрушительному столкновению двух противоположных исторических сил. Один вектор – часть более широкой истории модернизации и многовекового социального сдвига от массы к индивиду. Встречный вектор – идущая десятилетиями разработка и реализация неолиберальной экономической

парадигмы: связанные с ней политическая экономия и социальные трансформации и в особенности заложенная в ней цель обратить вспять, покорить, затруднить и даже уничтожить стремление человека к психологическому самоопределению и праву на моральный выбор. В следующих параграфах кратко излагаются основные контуры этого столкновения, задавая основные ориентиры, к которым мы будем постоянно возвращаться в последующих главах при рассмотрении стремительного роста надзорного капитализма.

II. Два модерна

Капитализм развивается в ответ на потребности людей, существующие в каждый конкретный момент времени и в каждом конкретном месте. Генри Форд ясно высказался по этому вопросу: «Массовое производство начинается с обнаружения общественной потребности»²³. В то время, когда производители автомобилей в Детройте были заняты выпуском роскошных автомобилей, Форд был единственным, кто разглядел новую нацию все более современных людей – фермеров, наемных работников, лавочников, – которые мало имели и многого хотели, но по цене, которую могли себе позволить. Их «спрос» исходил из тех же условий существования, которые вывели на сцену истории Форда и его людей, когда они обнаружили преобразующую мощь новой логики стандартизированного производства в крупных объемах и с низкой себестоимостью. Знаменитый «пятидолларовый день» Форда символизировал системную логику взаимной выгоды. Выплачивая рабочим на конвейере более высокую заработную плату, чем кто-либо мог себе тогда представить, он признавал, что вся затея с массовым производством опирается на существование процветающего слоя массовых потребителей.

Хотя подобная рыночная форма и ее боссы были не безгрешны и породили множество случаев насилия, связанные с ней массы становящихся современными людей воспринимались как ценный источник клиентов и работников. Этот капитализм зависел от своего общества таким образом, что в конечном итоге это привело к ряду институционализированных взаимностей. С внешней стороны этот прорыв к недорогим товарам и услугам ограничивался демократическими мерами и методами надзора, которые устанавливали и отстаивали права и безопасность работников и потребителей. Внутри же были прочные системы занятости, карьерные лестницы и устойчивый рост заработной платы и социальных выплат²⁴. С высоты последних сорока лет, в течение которых эта рыночная форма подвергалась систематическому демонстражу, можно сказать, что ее симбиотическая связь с социальным порядком, какой бы спорной и несовершенной она ни была, видится одной из ее самых существенных характеристик.

Напрашивается вывод, что новые рыночные формы наиболее продуктивны, когда они сформированы желанием соответствовать фактическим требованиям и ментальности людей. Великий социолог Эмиль Дюркгейм высказал эту мысль на заре XX века, и его мысль послужит для нас пробным камнем на протяжении всей этой книги. Наблюдая за драматическими потрясениями индустриализации своего времени – ростом фабрик, специализацией, сложным разделением труда, – Дюркгейм понял, что, хотя экономисты могут описать эти события, они не способны постичь их *причины*. Он утверждал, что эти радикальные изменения «вызваны» изменяющимися потребностями людей и что экономисты (это и сейчас так) систематически слепы к этим социальным фактам:

Ясно, насколько наша точка зрения на разделение труда отличается от точки зрения экономистов. Для них оно состоит главным образом в том,

---

²³ Henry Ford, “Mass Production,” *Encyclopedia Britannica* (New York: Encyclopedia Britannica, 1926), 821, [http://memory.loc.gov/cgi-bin/query/h?ammem/coolbib:@field\(NUMBER+@band\(amrlg+lg48\)\)](http://memory.loc.gov/cgi-bin/query/h?ammem/coolbib:@field(NUMBER+@band(amrlg+lg48))).

²⁴ Lizabeth Cohen, *A Consumers' Republic: The Politics of Mass Consumption in Postwar America* (New York: Knopf, 2003); Martin J. Sklar, *The Corporate Reconstruction of American Capitalism: 1890–1916: The Market, the Law, and Politics* (New York: Cambridge University Press, 1988).

чтобы производить больше. Для нас эта большая производительность только необходимое следствие, отражение явления. Если мы специализируемся, то не для того, чтобы производить больше, но чтобы быть в состоянии жить при *новых условиях существования*²⁵.

Дюркгейм считал, что извечное стремление человека полноценно жить в своих «условиях существования» и есть невидимая причинная сила, вызывающая к жизни разделение труда, технологии, организацию труда, капитализм и в конечном счете саму цивилизацию. Все это выковано в одном горниле человеческой нужды, порожденной тем, что Дюркгейм назвал постоянно усиливающейся «ожесточенностью борьбы» за полноценную жизнь: «Если труд все более разделяется», то это потому, что «борьба за жизнь [по мере усложнения общества все] более энергична»²⁶. Рациональность капитализма отражает это его соответствие, хотя и несовершенное, потребностям, которые испытывают люди, пытаясь полноценно жить, борясь с условиями существования, с которыми они сталкиваются в определенном месте и в определенное время.

Когда мы смотрим на вещи сквозь эту призму, мы видим, что и нетерпеливые покупатели невероятной фордовской Model T, и новые потребители iPod и iPhone выражают условия существования, характеризующие их эпоху. По сути, каждый из них – плод различных фаз многовекового процесса, известного как «индивидуализация», которая и накладывает человеческую печать на современную эпоху. Массовые потребители Форда были людьми так называемого первого модерна²⁷, но новые условия «второго модерна» породили нового человека, для которого инверсия Apple и многочисленные последовавшие за ней цифровые инновации стали неотъемлемой частью жизни. Этот второй модерн вызвал к жизни Google, Facebook и им подобных и неожиданным образом помог рождению надзорного капитализма, пришедшего следом.

Что представляют собой эти два модерна и какую роль они играют в нашем рассказе? Возникновение индивида как отправной точки морального действия и морального выбора впервые произошло на Западе, где условия для его появления создались раньше. Сначала давайте договоримся, что понятие «индивидуализации» не следует путать с неолиберальной идеологией «индивидуализма», которая переносит всю ответственность за успех или неудачу на мифического, атомизированного, изолированного индивида, обреченного на жизнь вечной конкуренции и оторванного от человеческих отношений, общности и общества. Не относится оно и к психологическому процессу «индивидуации», который связан с самопознанием и саморазвитием на протяжении человеческой жизни. Индивидуализация, напротив, есть следствие долгосрочных процессов модернизации²⁸.

До самых последних нескольких минут на часах человеческой истории жизнь человека определялась кровью и географией, полом и родством, рангом и религией. Я – дочь моей матери. Я – сын моего отца. Представление о человеке как об *индивидуальной личности* складывалось постепенно на протяжении веков, с трудом вырываясь из этих древних тисков. Около двухсот лет назад мы впервые шагнули по дороге современности, когда жизнь перестала быть

---

²⁵ Emile Durkheim, *The Division of Labor in Society* (New York: Free Press, 1964), 275; Эмиль Дюркгейм, *О разделении общественного труда. Метод социологии* (Москва: Наука, 1990), 257 (выделено мной. – Ш. З.).

²⁶ Ibid., 266; Там же, 248.

²⁷ Ulrich Beck, *Risk Society: Towards a New Modernity* (Thousand Oaks, CA: Sage, 1992); Ульрих Бек, *Общество риска. На пути к другому модерну* (Москва: Прогресс-Традиция, 2000).

²⁸ Читателям, которым интересен более детальный анализ возникновения этого феномена, я рекомендую обширное обсуждение в: Zuboff and Maxmin, *The Support Economy*. См. также: Ulrich Beck and Elisabeth Beck-Gernsheim, *Individualization: Institutionalized Individualism and Its Social and Political Consequences* (London: Sage, 2002); Ulrich Beck, “Why ‘Class’ Is Too Soft a Category to Capture the Explosiveness of Social Inequality at the Beginning of the Twenty-First Century,” *British Journal of Sociology* 64, no. 1 (2013): 63–74; Ulrich Beck and Edgar Grande, “Varieties of Second Modernity: The Cosmopolitan Turn in Social and Political Theory and Research,” *British Journal of Sociology* 61, no. 3 (2010): 409–443.

чем-то, что просто передается из поколения в поколение в соответствии с традициями деревни и рода. Этот «первый модерн» отмечает время, когда жизнь стала «индивидуализированной» для большого числа людей, по мере того как они отделяли себя от традиционных норм, значений и правил²⁹. Это означало, что каждая жизнь стала открытой реальностью, которую каждый раз нужно изобретать заново, вместо чего-то данного изначально, что следует лишь воспроизвести. Даже там, где сегодня для многих традиционный мир сохранился в целости, он уже не воспринимается как единственно возможная реальность.

Я часто думаю о смелости моих прабабушек и прадедушек. Какую смесь грусти, ужаса и надежды испытывали они, когда в 1908 году, полные решимости избежать истязаний со стороны казаков в своей деревушке под Киевом, взяли своих пятерых детей, включая моего четырехлетнего деда Макса, собрали все свои пожитки в повозку и подстегнули лошадей по направлению к пароходу, отплывающему в Америку? Как и миллионы других пионеров этого первого модерна, они сбежали из все еще феодального мира, чтобы начать совершенно новую жизнь. Макс позже женился на Софи и создал свою семью вдали от породивших их деревенских ритмов. Испанский поэт Антонио Мачадо запечатлел смелые надежды и отвагу этих людей первого модерна в своей знаменитой песне: «Помни, путник, твоя дорога / только след за твоей спиной». Вот что означал «поиск»: путь, полный исследований и самосозидания, а не мгновенная загрузка уже готовых ответов.

Тем не менее многие иерархические черты старого феодального мира перешли в новое индустриальное общество, сохранившись в его моделях принадлежности, основанных на классе, расе, роде занятий, религии, этничности, поле и столпах массового общества – его корпорациях, рабочих местах, профсоюзах, церквях, политических партиях, гражданских группах и школьных системах. Этот новый мировой порядок масс и его бюрократическая логика концентрации, централизации, стандартизации и предписаний по-прежнему обеспечивали прочные якоря, ориентиры и цели для каждой жизни.

В отличие от своих родителей и всех предыдущих поколений, Софи и Макс много приходилось продумывать самостоятельно, но не все. Софи знала, что ей предстоит заниматься семьей. Макс знал, что будет зарабатывать для них на жизнь. Вы адаптировались к тому, что предлагал вам мир; вы следовали правилам. Никто не спрашивал вашего мнения и не слушал, если вы его высказывали. Ожидалось, что вы будете делать то, что *должны* делать, и мало-помалу вы продвигались вперед. Вы создавали настоящую семью, в конце концов вы зарабатывали на дом, автомобиль, стиральную машину и холодильник. Пионеры массового производства, такие как Генри Форд и Альфред Слоан, нашли способ дать вам эти вещи по доступной для вас цене.

Если вас что-то тревожило, то это было связано с необходимостью соответствовать требованиям социальных ролей. Ожидалось, что вы не позволите личным чувствам выплеснуться за границы отведенной вам социальной роли, даже если вам придется заплатить за это немалую психологическую цену. Психологи и социологи, занимавшиеся социализацией и адаптацией, рассматривали нуклеарную семью как «фабрику» для «производства личностей», полностью готовых соответствовать социальным нормам массового общества³⁰. Эти «фабрики» также производили немало боли: «загадка женственности»³¹, скрытые гомосексуалисты, атеисты, вынужденные ходить в церковь, аборт, сделанные на задворках. В конечном счете, однако, они выпускали и людей – таких, как вы и я.

²⁹ Beck, *Risk Society*; Бек, *Общество риска*.

³⁰ Talcott Parsons, *Social Structure and Personality* (New York: Free Press, 1964).

³¹ Отсылка к книге Бетти Фридан «Загадка женственности» (1963), в которой она говорит о неудовлетворенности женщины предписанной ей ролью домохозяйки, жены и матери. – *Прим. пер.*

Когда я отправилась по этой открытой дороге, у меня было мало ответов, не было ничего достойного подражания, не было компаса, за исключением тех ценностей и мечтаний, которые я несла в себе. Я была не одинока; дорога была заполнена множеством других таких же путешественников. Нас породил первый модерн, но мы вызвали к жизни новую ментальность: «второй модерн»³². То, что начиналось как современная миграция прочь от традиционных форм жизни, расцвело в виде нового общества людей, в которых проснулось чувство психологической индивидуальности, с его обоюдоострым, данным от рождения правом на освобождение и на неизбежность. Мы ощущаем и право, и необходимость выбирать собственную жизнь. Уже не довольствуясь ролью анонимных членов массы, мы сознаем наше право на самоопределение, очевидную истину для нас, которая была бы невозможным актом высокомерия для Софи и Макса. Эта ментальность – выдающееся достижение человеческого духа, даже если он может стать пожизненным приговором к неопределенности, тревоге и стрессу.

История индивидуализации сделала этот новый поворот в направлении «второго модерна» во второй половине XX века. Индустриальный модерн и капиталистические методы массового производства, лежавшие в его основе, создали больше богатства, чем когда-либо представлялось возможным. Там, где это богатство дополнялось демократической политикой, практиками перераспределения, доступом к образованию и здравоохранению, а также сильными институтами гражданского общества, начало впервые рождаться новое «общество индивидов». Сотни миллионов людей получили доступ к возможностям, которые когда-то были прерогативой крошечной элиты: университетское образование, путешествия, увеличение ожидаемой продолжительности жизни, располагаемый доход, повышение уровня жизни, широкий доступ к потребительским товарам, разнообразные коммуникационные и информационные потоки, а также специализированная, интеллектуально сложная работа.

Иерархический социальный договор и массовое общество первого модерна обещали предсказуемые награды, но сам их успех был тем, что освободило нас и выбросило на берега второго модерна, подтолкнув к более сложной и богато структурированной жизни. Работа в сфере образования и знания расширила владение языком и мышлением, инструментами, с помощью которых мы создаем личностные смыслы и формируем собственное мнение. Коммуникация, информация, потребление и путешествия стимулировали индивидуальное самознание и творческое воображение, влияя на взгляды, ценности и установки таким образом, что они больше не могли оставаться в заданных пределах предопределенных ролей или групповой идентичности. Улучшение здоровья и увеличение продолжительности жизни дали время для достижения глубины и зрелости во внутренней жизни, укрепляя легитимность личной идентичности в сравнении с априорными социальными нормами и в противовес им.

Даже когда мы возвращаемся к традиционным ролям, сегодня это вопрос собственного выбора, а не абсолютной истины, навязанной при рождении. Как сказал великий клиницист идентичности Эрик Эриксон:

Сегодняшний пациент страдает больше всего от отсутствия ответа на вопрос, во что ему следует верить и кем он должен или <...> мог бы быть или стать, тогда как на заре психоанализа пациент страдал больше всего от запрещений (inhibitions), которые мешали ему быть тем и таким, кем и каким, как ему казалось, он по сути своей являлся³³.

Эта новая ментальность ярче выражена в более богатых странах, но исследования говорят о наличии значительных групп людей «второго модерна» почти во всех регионах мира³⁴.

---

³² Beck and Beck-Gernsheim, *Individualization*.

³³ Erik Erikson, *Childhood and Society* (New York: W. W. Norton, 1993), 279; Эрик Эриксон, *Детство и общество* (Москва: АСТ, 1996), 294.

³⁴ Ronald Inglehart, *Culture Shift in Advanced Industrial Society* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1990); Ronald

Первый модерн подавлял рост и внешнее выражение личности в пользу коллективных решений, но ко второму модерну все, что у нас осталось, – это наше «я». Новое чувство психологической суверенности стало захватывать мир задолго до того, как появился интернет, чтобы усилить его притязания. Мы учимся кроить свои жизни методом проб и ошибок. Ничто не задано изначально. Все должно быть пересмотрено, передумано и воссоздано на условиях, которые имеют смысл для нас – семья, религия, секс, гендер, мораль, брак, человеческие сообщества, любовь, природа, социальные связи, участие в политической жизни, карьера, еда...

По сути, именно эта новая ментальность и ее требования и вызвали в нашу повседневную жизнь интернет и бурно растущие информационные технологии. Тяготы жизни без определенной заранее судьбы повернули нас к открывающим новые горизонты и насыщенным информацией ресурсам новой цифровой среды, которая предлагала новые способы усиления наших голосов и формирования наших собственных, выбранных нами моделей коммуникации. Это настолько глубокая трансформация, что можно без преувеличения сказать, что индивид, как автор своей собственной жизни, стал главным героем нашего времени, воспринимаем ли мы этот факт как освобождение или как проклятие³⁵.

Западный модерн сформировался вокруг канона из принципов и законов, которые надеются на нерушимыми индивидуальными правами и признают неприкосновенность каждой отдельной жизни³⁶. Тем не менее только с приходом второго модерна непосредственный жизненный опыт стал догонять формальное право. Эта ощущаемая истина выразилась в новых требованиях сделать *актуальным* в повседневной жизни то, что уже закреплено в законе³⁷.

Несмотря на свой освободительный потенциал, второму модерну суждено было стать нелегким местом для жизни, и условия нашего существования сегодня отражают этот неприятный факт. Некоторые из проблем второго модерна возникают из-за неизбежных издержек, связанных с созданием и поддержанием собственной жизни, но нестабильность второй современности также является результатом институциональных сдвигов в экономической и социальной политике и практике, связанных с неолиберальной парадигмой и ее приходом к господству. Эта далеко идущая парадигма направлена на сдерживание, переориентацию и обращение вспять вековой волны второго модерна с его притязаниями на самоопределение и на среду обитания, в которых эти притязания могли бы сполна реализовываться. Мы живем в состоянии этой *коллизии* между многовековой историей модернизации и насчитывающей несколько десятилетий историей экономического насилия, которое противостоит нашему стремлению к полноценной жизни.

Существует богатая и убедительная литература, которая документирует этот поворотный момент в экономической истории, и моя цель здесь состоит лишь в том, чтобы привлечь вни-

F. Inglehart, "Changing Values Among Western Publics from 1970 to 2006," *West European Politics* 31, nos. 1–2 (2008): 130–146; Ronald Inglehart and Christian Welzel, "How We Got Here: How Development Leads to Democracy," *Foreign Affairs* 88, no. 2 (2012): 48–50; Ronald Inglehart and Wayne E. Baker, "Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values," *American Sociological Review* 65, no. 1 (2000): 19; Mette Halskov Hansen, *iChina: The Rise of the Individual in Modern Chinese Society*, ed. Rune Svarverud (Copenhagen: Nordic Institute of Asian Studies, 2010); Yunxiang Yan, *The Individualization of Chinese Society* (Oxford: Bloomsbury Academic, 2009); Arthur Kleinman et al., *Deep China: The Moral Life of the Person* (Berkeley: University of California Press, 2011); Chang Kyung-Sup and Song Min-Young, "The Stranded Individual Under Compressed Modernity: South Korean Women in Individualization Without Individualism," *British Journal of Sociology* 61, no. 3 (2010); Chang Kyung-Sup, "The Second Modern Condition? Compressed Modernity as Internalized Reflexive Cosmopolitization," *British Journal of Sociology* 61, no. 3 (2010); Munenori Suzuki et al., "Individualizing Japan: Searching for Its Origin in First Modernity," *British Journal of Sociology* 61, no. 3 (2010); Anthony Elliott, Masataka Katagiri, and Atsushi Sawai, "The New Individualism and Contemporary Japan: Theoretical Avenues and the Japanese New Individualist Path," *Journal for the Theory of Social Behavior* 42, no. 4 (2012); Mitsunori Ishida et al., "The Individualization of Relationships in Japan," *Soziale Welt* 61 (2010): 217–235; David Tyfield and John Urry, "Cosmopolitan China?" *Soziale Welt* 61 (2010): 277–293.

³⁵ Beck and Beck-Gernsheim, *Individualization*; Ulrich Beck, *A God of One's Own: Religion's Capacity for Peace and Potential for Violence*, trans. Rodney Livingstone (Cambridge, UK: Polity, 2010).

³⁶ Thomas M. Franck, *The Empowered Self: Law and Society in an Age of Individualism* (Oxford: Oxford University Press, 2000).

³⁷ Beck and Beck-Gernsheim, *Individualization*, xxii.

мание к некоторым темам этой более широкой истории, критически важным для нашего понимания этой коллизии, – к обстоятельствам, которые вызвали к жизни как «чудо» Apple, так и последующее зарождение и рост надзорного капитализма³⁸.

III. Неолиберальная среда обитания

В середине 1970-х годов послевоенный экономический порядок оказался под угрозой из-за стагнации, инфляции и резкого снижения темпов роста, особенно в США и Великобритании. Политический порядок тоже испытывал давление, потому что люди второго модерна – особенно студенты, молодые работники, афроамериканцы, женщины, латиносы и другие маргинализированные группы – мобилизовались вокруг требований равноправия, голоса и участия. В США в фокусе социальных волнений была война во Вьетнаме, а коррупция, всплывшая в результате Уотергейтского скандала, спровоцировала требования политических реформ. В Великобритании инфляция обострила отношения труда и капитала до крайнего предела. В обеих странах призрак неизлечимого экономического упадка в сочетании с новыми громкими требованиями демократического социального договора вызвал замешательство, тревогу и отчаяние среди выборных должностных лиц, не способных понять, почему некогда надежная кейнсианская экономическая политика не смогла перевернуть ход событий.

Неолиберальные экономисты только и ждали этой возможности, и их теории стали быстро заполнять собой «вакуум идей», от которого страдали теперь оба правительства³⁹. Во главе с австрийским экономистом Фридрихом Хайеком, только что получившим Нобелевскую премию 1974 года, и его американским коллегой Милтоном Фридманом, который получит эту премию два года спустя, они оттачивали свою радикальную экономическую теорию свободного рынка, политическую идеологию и прагматическую повестку дня на протяжении всего послевоенного периода, находясь на периферии своей профессии, в тени господствовавшего тогда кейнсианства, и теперь их час пробил⁴⁰.

Эта вера в свободные рынки возникла в Европе в качестве всеобъемлющей защиты от угрозы со стороны тоталитарных и коммунистических коллективистских идеологий. Она стремилась возродить представление о саморегулирующемся рынке как о настолько сложной и совершенной естественной силе, что она требует радикальной свободы от всех форм государственного надзора. Хайек объяснял необходимость абсолютного индивидуального и коллективного подчинения суровым требованиям рынка как непостижимого «расширенного порядка», который заменяет собой легитимную политическую власть, данную государству:

³⁸ Daniel Stedman Jones, *Masters of the Universe: Hayek, Friedman, and the Birth of Neoliberal Politics* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2012); Дэниел Стедмен-Джоунз, *Рождение неолиберальной политики: от Хайека и Фридмана до Рейгана и Тэтчер* (Москва: Мысль, 2017); T. Flew, "Michel Foucault's *The Birth of Biopolitics* and Contemporary NeoLiberalism Debates," *Thesis Eleven* 108, no. 1 (2012): 44–65, <https://doi.org/10.1177/0725513611421481>; Philip Mirowski, *Never Let a Serious Crisis Go to Waste: How Neoliberalism Survived the Financial Meltdown* (London: Verso, 2013); Gérard Duménil and Dominique Lévy, *The Crisis of Neoliberalism* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2013); Pierre Dardot and Christian Laval, *The New Way of the World: On Neoliberal Society* (Brooklyn: Verso, 2013); António Ferreira, "The Politics of Austerity as Politics of Law," *Oñati Socio-Legal Series* 6, no. 3 (2016): 496–519; David M. Kotz, *The Rise and Fall of Neoliberal Capitalism* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2017); Philip Mirowski and Dieter Plehwe, eds., *The Road from Mont Pelerin: The Making of the Neoliberal Thought Collective* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2009); Wendy Brown, *Undoing the Demos: Neoliberalism's Stealth Revolution* (New York: Zone, 2015); David Jacobs and Lindsey Myers, "Union Strength, Neoliberalism, and Inequality: Contingent Political Analyses of US Income Differences Since 1950," *American Sociological Review* 79 (2014): 752–774; Angus Burgin, *The Great Persuasion: Reinventing Free Markets Since the Depression* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2012); Энгус Бергин, *Великая революция идей. Возрождение свободных рынков после Великой депрессии* (Москва: Мысль, 2017); Greta R. Krippner, *Capitalizing on Crisis: The Political Origins of the Rise of Finance* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2011).

³⁹ Jones, *Masters of the Universe*, 215; Джоунз, *Рождение неолиберальной политики*, 273. См. также: Krippner, *Capitalizing on Crisis*.

⁴⁰ Подробное описание этих событий см. в: Mirowski, *Never Let a Serious Crisis Go to Waste*; Dardot and Christian Laval, *The New Way of the World*; Jones, *Masters of the Universe*; Джоунз, *Рождение неолиберальной политики*.

Современная экономическая теория объясняет возникновение подобного расширенного порядка и то, почему он, являясь не чем иным, как процессом переработки информации, способен собирать и использовать широко рассеянную информацию – такую, которую ни один орган централизованного планирования (не говоря уже об отдельном индивиде) не может ни знать в полном объеме, ни осмыслить, ни контролировать⁴¹.

Хайек и его идеологические соратники выступали за капитализм в его необузданном первоначальном виде, не сдерживаемом никакой другой силой и непроницаемым ни для какой внешней власти. Неравенство богатства и прав принималось и даже превозносилось в качестве необходимой черты успешной рыночной системы и движущей силы прогресса⁴². Идеология Хайека обеспечила интеллектуальную надстройку и легитимацию для новой теории фирмы, которая стала еще одним важным провозвестником корпорации надзорного капитализма – ее структуры, морального содержания и отношения к обществу.

Детали новой концепции фирмы были проработаны для воплощения в жизнь экономистами Майклом Дженсенем и Уильямом Меклингом. Во многом опираясь на работы Хайека, исследователи обрушились на просоциальные принципы корпорации XX века, породив то, что стало вскоре известно как «движение за права акционеров» (shareholder value movement). В 1976 году Дженсен и Меклинг опубликовали эпохальную статью, в которой переосмыслили менеджера как своего рода паразита, питающегося за счет собственников, – вероятно, неустрашимой помехи обогащению акционеров. Они смело утверждали, что в результате структурного разрыва между собственниками и менеджерами «стоимость фирмы может оказаться существенно ниже, чем могла бы быть в противном случае»⁴³. Если менеджеры занижают ценность фирмы для ее владельцев ради своих собственных предпочтений и комфорта, то, с точки зрения первых, это лишь рационально. Решение, утверждали эти экономисты, состояло в том, чтобы положиться на рыночный сигнал стоимости, цену акций, как основу для новой структуры стимулов, призванной наконец решительно согласовать поведение менеджеров с интересами владельцев. Менеджеры, которые не смогут подстроиться под неуловимые сигналы «расширенного порядка» Хайека, быстро станут добычей «варваров у ворот» в новой и беспощадной охоте за нереализованной рыночной ценностью.

Во времена, когда в воздухе витали опасения «кризиса демократии», неолиберальное видение с его возвратом к рыночным критериям было чрезвычайно привлекательным для политиков и чиновников, как в качестве способа уклониться от политической ответственности за жесткие экономические решения, так и обещанием навести новый тип порядка там, где беспорядка страшились больше всего⁴⁴. Абсолютная власть рыночных сил должна была стать конечным источником нормативного контроля и заменить демократическую борьбу и диалог на идеологию атомизированных индивидов, обреченных на бесконечную конкуренцию за ограниченные ресурсы. Требования конкурентных рынков обещали урезонить недовольных и даже снова превратить их в подчиненную массу, слишком озабоченную выживанием, чтобы роптать.

---

⁴¹ Friedrich August von Hayek, *The Fatal Conceit: The Errors of Socialism*, ed. William Warren Bartley, vol. 1, *The Collected Works of Friedrich August Hayek* (Chicago: University of Chicago Press, 1988), 14–15; Фридрих Август фон Хайек, *Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма* (Москва: Издательство “Новости” при участии издательства “Catallaxy”, 1992), 34.

⁴² Mirowski, *Never Let a Serious Crisis Go to Waste*, 53–67.

⁴³ Michael C. Jensen and William H. Meckling, “Theory of the Firm: Managerial Behavior, Agency Costs and Ownership Structure,” *Journal of Financial Economics* 3, no. 4 (1976): 12; Майкл Дженсен и Уильям Меклинг, “Теория фирмы: поведение менеджеров, агентские издержки и структура собственности”, *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Серия «Менеджмент», № 4 (2004).

⁴⁴ Krippner, *Capitalizing on Crisis*.

Поскольку старые коллективистские враги уже отошли на второй план, их место заняли новые: государственное регулирование и надзор, социальное законодательство и политика социального обеспечения, профсоюзы и институты коллективных переговоров, а также принципы демократической политики. По сути, все это должно было быть заменено рыночной версией истины, а двигателем роста должна была стать конкуренция. Новые цели должны были быть достигнуты за счет реформ на стороне предложения, включая дерегулирование, приватизацию и снижение налогов.

За тридцать пять лет до восхождения Хайека и Фридмана великий историк Карл Полаanyi красноречиво писал о становлении рыночной экономики. Исследования Полаanyi привели его к выводу, что действие саморегулирующегося рынка глубоко разрушительно, когда ему позволено освободиться от уравнивающих его законов и политики. Он описал «двойной процесс»:

С одной стороны, рынки подчинили себе весь мир, а количество обращающихся на рынке товаров выросло до невероятных масштабов; с другой стороны, система соответствующих мер [сложилась] в мощные институты, призванные контролировать воздействие рынка на труд, землю и деньги⁴⁵.

Полаanyi утверждал, что «двойной процесс» поддерживает рыночную форму, привязывая ее к обществу – уравнивая, смягчая и облегчая ее разрушительные эксцессы. Полаanyi отмечал, что такие контрмеры возникли спонтанно в каждом европейском обществе во второй половине XIX века. Каждое из этих обществ разработало законодательные, нормативные и институциональные решения для надзора за новыми спорными сферами, такие как оплата труда работников, контроль за условиями труда, муниципальные предприятия, коммунальные услуги, безопасность пищевых продуктов, детский труд и общественная безопасность.

В США «двойной процесс» принес плоды после десятилетий общественной борьбы, которая привязала промышленное производство к нуждам общества, хотя результат и был далек от совершенства. «Двойной процесс» проявился в разрушении монополий, влиянии гражданского общества и законодательных реформах Прогрессивной эры. Позже многое было усовершенствовано законодательными, юридическими, социальными и налоговыми инициативами Нового курса и в ходе институционализации кейнсианской экономики после Второй мировой войны – мер в отношении рынка труда, налогов и социального обеспечения, которые в конечном итоге повысили экономическое и социальное равенство⁴⁶. «Двойной процесс» получил дальнейшее развитие в законодательных инициативах «Великого общества», особенно в законодательстве о гражданских правах и в эпохальных законах об охране природы. Именно этим мерам многие специалисты приписывают успех в США и Европе рыночной демократии – системы политической экономии, которая оказалась гораздо более адаптивной в своей способности уравнивать спрос и предложение, чем предполагали левые теоретики или даже Полаanyi, и к середине века крупная корпорация представляла собой глубоко укоренившийся и прочный современный социальный институт⁴⁷.

---

⁴⁵ Karl Polanyi, *The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time* (Boston: Beacon, 2001), 79; Карл Полаanyi, *Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени* (Санкт-Петербург: Алетейя, 2002), 90.

⁴⁶ Martin J. Sklar, *The United States as a Developing Country: Studies in U.S. History in the Progressive Era and the 1920s* (Cambridge: Cambridge University Press, 1992); Sanford M. Jacoby, *Modern Manors: Welfare Capitalism Since the New Deal* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1998); Michael Alan Bernstein, *The Great Depression: Delayed Recovery and Economic Change in America, 1929–1939* (Cambridge, MA: Cambridge University Press, 1987); C. Goldin and R. A. Margo, “The Great Compression: The Wage Structure in the United States at Mid-century,” *Quarterly Journal of Economics* 107, no. 1 (1992): 1–34; Edwin Amenta, “Redefining the New Deal,” in *The Politics of Social Policy in the United States*, ed. Theda Skocpol, Margaret Weir, and Ann Shola Orloff (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1988), 81–122.

⁴⁷ Ian Gough, Anis Ahmad Dani, and Harjan de Haan, “European Welfare States: Explanations and Lessons for Developing Countries,” in *Inclusive States: Social Policies and Structural Inequalities* (Washington, DC: World Bank, 2008); Peter Baldwin,

Под флагом неолиберализма «двойной процесс» был теперь намечен под снос, и реализация этих планов началась немедленно. В 1976 году, в тот же год, когда Дженсен и Меклинг опубликовали свой новаторский анализ, президент Джимми Картер предпринял первые значительные усилия, чтобы радикально привязать корпорацию к рыночным показателям Уолл-стрит, введя смелую программу дерегулирования авиалиний, транспорта и финансового сектора. То, что начиналось как «первые ручейки», превратилось в «мощную волну, которая в последние два десятилетия XX века смела регулирование с крупных сегментов экономики»⁴⁸. Меры, начавшиеся при Картере, определили собой эпоху Рейгана и Тэтчер, практически все последующие президентства США, и затронули практически весь остальной мир, когда новая фискальная и социальная политика, в той или иной степени, стала распространяться в Европе и других регионах⁴⁹.

Так начался процесс ослабления и распада американской корпорации⁵⁰. Открытое акционерное общество как социальный институт стало считаться дорогостоящей ошибкой, а его устоявшиеся взаимовыгодные связи с клиентами и работниками начали преподноситься как пагубное вмешательство в эффективную работу рынка. Финансовые кнуты и пряники убедили управляющих расчленить или сократить в размере свои компании, а логика капитализма сместилась с прибыльного производства товаров и услуг в сторону все более экзотических форм финансовых спекуляций. Произошедшие изменения в работе рынка действительно вернули капитализм к его суровому первозданному виду, и к 1989 году Дженсен уверенно провозгласил «закат открытого акционерного общества»⁵¹.

К началу нового тысячелетия, когда фундаментальные механизмы надзорного капитализма только начинали формироваться, «максимизация стоимости для акционеров» была широко принята в качестве «объективной функции» фирмы⁵². Эти принципы, извлеченные из того, что когда-то считалось радикальной философией, были канонизированы как стандартная практика в коммерческой, финансовой и юридической сферах⁵³. К 2000 году в аме-

---

The Politics of Social Solidarity: Class Bases of the European Welfare State, 1875–1975 (Cambridge: Cambridge University Press, 1990); John Kenneth Galbraith, Sean Wilentz, and James K. Galbraith, *The New Industrial State* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1967); Gerald Davis, “The Twilight of the Berle and Means Corporation,” *Seattle University Law Review* 34, no. 4 (2011): 1121–1138; Alfred Dupont Chandler, *Essential Alfred Chandler: Essays Toward a Historical Theory of Big Business*, ed. Thomas K. McCraw (Boston: Harvard Business School Press, 1988).

⁴⁸ Jones, *Masters of the Universe*, 217; Джоунз, *Рождение неолиберальной политики*, 275.

⁴⁹ См., напр.: Natali, *The Politics of the New Welfare State* (Oxford: Oxford University Press, 2012); Richard Münch, *Inclusion and Exclusion in the Liberal Competition State: The Cult of the Individual* (New York: Routledge, 2012), <http://site.ebrary.com/id/10589064>; Kyung-Sup Chang, *Developmental Politics in Transition: The Neoliberal Era and Beyond* (Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan, 2012); Zsuzsa Ferge, “The Changed Welfare Paradigm: The Individualization of the Social,” *Social Policy & Administration* 31, no. 1 (1997): 20–44.

⁵⁰ Gerald F. Davis, *Managed by the Markets: How Finance Reshaped America* (Oxford: Oxford University Press, 2011); Davis, “The Twilight of the Berle and Means Corporation”; Özgür Orhangazi, “Financialisation and Capital Accumulation in the Non-financial Corporate Sector: A Theoretical and Empirical Investigation on the US Economy: 1973–2003,” *Cambridge Journal of Economics* 32, no. 6 (2008): 863–886; William Lazonick, “The Financialization of the U.S. Corporation: What Has Been Lost, and How It Can Be Regained,” in *The Future of Financial and Securities Markets* (Fourth Annual Symposium of the Adolf A. Berle, Jr. Center for Corporations, Law and Society of the Seattle School of Law, London, 2012); Yuri Biondi, “The Governance and Disclosure of the Firm as an Enterprise Entity,” *Seattle University Law Review* 36, no. 2 (2013): 391–416; Robert Reich, “Obama’s Transition Economic Advisory Board: The Full List,” *US News & World Report*, November 7, 2008, <http://www.usnews.com/news/campaign-2008/articles/2008/11/07/obamas-transition-economic-advisory-board-the-full-listn>; Robert B. Reich, *Beyond Outrage: What Has Gone Wrong with Our Economy and Our Democracy, and How to Fix It*, rev. ed. (New York: Vintage, 2012).

⁵¹ Michael Jensen, “Eclipse of the Public Corporation,” *Harvard Business Review*, September–October, 1989.

⁵² Michael C. Jensen, “Value Maximization, Stakeholder Theory, and the Corporate Objective Function,” *Business Ethics Quarterly* 12, no. 2 (2002): 235–256.

⁵³ Thomas I. Palley, “Financialization: What It Is and Why It Matters” (white paper, Levy Economics Institute of Bard College, 2007), http://www.levyinstitute.org/pubs/wp_525.pdf; Jon Hanson and Ronald Chen, “The Illusion of Law: The Legitimizing Schemas of Modern Policy and Corporate Law,” *Michigan Law Review* 103, no. 1 (2004): 1–149; Henry Hansmann and Reinier Kraakman, “The End of History for Corporate Law” (working paper, Discussion Paper Series, Harvard Law School’s John M. Olin Center for Law, Economics and Business, 2000), http://lsr.nellco.org/cgi/viewcontent.cgi?article=1068&context=harvard_olin.

риканских корпорациях открытого типа было занято меньше половины работников в сравнении с данными на 1970 год⁵⁴. В 2009 году число акционерных обществ сократилось по сравнению с 1997 годом вдвое. Корпорация открытого типа стала «ненужной для производства, непригодной для стабильной занятости и предоставления социального обеспечения и не способной обеспечить надежный долгосрочный доход на инвестиции»⁵⁵. В этом процессе культ «предпринимателя», который выглядел идеальным союзом собственности и управления, вырастет до почти мифических пропорций, заменив богатые экзистенциальные возможности второго модерна этим единственным прославленным образцом смелости, конкурентной хитрости, доминирования и богатства.

IV. Нестабильность второго модерна

Девятого августа 2011 года, примерно в то же время, когда конференц-зал Apple разразился аплодисментами, 16 000 полицейских наводнили улицы Лондона в полной решимости подавить «самые широкомасштабные и продолжительные нарушения общественного порядка в истории Лондона со времен мятежа лорда Гордона 1780 года»⁵⁶. Волнения начались четырьмя ночами ранее, когда мирный протест против действий полиции, застрелившей молодого человека, внезапно обернулся насилием. В последующие дни число участников беспорядков нарастало лавинообразно по мере того как грабежи и поджоги охватили двадцать два из тридцати двух районов Лондона и другие крупные города Великобритании⁵⁷. За четыре дня уличных сражений тысячи демонстрантов причинили материальный ущерб на сумму более 50 миллионов долларов США, 3000 человек были арестованы.

Хотя взлет Apple, казалось, подтверждал притязания людей второго модерна, улицы Лондона говорили о мрачном наследии тридцатилетнего эксперимента по экономическому росту для избранных. Через неделю после начала беспорядков, социолог Саския Сассен в статье в издании *Daily Beast* отмечала: «если нужно назвать одну предпосылку, то она связана с безработицей и отчаянной бедностью среди людей, которые хотят быть частью среднего класса и которые остро сознают резкое неравенство между собой и богатой элитой своей страны. Во многом это – социальные революции, с маленькой буквы, протест против социальных условий, которые стали невыносимыми»⁵⁸.

Что это были за социальные условия, ставшие такими *невыносимыми*? Многие аналитики сходились во мнении, что к беспорядкам в Британии привела успешная неолиберальная трансформация общества – программа, которая была наиболее полно реализована в Великобритании и США. Действительно, исследование Лондонской школы экономики, основанное на интервью с 270 участниками беспорядков, выявило доминирующую тему – неравенство: «нет работы, нет денег»⁵⁹. Точка отсчета почти в каждом исследовании звучит одним и тем же набатом: отсутствие возможностей, отсутствие доступа к образованию, маргинализация, лишения, обиды, безнадежность⁶⁰. И хотя беспорядки в Лондоне существенно отличались от

---

⁵⁴ Davis, “The Twilight of the Berle and Means Corporation,” 1131.

⁵⁵ Gerald F. Davis, “After the Corporation,” *Politics & Society* 41, no. 2 (2013): 41.

⁵⁶ Jutta Kawalerowicz and Michael Biggs, “Anarchy in the UK: Economic Deprivation, Social Disorganization, and Political Grievances in the London Riot of 2011,” *Social Forces* 94, no. 2 (2015): 673–698.

⁵⁷ Paul Lewis et al., “Reading the Riots: Investigating England’s Summer of Disorder,” *London School of Economics and Political Science*, 2011, 17, <http://eprints.lse.ac.uk/46297>.

⁵⁸ Saskia Sassen, “Why Riot Now? Malaise Among Britain’s Urban Poor Is Nothing New. So Why Did It Finally Tip into Widespread, Terrifying Violence?” *Daily Beast*, August 15, 2011, http://www.donestech.net/ca/why_riot_now_by_saskia_sassen_newsweek.

⁵⁹ Lewis et al., “Reading the Riots,” 25.

⁶⁰ Lewis et al., “Reading the Riots”. См. также: Kawalerowicz and Biggs, “Anarchy in the UK”; James Treadwell et al., “Shopocalypse Now: Consumer Culture and the English Riots of 2011,” *British Journal of Criminology* 53, no. 1 (2013): 1–17; Tom

других протестов, которые им предшествовали или за ними последовали, прежде всего от движения Indignados, начавшегося с широкомасштабной общественной мобилизации в Мадриде в мае 2011 года, и движения Оссуру, возникшего 17 сентября в парке Зукотти на Уолл-стрит, они имели общее происхождение в экономическом неравенстве и несправии⁶¹.

США, Великобритания и большая часть Европы вступили во второе десятилетие XXI века, сталкиваясь с экономическим и социальным неравенством, более выраженным, чем даже во времена «позолоченного века», и сопоставимым с неравенством в некоторых из самых бедных стран мира⁶². Несмотря на десятилетие взрывного цифрового роста, частью которого было чудо Apple и проникновение интернета в повседневную жизнь, опасное социальное расслоение предсказывало еще более стратифицированное и антидемократическое будущее. «В эпоху нового консенсуса в отношении стабилизации финансовой политики, – писала одна из американских экономистов, – экономика стала свидетелем крупнейшего в истории перевода доходов верхам»⁶³. Отрезвляющий отчет Международного валютного фонда за 2016 год пре-

---

Slater, "From 'Criminality' to Marginality: Rioting Against a Broken State," *Human Geography* 4, no. 3 (2011): 106–115.

⁶¹ Thomas Piketty, *Capital in the Twenty-First Century* (Cambridge, MA: Belknap Press, 2014); Томас Пикетти, *Капитал в XXI веке* (Москва: Ад Маргинем Пресс, 2015). Пикетти объединил данные о доходах за многие годы и сделал вывод о том, что неравенство в доходах в США и Великобритании достигло уровня, невиданного с XIX века. Верхние 10 % американских наемных работников неуклонно увеличивали свою долю в национальном доходе с 35 % в 1980-х гг. до более чем 46 % в 2010. Основная часть этого роста приходится на верхний 1 %, доля которого выросла с 9 до 20 %, половина из которых пришлась на верхнюю 0,1 %. Пикетти подсчитал, что 60–70 % из верхних 0,1 % в иерархии доходов состоят из менеджеров, которым удалось добиться «исторически беспрецедентной» компенсации благодаря новым структурам стимулирования, призванным максимизировать стоимость.

⁶² О значимости демократически ориентированных социальных, политических и экономических институтов для облегчения экономической ситуации см. в монументальном исследовании: Daron Acemoglu and James Robinson, *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty* (New York: Crown Business, 2012); Дарон Аджемоглу и Джеймс Робинсон, *Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты* (Москва: Издательство АСТ, 2015). Институты также в центре внимания работы Роберта Райха о неравенстве и регрессивной экономической политике: Robert V. Reich, *Aftershock: The Next Economy and America's Future* (New York: Vintage, 2011); Роберт Райх, *Послешок. Экономика будущего* (Москва, Карьера Пресс, 2012). См. также: Michael Stolleis, *History of Social Law in Germany* (Heidelberg: Springer, 2014), www.springer.com/us/book/9783642384530; Mark Hendrickson, *American Labor and Economic Citizenship: New Capitalism from World War I to the Great Depression* (Cambridge: Cambridge University Press, 2013); Swank, "The Political Sources of Labor Market Dualism in Postindustrial Democracies, 1975–2011"; Emin Dinlersoz and Jeremy Greenwood, "The Rise and Fall of Unions in the U.S." (NBER working paper, US Census Bureau, 2012), <http://www.nber.org/papers/w18079>; Basak Kus, "Financialization and Income Inequality in OECD Nations: 1995–2007," *Economic and Social Review* 43, no. 4 (2012): 477–495; Viki Nellas and Elisabetta Olivieri, "The Change of Job Opportunities: The Role of Computerization and Institutions" (Quaderni DSE working paper, University of Bologna & Bank of Italy, 2012), http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1983214; Gough, Dani, and de Haan, "European Welfare States"; Landon R. Y. Storrs, *Civilizing Capitalism: The National Consumers' League, Women's Activism, and Labor Standards in the New Deal Era*, rev. ed. (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2000); Ferge, "The Changed Welfare Paradigm"; Jacoby, *Modern Manors*; Sklar, *The United States as a Developing Country*; J. Bradford De Long and Barry Eichengreen, "The Marshall Plan: History's Most Successful Structural Adjustment Program," in *Post—World War II Economic Reconstruction and Its Lessons for Eastern Europe Today*, ed. Rudiger Dornbusch (Cambridge, MA: MIT Press, 1991); Baldwin, *The Politics of Social Solidarity*; Amenta, "Redefining the New Deal"; Robert H. Wiebe, *The Search for Order: 1877–1920* (New York: Hill and Wang, 1967); John Maynard Keynes, "Economic Possibilities for Our Grandchildren," in John Maynard Keynes, *Essays in Persuasion* (New York: W. W. Norton, 1930); Джон Мейнард Кейнс, "Экономические возможности для наших внуков", *Вопросы экономики*, № 6 (2009): 60–69. К 2014 г. в отчете Standard and Poor's был сделан вывод о том, что неравенство доходов препятствует экономическому росту и дестабилизирует социальную структуру – факт, давно признанный еще Генри Фордом с его пятидолларовым днем. См.: "How Increasing Income Inequality Is Dampening US Economic Growth, and Possible Ways to Change the Tide," *S&P Capital IQ*, Global Credit Portal Report, August 5, 2014, https://www.globalcreditportal.com/ratingsdirect/renderArticle.do?articleId=1351366&SctArtId=255732&from=CM&ns1_code=LIME&sourceObjectId=8741033&sourceRevId=1&fee_ind=N&exp_date=2024

⁶³ Tcherneva, "Reorienting Fiscal Policy: A Bottom-Up Approach," 57. См. также: Francisco Rodriguez and Arjun Jayadev, "The Declining Labor Share of Income," *Journal of Globalization and Development* 3, no. 2 (2013): 1–18; Oliver Giovannoni, "What Do We Know About the Labor Share and the Profit Share? Part III: Measures and Structural Factors" (working paper, Levy Economics Institute at Bard College, 2014), <http://www.levyinstitute.org/publications/what-do-we-know-about-the-labor-share-and-the-profit-share-part-3-measures-and-structural-factors>; Dirk Antonczyk, Thomas DeLeire, and Bernd Fitzenberger, "Polarization and Rising Wage Inequality: Comparing the U.S. and Germany" (IZA discussion papers, Institute for the Study of Labor, March 2010), <https://ideas.repec.org/p/iza/izadps/dp4842.html>; Duane Swank, "The Political Sources of Labor Market Dualism in Postindustrial Democracies, 1975–2001," conference paper presented at the American Political Science Association Annual Meeting, Chicago, 2013; David Jacobs and Lindsey Myers, "Union Strength, Neoliberalism, and Inequality: Contingent Political Analyses of US Income

дупреждал о грядущей нестабильности, заключив, что глобальный неолиберальный тренд «не оправдал ожиданий». Вместо этого неравенство значительно уменьшило «уровень и устойчивость роста», одновременно повысив нестабильность и создав постоянную уязвимость перед экономическим кризисом⁶⁴.

В условиях царящей рыночной свободы стремление к полноценной жизни натолкнулось на глухую стену. Спустя два года после беспорядков в Северном Лондоне исследования в Великобритании показали, что к 2013 году бедность, вызванная отсутствием образования и безработицей, уже исключила почти треть населения из регулярного социального участия⁶⁵. В другом британском отчете был сделан вывод:

Работники с низким и средним уровнем дохода испытывают самое значительное снижение уровня жизни с тех пор, как в середине XIX века стали появляться надежные данные на этот счет⁶⁶.

К 2015 году меры жесткой экономии привели к сокращению бюджетов местных органов власти на 19 %, или 18 миллиардов фунтов, вынудили снизить на 8 % расходы на защиту детей и обернулись тем, что 150 000 пенсионеров лишились доступа к жизненно важным услугам⁶⁷. В 2014 году почти половина населения США жила в функциональной бедности, когда самая высокая заработная плата среди нижней половины работающих составляла около 34 000 долларов⁶⁸. В 2012 году в США опрос Министерства сельского хозяйства показал, что почти 49 миллионов человек живут в домохозяйствах, «испытывающих нехватку продовольствия»⁶⁹.

Differences Since 1950,” *American Sociological Review* 79 (2014): 752–774; Viki Nellas and Elisabetta Olivieri, “The Change of Job Opportunities: The Role of Computerization and Institutions” (Quaderni DSE working paper, University of Bologna & Bank of Italy, 2012), http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1983214; Gough, Dani, and de Haan, “European Welfare States: Explanations and Lessons for Developing Countries”.

⁶⁴ Jonathan D. Ostry, “Neoliberalism: Oversold?” *Finance & Development* 53, no. 2 (2016): 38–41; как заключил другой американский экономист, «великая рецессия 2008 г. решительно покончила с иллюзией экономического роста, обнажив вместо этого достижения финансового капитализма как они есть, без прикрас: для большинства – стагнация доходов с середины 1970-х, для крошечного меньшинства – огромная концентрация богатства». См. также: Josh Bivens, “In 2013, Workers’ Share of Income in the Corporate Sector Fell to Its Lowest Point Since 1950,” *Economic Policy Institute* (blog), September 4, 2014, <http://www.epi.org/publication/2013-workers-share-income-corporate-sector>. Исследования либерализации и «финансиализации» как в развитых, так и в развивающихся экономиках показали, что эти процессы связаны с новыми нестабильностями, включая банкротства, закрытие банков, крайнюю волатильность активов и спад в реальном секторе экономики. См., например: Malcolm Sawyer, “Financial Development, Financialisation and Economic Growth” (working paper, Financialisation, Economy, Society & Sustainable Development Project, 2014), <http://fessud.eu/wpcontent/uploads/2013/04/Financialisation-and-growth-Sawyer-working-paper-21.pdf>. См. также: William A. Galston, “The New Challenge to Market Democracies: The Political and Social Costs of Economic Stagnation” (research report, Brookings Institution, 2014), <http://www.brookings.edu/research/reports2/2014/10/new-challenge-market-democracies>; Joseph E. Stiglitz, *The Price of Inequality: How Today’s Divided Society Endangers Our Future* (New York: W. W. Norton, 2012); Джозеф Стиглиц, *Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему* (Москва: Эксмо, 2015); James K. Galbraith, *Inequality and Instability: A Study of the World Economy Just Before the Great Crisis* (New York: Oxford University Press, 2012); Ronald Dore, “Financialization of the Global Economy,” *Industrial and Corporate Change* 17, no. 6 (2008): 1097–1112; Philip Arestis and Howard Stein, “An Institutional Perspective to Finance and Development as an Alternative to Financial Liberalisation,” *International Review of Applied Economics* 19, no. 4 (2005): 381–398; Asil Demircug-Kunt and Enrica Detragiache, “The Determinants of Banking Crises in Developing and Developed Countries,” *Staff Papers—International Monetary Fund* 45, no. 1 (1998): 81–109.

⁶⁵ Emanuele Ferragina, Mark Tomlinson, and Robert Walker, “Poverty, Participation and Choice,” *JRF*, May 28, 2013, <https://www.jrf.org.uk/report/poverty-participation-and-choice>.

⁶⁶ Helen Kersley et al., “Raising the Benchmark: The Role of Public Services in Tackling the Squeeze on Pay,” *New Economics Foundation*, <https://www.unison.org.uk/content/uploads/2013/12/On-line-Catalogue219732.pdf>.

⁶⁷ Sally Gainsbury and Sarah Neville, “Austerity’s £18bn Impact on Local Services,” *Financial Times*, July 19, 2015, <http://www.ft.com/intl/cms/s/2/5fcb0c4-2948-11e5-8db8-c033edba8a6e.html?ftcamp=crm/email/2015719/nbe/InTodaysFT/product#axzz3gRAfXkt4>.

⁶⁸ Carmen DeNavas-Walt and Bernadette D. Proctor, “Income and Poverty in the United States: 2014,” US Census Bureau, September 2015, <http://www.census.gov/content/dam/Census/library/publications/2014/demo/p60-249.pdf>; Thomas Gabe, “Poverty in the United States: 2013,” *Congressional Research Service*, September 25, 2014, http://digitalcommons.ilr.cornell.edu/key_workplace/1329.

⁶⁹ Alisha Coleman-Jensen, Mark Nord, and Anita Singh, “Household Food Security in the United States in 2012” (economic research report, US Department of Agriculture, September 2013), <https://www.ers.usda.gov/webdocs/>

В своей книге «Капитал в XXI веке» французский экономист Тома Пикетти интегрировал данные о доходах за многие годы, которые позволили вывести общий закон накопления: норма прибыли на капитал, как правило, превышает экономический рост. Эта тенденция, обобщенно выражаемая как $r > g$, представляет собой динамику, которая приводит ко все более и более сильному расслоению доходов, а вместе с этим и к целому ряду антидемократических социальных последствий, которые долгое время назывались предвестниками финального кризиса капитализма. В этом контексте Пикетти приводит примеры того, как финансовые элиты используют свои сверхприбыли для финансирования захвата политической системы, что защищает их интересы от политических вызовов⁷⁰. Так, в материале газеты *New York Times* 2015 года сделан вывод, что на 158 американских семей и принадлежащие им корпорации приходилась почти половина (176 миллионов долларов) всех денег, собранных обеими политическими партиями в поддержку кандидатов в президенты в 2016 году, главным образом в поддержку «кандидатов-республиканцев, которые обещали избавляться от регулирования, снижать налоги <...> и урезать пособия»⁷¹. Историки, журналисты-расследователи, экономисты и политологи анализировали скрытую механику поворота к олигархии, проливая свет на систематические кампании общественного влияния и политического захвата, которые помогли продвигать и сохранять радикальную свободнорыночную повестку за счет демократии⁷².

Тезис обширного исследования Пикетти можно сформулировать просто: «в сыром виде капитализм несъедобен». Капитализм, как сосиска, подлежит обработке – демократическим обществом и его институтами, – потому что сырой капитализм антисоциален. Как предупреждает Пикетти:

эволюция рыночной экономики и частной собственности, предоставленных самим себе, содержит в себе <...> мощные силы расхождения, которые могут стать угрозой для наших демократических обществ и для лежащих в их основе ценностей социальной справедливости⁷³.

Многие исследователи стали называть эти новые условия «неофеодализмом», отмеченным консолидацией богатства и власти элиты, выходящими далеко за пределы контроля со стороны простых людей и механизмов демократического согласия⁷⁴. Пикетти называет это возвращением к «патримониальному капитализму», движением вспять к досовременному обществу, в котором жизненные перспективы человека зависят от унаследованного богатства, а не от меритократических достижений⁷⁵.

publications/45129/39937_err-155.pdf?v=42199.

⁷⁰ Piketty, *Capital in the Twenty-First Century*, 334–235; Пикетти, *Капитал в XXI веке*, 333–334. См. также: Theda Skocpol and Vanessa Williamson, *The Tea Party and the Remaking of Republican Conservatism*, rev. ed. (New York: Oxford University Press, 2016); Naomi Oreskes and Erik M. Conway, *Merchants of Doubt: How a Handful of Scientists Obscured the Truth on Issues from Tobacco Smoke to Global Warming* (London: Bloomsbury, 2010).

⁷¹ Nicholas Confessore, “The Families Funding the 2016 Presidential Election,” *New York Times*, October 10, 2015, <https://www.nytimes.com/interactive/2015/10/11/us/politics/2016-presidential-election-super-pac-donors.html>.

⁷² Историк Нэнси Маклин и журналист Джейн Мэйер подробно описали незримую работу радикально-правых идеологов и их спонсоров-миллиардеров, располагающих неограниченными средствами для манипулирования политикой и обществом и опирающихся на теневую сеть «фабрик мысли», организаций-доноров и СМИ, с целью искусной эксплуатации гражданских волнений и подталкивания их к экстремистским взглядам. См.: Nancy MacLean, *Democracy in Chains: The Deep History of the Radical Right's Stealth Plan for America* (New York: Viking, 2017); Jane Mayer, *Dark Money: The Hidden History of the Billionaires Behind the Rise of the Radical Right* (New York: Anchor, 2017).

⁷³ Piketty, *Capital in the Twenty-First Century*, 571; Пикетти, *Капитал в XXI веке*, 585.

⁷⁴ Milan Zafirovski, “Neo-Feudalism in America? Conservatism in Relation to European Feudalism,” *International Review of Sociology* 17, no. 3 (2007): 393–427, <https://doi.org/10.1080/03906700701574323>; Alain Supiot, “The Public-Private Relation in the Context of Today's Refeudalization,” *International Journal of Constitutional Law* 11, no. 1 (2013): 129–145, <https://doi.org/10.1093/icon/mos050>; Daniel J. H. Greenwood, “Neofeudalism: The Surprising Foundations of Corporate Constitutional Rights,” *University of Illinois Law Review* 163 (2017).

⁷⁵ Piketty, *Capital in the Twenty-First Century*, 237–270; Пикетти, *Капитал в XXI веке*, 238–269.

Теперь у нас есть инструментарий, необходимый для понимания этой коллизии во всей ее разрушительной сложности: *невыносимо, что экономическое и социальное неравенство вернулось к доиндустриальной «феодалной» модели, но мы, люди, остались современными*. Мы не неграмотные крестьяне, крепостные или рабы. Будучи «средним классом» или «маргинализированными слоями», мы разделяем коллективное историческое состояние индивидуализированных людей со сложным социальным опытом и представлениями. Мы – сотни миллионов или даже миллиарды людей второго модерна, которых история освободила как от некогда неизменных фактов судьбы, заданных с рождения, так и от условий массового общества. Мы знаем, что имеем право на собственное достоинство и на шанс жить полноценной жизнью. Это экзистенциальная зубная паста, которую, «освободив» однажды, загнать обратно в тюбик невозможно. Подобно расходящейся кругами разрушительной звуковой волне, следующей за взрывом, нашу эпоху стали определять отзвуки боли и гнева, исходящие от этой губительной коллизии между реалиями неравенства и теми чувствами, которые это неравенство вызывает⁷⁶.

Тогда, в 2011 году, те 270 интервью участников лондонских беспорядков также отражали шрамы, оставленные этой коллизией. «Они выражали это по-разному, – заключает доклад, – но все участники беспорядков, в сущности, говорили о всепроникающем чувстве несправедливости. Для одних эта несправедливость была экономической – отсутствие работы, денег или возможностей. Для других это была более широкая социальная несправедливость, не только отсутствие материальных благ, но и то, как, им казалось, к ним относятся в сравнении с другими...». Было «широко распространено» «ощущение невидимости». Как объяснила одна женщина: «Молодежи сегодня *надо дать высказаться*. Это было бы справедливо по отношению к ним». А молодой человек размышлял: «Когда всем на тебя наплевать, ты в конце концов заставляешь их считаться с собой, ты устраиваешь им встряску»⁷⁷. Другие исследования объясняют бессловесный гнев бунтарей Северного Лондона тем, что им было «отказано в достоинстве»⁷⁸.

Когда на другом континенте, вдали от осажденных районов Лондона, развернулось движение Оссиру, то оно, казалось, имело мало общего с этим августовским взрывом насилия. Те 99 %, которые собиралось представлять это движение, не были маргиналами; напротив, сама легитимность Оссиру подтверждала его статус как движения подавляющего большинства. Тем не менее Оссиру обнаружило аналогичный конфликт между фактами неравенства и чувствами по отношению к неравенству, выраженный в рамках творчески индивидуализированной политической культуры, которая настаивала на «прямой демократии» и «горизонтальном лидерстве»⁷⁹. Некоторые аналитики пришли к выводу, что именно этот конфликт в конечном счете и погубил движение, когда «внутреннее ядро» его лидеров не пожелало отступить от чистоты своего крайне индивидуализированного подхода в пользу стратегий и тактик, требуемых для жизнеспособного массового движения⁸⁰. Ясно одно: в парке Зукотти не было крепостных. Напротив, как размышлял один из тех, кто внимательно наблюдал за движением:

⁷⁶ Едкое и убедительное исследование этих тем см. в: Carol Graham, *Happiness for All? Unequal Hopes and Lives in Pursuit of the American Dream* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2017); David G. Blanchflower and Andrew Oswald, “Unhappiness and Pain in Modern America: A Review Essay, and Further Evidence, on Carol Graham’s ‘Happiness for All?’” (NBER working paper, November 2017).

⁷⁷ См.: Tim Newburn et al., “David Cameron, the Queen and the Rioters’ Sense of Injustice,” *Guardian*, December 5, 2011, <http://www.theguardian.com/uk/2011/dec/05/cameron-queen-injustice-english-rioters>.

⁷⁸ Slater, “From ‘Criminality’ to Marginality”.

⁷⁹ Todd Gitlin, *Occupy Nation: The Roots, the Spirit, and the Promise of Occupy Wall Street* (New York: Harper Collins, 2012); Zeynep Tufekci, *Twitter and Tear Gas: The Power and Fragility of Networked Protest* (New Haven, CT: Yale University Press, 2017). См. также: Andrew Gavin Marshall, “World of Resistance Report: Davos Class Jittery amid Growing Warnings of Global Unrest,” *Occupy.com*, July 4, 2014, <http://www.occupy.com/article/world-resistance-report-davos-class-jittery-amid-growing-warnings-global-unrest>.

⁸⁰ Todd Gitlin, “Occupy’s Predicament: The Moment and the Prospects for the Movement,” *British Journal of Sociology* 64, no. 1 (2013): 3–25.

Новизна заключалась в том, что с самого начала очень большие слои «мы, народа» оказались мудрее наших правителей. Мы видели дальше и доказали, что правы, тем самым перевернув традиционную легитимность правления нашей элиты, основанную на том, что начальники знают лучше, чем гольфьба⁸¹.

В этом и состоит экзистенциальное противоречие второго модерна, определяющее условия нашего существования: мы хотим осуществлять контроль над собственной жизнью, но повсюду нам не дают этого делать. Индивидуализация отправила каждого из нас на поиски ресурсов, нужных для обеспечения полноценной жизни, но на каждом шагу мы вынуждены сражаться с экономикой и политикой, для которых мы лишь ничтожество. Мы живем в сознании того, что наша жизнь имеет уникальную ценность, но с нами обходятся так, словно нас не существует. По мере того как награды зрелого финансового капитализма ускользают из наших рук, нам остается ждать будущего в замешательстве, которое все чаще и чаще выливается в насилие. Мы рассчитываем на психологическое самоопределение, это то пространство, в котором разворачиваются наши мечты, поэтому потери, которые наносят нам сжимающиеся тиски нарастающего неравенства, бесправия, всепроникающей конкуренции и унижающего достоинство расслоения – не только экономические. Они бьют в самое больное место, повергая нас в смятение и горечь, потому что мы знаем, что имеем право на личное достоинство и право на жизнь на наших собственных условиях.

Глубочайшее противоречие нашего времени, писал социальный философ Зигмунт Бауман, – это «зияющая брешь между правом защищать свои права и возможностью управлять социальными условиями, которые делают такую защиту реальной. . . Именно из этой глубокой бреши выделяются наиболее ядовитые миазмы, отравляющие жизнь современных людей»⁸². Любая новая глава в многовековой истории освобождения человека, настаивал он, должна начинаться здесь. Может ли нестабильность второго модерна уступить место новому синтезу – *третьему модерну*, который преодолет это противоречие, предложив подлинный путь к процветающей и полноценной жизни для многих, а не только для избранных? Какую роль в этом сыграет информационный капитализм?

V. Третий модерн

В какой-то момент в эту «зияющую брешь» устремилась Apple, и какое-то время казалось, что сплав капитализма с цифровыми технологиями, предложенный компанией, может положить начало новому курсу в направлении этого третьего модерна. Перспектива цифрового капитализма, ориентированного на защиту наших прав, в течение первого десятилетия нашего столетия вызвала много энтузиазма среди людей второго модерна по всему миру. Новые компании, такие как Google и Facebook, посеяли надежды на переход на новую ступень в новых, имеющих критически важное значение сферах, освободив информацию и людей от оков старых институтов, позволив нам находить тех и то, кого и что мы хотели найти, тогда и так, когда и как мы хотели искать или связываться.

Инверсия Apple подразумевала доверительные отношения защищенности и взаимности, основанные на выстраивании коммерческой деятельности в соответствии с подлинными интересами потребителей. Это было обещанием новой формы цифрового рынка, которая могла бы преодолеть нашу коллизию – первый намек на капитализм третьего модерна, вызванного

---

⁸¹ Anthony Barnett, “The Long and Quick of Revolution,” *Open Democracy*, February 2, 2015, <https://www.opendemocracy.net/anthony-barnett/long-and-quick-of-revolution>.

⁸² Zygmunt Bauman, *Liquid Modernity* (Cambridge, MA: Polity, 2000), 38; Зигмунт Бауман, *Текучая современность* (Санкт-Петербург: Питер, 2008), 46–47.

к жизни самоопределяющимися устремлениями людей и неразрывно связанного с цифровой средой. Возможность «моей жизни, так как я хочу, по цене, которую я могу себе позволить» была гуманистическим обещанием, которое быстро оказалось в самом сердце коммерческого цифрового проекта: от iPhone и заказов «в один клик» до массовых открытых онлайн-курсов, услуг по индивидуальному запросу и сотен тысяч сетевых бизнесов, приложений и устройств.

Конечно, были ошибки, провалы и уязвимости. Потенциальное значение новой молчаливой логики Apple никогда полностью не осознавалось даже самой компанией. Вместо этого корпорация породила устойчивый поток противоречий, которые говорили о том, что все идет по-старому. Apple критиковали за грабительскую ценовую политику, экспорт рабочих мест, эксплуатацию персонала в своих магазинах, снятие с себя ответственности за условия труда на своих предприятиях, сговоре с целью снижения заработной платы с помощью незаконных неконкурентных соглашений о найме сотрудников, систематическое уклонение от уплаты налогов и отсутствие заботы об окружающей среде – если назвать лишь некоторые из нарушений, которые, казалось, сводили на нет неявный общественный договор, рождавшийся из собственной уникальной логики компании.

Когда дело доходит до подлинной экономической «мутации», всегда существует напряженность между чертами новой формы и родительской особью. Старое и новое переплетаются невиданным образом. Бывает, элементы мутации находят для себя подходящую среду, благоприятную для «отбора» и размножения. В этих случаях новая форма имеет шанс полностью институционализироваться и нащупать свою уникальную траекторию движения в будущее. Но чаще судьба потенциальных мутаций решается в «переходном периоде», когда они не могут преодолеть гравитационное притяжение устоявшихся практик⁸³.

Был ли смелый шаг Apple мощной новой экономической мутацией, проходящей период испытаний методом проб и ошибок, на пути к удовлетворению потребностей новой эпохи или это был случай краха в «переходном периоде»? В своем энтузиазме, находясь в растущей зависимости от технологий, мы часто забывали, что те же самые силы капитала, от которых мы бежали в «реальном» мире, быстро прибирали к рукам цифровую сферу. Это сделало нас уязвимыми и застало врасплох, когда ранние надежды информационного капитализма столкнулись с более мрачной действительностью. Мы праздновали весть о том, что «помощь уже идет», но тревожные вопросы все чаще проникали сквозь мглу, раз за разом сопровождаясь предсказуемыми взрывами гнева и возмущения.

Почему сервис Google Gmail, запущенный в 2004 году, сканировал частную переписку для генерирования рекламных объявлений? Как только первая пользовательница Gmail увидела первое объявление, основанное на содержании ее личной переписки, общественная реакция была мгновенной. Многие отшатнулись в возмущении; другие растерялись. Как пишет историк Google Стивен Леви:

Размещая рекламу, связанную с контентом, Google, казалось, почти упивается тем фактом, что личные данные пользователей целиком зависят от политики и добросовестности компании, которой принадлежали серверы. И поскольку эти объявления приносили прибыль, Google дал понять, что воспользуется ситуацией⁸⁴.

В 2007 году Facebook запустил Beacon, подавая его как «новый способ общественного распространения информации». Beacon позволил рекламодателям, размещающим рекламу в Facebook, отслеживать действия пользователей в интернете, без разрешения публикуя информацию об их покупках на их странице. Большинство было возмущено наглостью ком-

⁸³ Peter Wells and Paul Nieuwenhuis, "Transition Failure: Understanding Continuity in the Automotive Industry," *Technological Forecasting and Social Change* 79, no. 9 (2012): 1681–1692.

⁸⁴ Steven Levy, *In the Plex: How Google Thinks, Works, and Shapes Our Lives* (New York: Simon & Schuster, 2011), 172–173.

пании, которая, во-первых, следила за ними в интернете и, во-вторых, узурпировала их способность контролировать раскрытие касающихся их фактов. Основатель Facebook Марк Цукерберг был вынужден закрыть эту программу, но к 2010 году он объявил, что неприкосновенность частной жизни больше не является социальной нормой, а затем похвалялся тем, что ослабил «политику конфиденциальности» компании в соответствии с этим утверждением о новых общественных правилах игры, полностью отвечающим его интересам⁸⁵. Цукерберг, по-видимому, не читал то, как описал свой опыт с Beacon пользователь Джонатан Тренн:

Я купил на Overstock.com набор обручальных колец с бриллиантами, готовя новогодний сюрприз для своей подруги... Через несколько часов, к моему потрясению, мне звонит один из моих лучших друзей и с радостным удивлением «поздравляет» меня с помолвкой (!!!). Представьте мой ужас, когда я узнал, что магазин опубликовал подробности моей покупки (включая ссылку на товар и его цену) на моей странице в Facebook, а также в уведомлениях всем моим друзьям. ВСЕМ МОИМ ДРУЗЬЯМ, включая мою подругу, всех ее друзей и т. д... ВСЁ ЭТО БЕЗ МОЕГО СОГЛАСИЯ ИЛИ ВЕДОМА. Сюрприз испорчен, я был в полном расстройстве. То, что должно было стать чем-то особенным, воспоминанием на всю жизнь для моей подруги и меня, было уничтожено абсолютно подковренным и возмутительным вторжением в частную жизнь. Шею бы свернуть людям из оверстока и фейсбука, которые решили, что это будет хорошей идеей. Это создает кошмарный прецедент в сети, и часть моей жизни для меня теперь разрушена⁸⁶.

Среди множества обманутых надежд в области защиты прав, вездесущие «пользовательские соглашения» были одними из самых коварных⁸⁷. Юристы называют их «договорами присоединения», поскольку они навязывают пользователям условия типа «соглашайся или уходи», и пользователи соглашаются, нравится им это или нет. Онлайн-«договоры», такие как пользовательские соглашения, также называют «договорами по клику», потому что, как показывает множество исследований, большинство людей принимают кабальные условия этих договоров, просто нажимая на кнопку с надписью «Согласен», даже не прочитав соглашение⁸⁸. Во многих случаях простой просмотр веб-сайта означает, что тем самым вы принимаете пользовательское соглашение, даже если вы об этом не знаете. Специалисты отмечают, что эти цифровые документы избыточно длинны и сложны отчасти именно для того, чтобы отбить у пользователей желание читать эти условия, поскольку их составители прекрасно знают, что большинство судов поддержат законность «договоров по клику», несмотря на очевидное отсутствие осмыс-

⁸⁵ Bobbie Johnson, "Privacy No Longer a Social Norm, Says Facebook Founder," *Guardian*, January 10, 2010, <https://www.theguardian.com/technology/2010/jan/11/facebook-privacy>.

⁸⁶ См.: Charlene Li, "Close Encounter with Facebook Beacon," *Forrester*, November 23, 2007, <https://web.archive.org/web/20071124121739/http://blogs.forrester.com/charleneli/2007/11/close-encounter.html>.

⁸⁷ Peter Linzer, "Contract as Evil," *Hastings Law Journal* 66 (2015): 971; Paul M. Schwartz, "Internet Privacy and the State," *Connecticut Law Review* 32 (1999): 815–859; Daniel J. Solove, "Privacy Self-Management and the Consent Dilemma," *Harvard Law Review* 126, no. 7 (2013): 1880–1904.

⁸⁸ Yannis Bakos, Florencia Marotta-Wurgler, and David R. Trossen, "Does Anyone Read the Fine Print? Consumer Attention to Standard-Form Contracts," *Journal of Legal Studies* 43, no. 1 (2014): 1–35, <https://doi.org/10.1086/674424>; Tess Wilkinson-Ryan, "A Psychological Account of Consent to Fine Print," *Iowa Law Review* 99 (2014): 1745; Thomas J. Maronick, "Do Consumers Read Terms of Service Agreements When Installing Software? A Two-Study Empirical Analysis," *International Journal of Business and Social Research* 4, no. 6 (2014): 137–145; Mark A. Lemley, "Terms of Use," *Minnesota Law Review* 91 (2006), <https://papers.ssrn.com/abstract=917926>; Nili Steinfeld, "I Agree to the Terms and Conditions: (How) Do Users Read Privacy Policies Online? An Eye-Tracking Experiment," *Computers in Human Behavior* 55 (2016): 992–1000; Victoria C. Plaut and Robert P. Bartlett, "Blind Consent? A Social Psychological Investigation of Non-readership of Click-Through Agreements," *Law and Human Behavior*, June 16, 2011, 1–23.

ленного согласия⁸⁹. Председатель Верховного суда США Джон Робертс признал, что сам он «не читает детальные условия компьютерных соглашений»⁹⁰. В довершение всего условия обслуживания могут быть изменены фирмой в одностороннем порядке в любое время без уведомления конкретного пользователя или получения согласия с его стороны, и эти условия обычно затрагивают другие компании (партнеров, поставщиков, тех кто занимается сбытом, рекламных посредников и т. д.) без указания на или принятия ответственности за *их* условия обслуживания. Эти «соглашения» навязывают пользователю заведомо проигрышный бесконечный регресс, который профессор права Нэнси Ким назвала «садистским».

Правоведу Маргарет Радин характер таких «соглашений» напоминает происходящее в «Алисе в Стране чудес». Действительно, священные понятия «соглашения» и «обещания», столь важные для эволюции института договора, начиная с римских времен, превратились в символический сигнал-талисман, «просто указывающий на то, что фирма, применяющая договор присоединения, хочет, чтобы пользователь был волшебным образом связан соответствующими условиями»⁹¹. Радин называет это частным аналогом права государства на принудительное отчуждение собственности, односторонним присвоением чужих прав. Она рассматривает такие «соглашения» как моральную и демократическую «деградацию» верховенства закона и института договора, извращение, которое перестраивает права пользователей, дарованные путем демократического процесса, «заменяя их на систему, которую желает навязать фирма... Чтобы взаимодействовать с фирмой, пользователи должны перейти в правовую вселенную, разработанную самой фирмой»⁹².

Для подобной деградации необходима была цифровая среда. Ким отмечает, что бумажные документы раньше накладывали естественные ограничения на контрактное поведение просто в силу расходов на производство, распространение и архивирование. Бумажные контракты требуют физической подписи, что ограничивает бремя, которое фирма может наложить на покупателя, требуя, чтобы он прочел множество страниц, набранных мелким шрифтом. Цифровые условия, напротив, «невесомы». Их можно расширять, воспроизводить, распространять и архивировать без дополнительных затрат. Как только фирмы поняли, что суды были склонны признавать законность их «соглашений по клику» и «соглашений в силу просмотра», ничто не мешало им расширять охват этих ущербных договоров, «чтобы извлекать за счет потребителей дополнительные выгоды, не связанные с изначальной транзакцией»⁹³. Это совпало с открытием поведенческого излишка, которое мы рассматриваем в главе 3, и в пользовательские соглашения стали включать нелепую и извращенную «политику конфиденциальности», запуская еще один бесконечный регресс этих условий экспроприации. Даже бывший председатель Федеральной торговой комиссии Джон Лейбовиц публично заявил: «Мы все согласны с тем, что потребители не читают политики конфиденциальности»⁹⁴. В 2008 году два профессора Университета Карнеги—Меллона подсчитали, что осмысленное прочтение всех политик конфиденциальности, с которыми пользователь сталкивается в течение года, требует 76 полных рабочих дней, что вылилось бы в общенациональную упущенную выгоду в 781 миллиард долларов США⁹⁵. Сегодня эти цифры уже намного выше. Тем не менее большинство

⁸⁹ Ewa Luger, Stuart Moran, and Tom Rodden, "Consent for All: Revealing the Hidden Complexity of Terms and Conditions," in *Proceedings of the SIGCHI Conference on Human Factors in Computing Systems*, CHI '13 (New York: ACM, 2013), 2687–2696.

⁹⁰ Debra Cassens Weiss, "Chief Justice Roberts Admits He Doesn't Read the Computer Fine Print," *ABA Journal*, October 20, 2010, http://www.abajournal.com/news/article/chief_justice_roberts_admits_he_doesnt_read_the_computer_fine_print.

⁹¹ Margaret Jane Radin, *Boilerplate: The Fine Print, Vanishing Rights, and the Rule of Law* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2012), 14.

⁹² Radin, *Boilerplate*, 16–17.

⁹³ Nancy S. Kim, *Wrap Contracts: Foundations and Ramifications* (Oxford: Oxford University Press, 2013), 50–69.

⁹⁴ Jon Leibowitz, "Introductory Remarks at the FTC Privacy Roundtable," *FTC*, December 7, 2009, <http://www.ftc.gov/speeches/leibowitz/091207.pdf>.

⁹⁵ Aleecia M. McDonald and Lorrie Faith Cranor, "The Cost of Reading Privacy Policies," *Journal of Policy for the Information*

пользователей остаются в неведении об этих «грабительских» условиях, которые, по словам Ким, позволяют фирмам «не торгуясь, приобретать права и скрытно устанавливать и внедрять необходимые им практики, прежде чем пользователи или надзорные органы осознают, что произошло»⁹⁶.

Поначалу казалось, что новые интернет-компании просто не понимают моральных, социальных и институциональных требований своей собственной экономической логики. Но с каждым новым корпоративным нарушением становилось все труднее не думать о том, что эти нарушения отражают чью-то задумку, а не чью-то ошибку. Хотя чудо Apple несло в себе семена экономических преобразований, это мало кто понимал: все это выглядело туманным даже для самой корпорации. Задолго до смерти своего легендарного основателя Стива Джобса частые злоупотребления ожиданиями пользователей вызывали вопросы о том, насколько хорошо корпорация понимает глубинную суть и исторический потенциал своих собственных детищ. Драматический успех iPod и iTunes вселил в интернет-пользователей чувство оптимизма по отношению к новому цифровому капитализму, но Apple так и не взяла на себя бремя последовательного, комплексного развития социальных и институциональных процессов, которые придали бы обещанию iPod отчетливо выраженную рыночную форму, как сделали когда-то Генри Форд и Альфред Слоан.

Эти события отражают простую истину о том, что подлинное экономическое преобразование требует времени и что мир интернета, его инвесторы и акционеры спешили и спешат. Кредо цифровых инноваций быстро перешло на язык «подрыва» и стало одержимо скоростью, его кампании проходили под флагом «созидательного разрушения». За эту знаменитую, роковую фразу, отчеканенную эволюционным экономистом Йозефом Шумпетером, ухватились как за способ узаконить то, что Кремниевая долина деликатно называет «инновациями без разрешения»⁹⁷. Риторика разрушения продвигала философию истории, которую я называю «мальчишки и их игрушки», как будто одержать верх при капитализме значит повзрывать все кругом с помощью новых технологий. На деле анализ Шумпетера был гораздо более тонким и сложным, чем предполагает современная риторика разрушения.

Хотя Шумпетер рассматривал капитализм как «эволюционный» процесс, он также считал, что относительно немногие из непрерывно создаваемых им инноваций способны сыграть значимую эволюционную роль. Эти редкие события он называл мутациями. Это устойчивые, долговременные, качественные сдвиги в логике, теории и практике капиталистического накопления, а не случайные, временные или оппортунистические реакции на обстоятельства. Шумпетер настаивал, что этот эволюционный механизм запускается новыми потребностями потребителей, и согласование с этими потребностями является той движущей силой, которая стоит за устойчивыми мутациями: «капиталистический процесс не случайно, а в силу самого своего механизма все более поднимает уровень жизни масс»⁹⁸.

Чтобы мутация могла надежно закрепиться, ее новые цели и методы должны вылиться в новые институциональные формы:

Основной импульс, который приводит капиталистический механизм в движение и поддерживает его на ходу, исходит от новых потребительских благ, новых методов производства и транспортировки товаров, новых рынков и

Society, 4, no. 3 (2008), <http://hdl.handle.net/1811/72839>.

⁹⁶ Kim, *Wrap Contracts*, 70–72.

⁹⁷ Пример такой риторики см. в: Tom Hayes, “America Needs a Department of ‘Creative Destruction’,” *Huffington Post*, October 27, 2011, https://www.huffingtonpost.com/tom-hayes/america-needs-a-departmen_b_1033573.html.

⁹⁸ Joseph A. Schumpeter, *Capitalism, Socialism, and Democracy* (New York: Harper Perennial Modern Classics, 2008), 68; Йозеф А. Шумпетер, *Капитализм, социализм и демократия* (Москва: Экономика, 1995), 110.

новых форм экономической организации, которые создают капиталистические предприятия.

Обратите внимание, что Шумпетер говорит «создают», а не «разрушают». В качестве примера «мутации» Шумпетер приводит «развитие экономической организации от ремесленной мастерской и фабрики до таких концернов, как US Steel»⁹⁹.

Шумпетер понимал созидательное разрушение как один из прискорбных побочных продуктов длительного и сложного процесса устойчивых творческих изменений. «Капитализм, – писал он, – *создает и разрушает*». В этом вопросе Шумпетер был непреклонен: «Созидательный отклик формирует весь ход последующих событий и их „долгосрочный“ исход <...> Созидательный отклик меняет социальные и экономические ситуации к лучшему <...> Вот почему созидательный отклик является необходимым элементом исторического процесса: никакое детерминистическое кредо ничего с этим не поделает»¹⁰⁰. Наконец, вопреки риторике Кремниевой долины и ее культуре скорости, Шумпетер утверждал, что подлинная мутация требует терпения:

поскольку мы имеем дело с процессом, каждый элемент которого требует значительного времени для того, чтобы определить его основные черты и окончательные последствия, бессмысленно оценивать результаты этого процесса на данный момент времени: мы должны делать это за период, состоящий из веков или десятилетий¹⁰¹.

Эволюционная значимость «мутации» в построениях Шумпетера подразумевает высокий порог, который преодолевается лишь со временем, с помощью серьезной работы по изобретению новых институциональных форм, укорененных в новых потребностях новых людей. Творческим разрушением может считаться лишь относительно небольшая часть разрушения, особенно в отсутствие сильного «двойного процесса». Это иллюстрирует шумпетеровский пример компании US Steel, основанной одними из самых скандальных «баронов-разбойников» «позолоченного века», включая Эндрю Карнеги и Дж. П. Моргана. Под давлением все более настойчивого «двойного процесса» US Steel в конечном итоге институционализировала справедливые в отношении работников практики в виде профсоюзов и коллективных переговоров, а также внутренних рынков труда, карьерных лестниц, профессиональных иерархий, гарантий занятости, обучения и развития, продолжая при этом внедрять свои технологические достижения в массовое производство.

Мутация – это не сказка и не утопия; это рациональный капитализм, через демократические институты связанный взаимовыгодными отношениями с людьми. Мутации в корне меняют природу капитализма, смещая его в сторону тех, кому он должен служить. Это далеко не такой красивый и завлекательный подход, как тот, который предлагает теория «мальчишек и их игрушек», но это то, что нужно для преодоления коллизии и перехода к третьему модерну.

VI. Надзорный капитализм заполняет пустоту

Новое поколение экономической власти быстро заполнило пустоту, в которой каждый случайный поисковый запрос, лайк и клик превратился в актив, который должен отслеживаться, анализироваться и монетизироваться какой-то компанией, и это произошло в течение десятилетия после дебюта iPod. Как будто акула все это время молча кружила в глубине, лишь иногда ненадолго выныривая, чтобы ухватить свежий кусок добычи. В конце концов компа-

---

⁹⁹ Schumpeter, *Capitalism, Socialism, and Democracy*, 83; Шумпетер, *Капитализм, социализм и демократия*, 126–127.

¹⁰⁰ Joseph A. Schumpeter, *The Economics and Sociology of Capitalism*, ed. Richard Swedberg (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991), 417, 411 (выделено мной. – Ш. З.).

¹⁰¹ Schumpeter, *Capitalism, Socialism, and Democracy*, 83; Шумпетер, *Капитализм, социализм и демократия*, 127.

нии начали объяснять эти нарушения как необходимую компенсацию за «бесплатные» интернет-услуги. Конфиденциальность, говорили они, – это цена, которую нужно заплатить за многочисленные выгоды, которые несет с собой доступ к информации, связи и другим цифровым благам, когда, где и в таком виде, в каком вы их хотите. Эти объяснения отвлекали нас от epochальных перемен, которым суждено было переписать правила капитализма и цифрового мира.

Оглядываясь назад, мы понимаем, что все эти многочисленные и разноречивые нарушения ожиданий пользователей были на самом деле крошечными глазками, сквозь которые можно было заглянуть внутрь быстро крепнущей институциональной формы, учившейся использовать потребности второго модерна и уже привычные нормы «роста для избранных» в качестве средства для совершенно нового рыночного проекта. Со временем акула проявила себя как быстро размножающийся, систематический, внутренне слаженный новый вариант информационного капитализма, нацеленный на господство. Свой путь в историю прокладывала беспрецедентная разновидность капитализма – надзорный капитализм.

Эта новая рыночная форма задействует уникальную логику накопления, в которой основополагающим механизмом превращения инвестиций в прибыль является надзор. Ее быстрый рост, институциональное совершенствование и значительное расширение поставили под сомнение молчаливые обещания инверсии, начатой Apple и ориентированной на интересы пользователя. В более широком плане рост надзорного капитализма предал надежды и ожидания многих «граждан сети», которым были дороги освободительные обещания сетевой среды¹⁰².

Надзорный капитализм повелевал чудесами цифрового мира, чтобы удовлетворить нашу потребность в полноценной жизни, обещая волшебство неограниченной информации и тысячи способов предвидения наших потребностей и облегчения тягот наших опустошенных жизней. Мы приветствовали его в наших сердцах и домах своими собственными ритуалами гостеприимства. Как мы подробно рассмотрим в последующих главах, благодаря надзорному капитализму ресурсы для полноценной жизни, которые мы ищем в цифровой сфере, теперь таят в себе угрозы нового сорта. При этом новом режиме момент удовлетворения наших потребностей является также тем самым моментом, когда на нас набрасываются для извлечения поведенческих данных, и все это ради выгоды других людей. Результатом оказывается извращенная смесь, состоящая из новых возможностей, неразрывно переплетенных с новыми ограничениями. В отсутствие решительного общественного ответа, который ограничил бы или объявил эту логику накопления вне закона, надзорный капитализм, по всей видимости, готов стать доминирующей формой капитализма нашего времени.

Как это случилось? Это вопрос, к которому мы будем возвращаться на протяжении всей этой книги по мере накопления новых догадок и ответов. Пока что можно признать, что на протяжении многих веков мы считали основной угрозой государственную власть. Из-за этого мы оказались совершенно не готовыми защищаться от новых компаний с оригинальными названиями, под руководством молодых гениев, которые, казалось, могли дать нам именно то, чего мы так жаждали, бесплатно или почти бесплатно. Самые опасные последствия этого нового режима, непосредственные и долгосрочные, трудно было осознать или осмыслить, поскольку их скрывала молниеносная быстрота его действий, прячущихся за дорогими и непонятными машинными операциями, скрытыми корпоративными практиками, мастерской отвлекающей риторикой и целенаправленным присвоением не принадлежащих ему культурных ценностей. По ходу дела термины, значения которых мы считаем позитивными или по крайней мере банальными, – «открытый интернет», «функциональная совместимость» и «подключен-

---

¹⁰² Yochai Benkler, *The Wealth of Networks: How Social Production Transforms Markets and Freedom* (New Haven, CT: Yale University Press, 2006).

ность», – были незаметно задействованы для целей рыночного процесса, в ходе которого людей превращают в средства для достижения чужих рыночных целей.

Надзорный капитализм пустил корни настолько быстро, что, если не считать горстки ученых-правоведов и технически подкованных активистов, он сумел оставить нас в неведении о своем существовании и ловко ушел от необходимости спрашивать у нас разрешение. Как мы более подробно обсудим в главе 4, надзорный капитализм немыслим вне цифровой сферы, но неолиберальная идеология и политика также обеспечили среду, в которой он смог процветать. Эта идеология и ее практическая реализация принуждают людей второго модерна к кабальной сделке, лежащей в основе логики накопления надзорного капитализма, в ходе которой информация и коммуникация выкупаются в обмен на доходные поведенческие данные, финансирующие его безмерный рост и прибыль. Любые попытки помешать надзорному капитализму или подорвать его должны будут столкнуться с этим более широким институциональным ландшафтом, который защищает и поддерживает его деятельность.

История – не лаборатория экспериментатора, и мы не можем сказать, могла ли Apple, если бы у нее было другое руководство, больше времени или какие-то другие условия, разглядеть, усовершенствовать и институционализировать свое главное преимущество, как это сделали в свое время Генри Форд и Альфред Слоан. И эта возможность никоим образом не утрачена навсегда. Напротив, мы еще можем увидеть создание нового синтеза для третьего модерна, в котором подлинная инверсия и обновленный общественный договор будут закреплены как принципы нового рационального цифрового капитализма, повернувшегося лицом к обществу и поддерживаемого демократическими институтами. Тот факт, что Шумпетер отменял сроки для такой институционализации десятилетиями или даже столетиями, остается важным примечанием ко всей нашей истории.

Эти события тем более опасны, что не могут быть сведены к какому-то из уже известных зол – монополии, конфиденциальности – и, следовательно, привычные средства не подходят для борьбы с ними. Новое зло, с которым мы сталкиваемся, несет с собой вызовы неприкосновенности личности, и главным среди них я считаю вызовы базовым правам, связанным с суверенитетом личности, включая *право на жизнь в будущем времени* и *право на личное святилище*. Каждое из этих прав взывает к способности принимать самостоятельные решения и личной автономии как важнейшим предпосылкам свободы действий и самого понятия демократического порядка.

Сегодня, однако, крайняя асимметрия знания и власти в пользу надзорного капитализма ведет к упразднению этих базовых прав по мере того, как наши жизни в одностороннем порядке преобразуются в данные, экспроприируются и утилизируются с помощью новых форм социального контроля, все это на службе чужим интересам, без нашего ведома и в отсутствие способов противодействия. Нам еще предстоит изобрести политические механизмы и новые формы совместных действий – современный эквивалент социальных движений конца XIX и XX века, призванный обуздать дикий капитализм и сделать его совместимым с обществом, – действий, которые помогут отстоять наше право на человеческое будущее. И хотя работа над этими изобретениями еще только предстоит, эта мобилизация и вызванное ею сопротивление станут ключевым полем битвы, на котором развернется борьба за человеческое будущее.

9 августа 2011 года события рикошетили между двумя совершенно разными взглядами на третий модерн. Один взгляд был основан на цифровом обещании более доступной информации в контексте индивидуализированных экономических и социальных отношений. Другой отражал суровую реальность массового отчуждения и господства элиты. Но уроки того дня еще не были полностью учтены, когда свежие ответы – или, говоря более осторожно, слабые проблески ответов, нежные, как полупрозрачная кожа новорожденного, – обратили на себя внимание всего мира, принесенные вместе со струящимися ароматами испанской лаванды и ванили.

VII. За человеческое будущее

Ранним утром 9 августа 2011 года восемнадцатилетняя Мария Елена Монтес сидела на прохладном мраморном полу кондитерской, уже сто лет принадлежащей ее семье, в Барселоне, в районе Эль-Раваль, потягивая из чашечки сладкий кофе с молоком, убаюкиваемая предрасветным копошением голубей на площади, в ожидании, пока расстанется несколько противней с пропитанными ромом цыганскими пирожными.

Кондитерская La Dulce занимала тесное средневековое здание, притулившееся на крошечной площади на одной из тех немногих улиц, которые избежали как сноса, так и реновации в духе яппи. Благодаря усилиям семьи Монтес прошедшие десятилетия не оказали видимого влияния на заветную для них пекарню. Каждое утро они с любовью наполняли сверкающие стеклянные витрины хрустящими, усыпанными сахаром чуррос, нежными бунуэлос, истекающими ванильным кремом, крошечными клубничными пирожками на бумажных тарелочках, масляным печеньем мантекадо, спиральными булочками энсаймада, густо посыпанными сахарной пудрой, воздушным печеньем мадлен, рассыпчатыми пестинью и особыми флао по рецепту прабабушки Монтес – десертами из свежего молочного сыра с добавлением испанской лаванды, фенхеля и мяты. Там были также пирожные с миндалем и красным апельсином – по словам сеньоры Монтес, точно такие же, какие когда-то подавались королеве Изабелле. Мороженое с оливковым маслом, приправленное анисом, наполняло емкости в сияющей белой морозильной камере вдоль стены. Старый потолочный вентилятор медленно вращался, насыщая ароматами меда и дрожжей каждый уголок нестареющей комнаты.

Изменилось лишь одно. В любой другой год в это время августа мы застали бы Марию Елену и ее семейство в их летнем домике, укрытом в сосновой роще недалеко от приморского городка Палафружел, где они отдыхали каждое лето уже несколько поколений ее семьи. В августе 2011 года, однако, ни Монтес, ни их покупатели и друзья не пошли в отпуск. Экономический кризис ударил по стране, как черная чума, сократив потребление и подняв уровень безработицы до 21 %, самого высокого в ЕС, и до потрясающих 46 % среди людей в возрасте до 24 лет. В Каталонии, где расположена Барселона, 18 % из ее 7,5-миллионного населения оказались за чертой бедности¹⁰³. Летом 2011 года немногие могли позволить себе простое удовольствие провести август на море или в горах.

Вновь стали поступать настойчивые предложения продать здание и позволить будущему наконец поглотить La Dulce. Семья могла бы комфортно жить на доходы от продажи кондитерской, даже на невыгодных условиях, которые они были бы вынуждены принять. Дела шли вяло, но сеньор Фито Монтес отказывался увольнять кого-либо из сотрудников, которые, после многих лет постоянной работы, образовали нечто вроде большой семьи. Почти все, кого они знали, говорили, что конец неизбежен и что Монтес должны ухватиться за эту возможность достойного выхода. Но семья была полна решимости пойти на все жертвы, чтобы сохранить кондитерскую La Dulce для будущего.

Всего три месяца назад Хуан Пабло и Мария ездили в Мадрид, чтобы присоединиться к тысячам демонстрантов в Пуэрта-дель-Соль, где державшийся в течение месяца лагерь сделал движение Los Indignados, известное также как «движение 15-М», новым голосом народа, доведенного до крайней точки экономикой презрения. Все, что осталось сказать, это «Ya. No mas!» – «Хватит!». Стечение такого количества граждан в Мадриде привело к волне протестов по всей стране, и в конечном итоге эти протесты уступят место новым политическим партиям,

---

¹⁰³ Tom Worden, "Spain's Economic Woes Force a Change in Traditional Holiday Habits," *Guardian*, August 8, 2011, <http://www.theguardian.com/world/2011/aug/08/spain-debt-crisis-economy-august-economy>.

включая Подемос. Во многих городах возникли соседские собрания, и как раз накануне вечером Монтес присутствовали на одном из таких собраний в Эль-Равале.

Те вечерние разговоры были еще свежи в памяти, когда ранним днем 9 августа они собрались в своей квартире над кондитерской, чтобы разделить дневную трапезу и обсудить судьбу La Dulce, не очень понимая, что задумал Папа Монтес.

«Банкиры могут не знать об этом, – рассуждал Фито Монтес, – но будущее будет нуждаться в прошлом. Ему, будущему, понадобятся эти мраморные полы и сладость моих цыганских пирожных. Они относятся к нам, как к цифрам в бухгалтерской книге, как будто они просматривают цифры жертв авиакатастрофы. Они верят, что будущее принадлежит только им. Но у каждого из нас есть своя история. У каждого из нас есть своя жизнь. Никто кроме нас не заявит о нашем праве на будущее. Будущее – это и наш дом».

С облегчением вздохнув, Мария и Хуан Пабло обрисовали свой план. Хуан Пабло временно откажется от учебы в университете, а Мария Елена отложит поступление туда. Они постараются расширить оборот La Dulce, предлагая доставку на дом и услуги кейтеринга. Всем придется урезать зарплату, но никому не придется уйти. Всем надо будет затянуть пояса, кроме пухленьких бунуэлос и их великолепных братьев, гордо выстроившихся аккуратными восхитительными рядами.

Мы знаем, как бросить вызов неизбежному, сказали они. Мы пережили войны; мы пережили фашистов. Мы снова выживем. Для Фито Монтеса право его семьи рассчитывать на будущее как на свой дом требовало преемственности в некоторых вещах – неуловимых, прекрасных, удивительных, таинственных, невыразимых и нематериальных, но без которых, как все они верили, жизнь будет механической и бездушной. Он твердо хотел, например, чтобы и следующее поколение испанских детей узнавало аромат его пирожных с красным апельсином и лепестками роз и причащалось тем самым к тайнам средневековой жизни в благоухающих садах Альгамбры.

9 августа на тенистой площади становилось все жарче, и солнце прогнало людей с улиц, по которым некогда с триумфом проходили то гунны, то мавры, то кастильцы, то Бурбоны. Глядя на эти безмолвные аллеи, трудно было догадаться об исторических событиях в Мадриде, которым в тот же день уделит видное место газета *New York Times*¹⁰⁴. Но я представляю себе, как эти два города соединяются между собой невидимыми волнами ароматов, восходящими от La Dulce высоко в выгоревшее небо Барселоны и медленно дрейфующими южнее и западнее, чтобы опуститься вдоль строгого фасада здания, в котором находилось испанское агентство по защите данных, где шла еще одна битва за право на жизнь в будущем времени.

Испанское агентство по защите данных приняло решение отстаивать требования девяноста простых граждан, которые, как и семья Монтес, были полны решимости сохранить унаследованные смыслы для мира, готового меняться со скоростью света¹⁰⁵. Во имя «права на забвение» испанцы вышли на арену для боя быков, размахивая красными тряпками, решившись покорить самого яростного из всех быков – Google, главный оплот надзорного капитализма. Когда агентство предписало интернет-фирме прекратить индексировать информацию, касающуюся этих девяноста человек, бык ощутил на себе один из первых и самых значительных ударов.

Это юридическое противостояние опиралось на те же упорство, решимость и настрой, которые поддерживали семью Монтес и миллионы других испанцев, вынужденных вырывать свое будущее из лап самопровозглашенной неизбежности равнодушного капитала. В утвержде-

---

¹⁰⁴ Suzanne Daley, “On Its Own, Europe Backs Web Privacy Fights,” *New York Times*, August 9, 2011, <http://www.nytimes.com/2011/08/10/world/europe/10spain.html>.

¹⁰⁵ Ankit Singla et al., “The Internet at the Speed of Light” (ACM Press, 2014), <https://doi.org/10.1145/2670518.2673876>; Taylor Hatmaker, “There Could Soon Be Wi-Fi That Moves at the Speed of Light,” *Daily Dot*, July 14, 2014, <https://www.dailydot.com/debug/sisoft-li-fi-vlc-10gbps>.

нии «права на забвение», сложность человеческого существования с его миллионами оттенков серого, противостояла экономическим императивам надзорного капитализма, породившим неослабное стремление извлекать и хранить информацию. Именно там, в Испании, право на жизнь в будущем времени переживало подъем, настаивая на том, что операции надзорного капитализма и его цифровая архитектура не являются, никогда не были и никогда не будут неизбежными. Наоборот, даже капитализм Google был создан людьми и может быть демонтирован или перестроен с использованием демократических процедур, а не по указке бизнеса. Google не должен был быть последним словом в том, что касается человеческого или цифрового будущего.

У каждого из этих девяноста граждан были свои требования. Одну женщину терроризировал ее бывший муж и она не хотела, чтобы он мог найти в интернете ее адрес. Конфиденциальность информации была необходима ей и для душевного спокойствия, и для физической безопасности. Другую женщину, средних лет, не отпускал ее старый, студенческих времен арест. Конфиденциальность информации была важна для ее идентичности и чувства собственного достоинства. Был среди них и адвокат, Марио Костеха Гонсалес, который несколько лет назад потерял право выкупа своего дома. Хотя вопрос давно был разрешен, поиск в Google по его имени продолжал выдавать ссылки на уведомление о потере права выкупа, что, по его мнению, подрывало его репутацию. Хотя испанское Агентство по защите данных отвергло требование удалить соответствующую действительности информацию из газет и других исходных источников – подобная информация, сочли они, в любом случае будет где-то существовать, – оно поддержало идею том, что Google несет ответственность и должен быть привлечен к ответу. В конце концов, это Google в одностороннем порядке изменил жизненный цикл информации, когда стал сканировать, индексировать и делать доступными во всемирной паутине личные данные без чье-либо разрешения. Агентство пришло к выводу, что граждане имеют право требовать удаления ссылок, и предписало Google прекратить индексацию информации и удалить существующие ссылки на первоисточники.

Миссия Google «организовать информацию всего мира и сделать ее общедоступной и полезной» – начиная со всемирной паутины – изменила всю нашу жизнь. Без сомнения, это принесло огромную пользу. Но для отдельных людей это означало, что информация, которая обычно стареет и забывается, теперь остается вечно молодой и продолжает находиться на видном месте в цифровой идентичности каждого человека. Испанское Агентство по защите данных признало, что не всякая информация достойна бессмертия. Часть информации должна быть забыта, потому что это свойственно людям. Неудивительно, что Google оспорил постановление агентства в Верховном суде Испании, который выбрал одно из девяноста дел – дело адвоката Марио Костеха Гонсалеса – для передачи в Европейский суд. Последний, после продолжительных и драматичных прений, в мае 2014 года объявил о своем решении утвердить право на забвение в качестве основополагающего принципа права ЕС¹⁰⁶.

Решение Европейского суда, которое так часто сводят к юридическим и техническим соображениям, связанным с удалением личных данных или ссылок на них, в действительности стало ключевым моментом, когда демократия начала отвоевывать назад право на жизнь в будущем времени у влиятельных сил нового надзорного капитализма, решившего претендовать на одностороннюю власть над цифровым будущим. Вместо этого судебные прения оставили будущее за человеком, отвергнув претензии поисковых технологий Google на неизбежность и признав, что результаты поиска являются случайными продуктами конкретных экономических интересов, которые управляют действием машины из глубины ее недр: «Оператор поисковой системы способен оказать значительное влияние на осуществление базовых прав на непри-

¹⁰⁶ “Google Spain SL v. Agencia Española de Protección de Datos (Case C-131/12 (May 13, 2014),” *Harvard Law Review* 128, no. 2 (2014): 735.

косновенность частной жизни и защиту личных данных. В свете потенциальной серьезности подобного вмешательства» в эти права, «оно не может быть оправдано лишь экономической выгодой, которую оператор поисковой системы рассчитывает получить в результате обработки соответствующей информации»¹⁰⁷. Как резюмировали правоведы Пол М. Шварц и Карл-Николаус Пайфер, «суд в Люксембурге подтвердил важность свободного обмена информацией, но признал, что в европейском правовом режиме в конечном счете еще важнее защита достоинства, неприкосновенности частной жизни и персональных данных»¹⁰⁸. Суд предоставил гражданам ЕС право на сопротивление, потребовав от Google установить процедуру для выполнения пользовательских запросов об удалении ссылок и разрешив гражданам обращаться за помощью к демократическим институтам, включая «надзорные или судебные органы, с тем чтобы они провели необходимые проверки и предписали контролирующей инстанции принять соответствующие конкретные меры»¹⁰⁹.

Подтверждая право на забвение, суд заявил, что решающая власть над цифровым будущим принадлежит народу, его законам и его демократическим институтам. Он подтвердил, что отдельные лица и демократические общества в целом могут бороться за свое право на жизнь в будущем времени и могут победить, даже перед лицом могущественных частных игроков. Как заметил специалист по правам человека Федерико Фаббрини, в этом жизненно важном деле Европейский суд более решительно взял на себя роль суда по правам человека, шагнув на «минное поле прав человека в цифровую эпоху...»¹¹⁰.

Когда о решении Суда было объявлено, «умные деньги» заявили, что этого никогда бы не произошло в США, где интернет-компании обычно прибегают к прикрытию в виде Первой поправки, оправдывающей, по их мнению, «инновации без разрешения»¹¹¹. Некоторые специалисты по технологиям говорили, что авторы постановления «спятили»¹¹². Руководители Google насмеялись над решением. Журналисты сообщали, что соучредитель Google Сергей Брин «отшучивается» и «отмахивается». Когда его спросили об этом определении суда во время сессии вопросов и ответов на крупной технологической конференции, он сказал: «Хотелось бы, чтобы мы все просто забыли это решение»¹¹³.

¹⁰⁷ *Google Spain*, 2014 E.C.R. 317, 80–81.

¹⁰⁸ Paul M. Schwartz and Karl-Nikolaus Peifer, “Transatlantic Data Privacy,” *Georgetown Law Journal* 106, no. 115 (2017): 131, <https://papers.ssrn.com/abstract=3066971>. A few of the many excellent analyses of the right to be forgotten include Dawn Nunziato, “Forget About It? Harmonizing European and American Protections for Privacy, Free Speech, and Due Process” (GWU Law School Public Law Research Paper, George Washington University, January 1, 2015), http://scholarship.law.gwu.edu/faculty_publications/1295; Jeffrey Rosen, “The Right to Be Forgotten,” *Stanford Law Review Online* 64 (2012): 88; “The Right to Be Forgotten (Google v. Spain),” *EPIC.org*, October 30, 2016, <https://epic.org/privacy/right-to-be-forgotten>; Ambrose Jones, Meg Leta, and Jef Ausloos, “The Right to Be Forgotten Across the Pond,” *Journal of Information Policy* 3 (2012): 1–23; Hans Graux, Jef Ausloos, and Peggy Valcke, “The Right to Be Forgotten in the Internet Era,” Interdisciplinary Centre for Law and ICT, November 12, 2012, http://www.researchgate.net/publication/256039959_The_Right_to_Be_Forgotten_in_the_Internet_Era; Franz Werro, “The Right to Inform v. the Right to Be Forgotten: A Transatlantic Clash,” *Liability in the Third Millennium*, May 2009, 285–300; “Google Spain SL v. Agencia Española de Protección de Datos”. Всесторонний обзор см. в: Anita L. Allen and Marc Rotenberg, *Privacy Law and Society*, 3rd ed. (St. Paul: West, 2016), 1520–1552.

¹⁰⁹ “Judgement in Case C-131/12: Google Spain SL, Google Inc. v Agencia Española de Protección de Datos, Mario Costeja González” (Court of Justice of the European Union, May 13, 2014), <https://curia.europa.eu/jcms/upload/docs/application/pdf/2014-05/cp140070en.pdf>.

¹¹⁰ Federico Fabbrini, “The EU Charter of Fundamental Rights and the Rights to Data Privacy: The EU Court of Justice as a Human Rights Court,” in *The EU Charter of Fundamental Rights as a Binding Instrument: Five Years Old and Growing*, ed. Sybe de Vries, Ulf Burnitz, and Stephen Weatherill (Oxford: Hart, 2015), 21–22.

¹¹¹ Отличное введение в вопрос о «свободе слова» и Первой поправке см. в: Anupam Chander and Uyên Lê, “The Free Speech Foundations of Cyberlaw” (UC Davis Legal Studies Research Paper 351, September 2013, School of Law, University of California, Davis).

¹¹² Henry Blodget, “Hey, Europe, Forget the ‘Right to Be Forgotten’ – Your New Google Ruling Is Nuts!” *Business Insider*, May 14, 2014, <http://www.businessinsider.com/europe-google-ruling-2014-5>.

¹¹³ Greg Sterling, “Google Co-Founder Sergey Brin: I Wish I Could Forget the ‘Right to Be Forgotten,’” *Search Engine Land*, May 28, 2014, <http://searchengineland.com/google-co-founder-brin-wish-forget-right-forgotten-192648>.

В ответ на это решение генеральный директор и соучредитель Google Ларри Пейдж повторил слова из официальной «миссии компании», заверив газету *Financial Times*, что компания «по-прежнему стремится „организовать информацию всего мира и сделать ее общедоступной и полезной“». Его доводом в защиту беспрецедентной информационной власти Google, стало неожиданное заявление, что люди должны доверять Google больше, чем демократическим институтам: «В целом хранение данных в таких компаниях, как Google, лучше, чем хранение их государством, которое не имеет надлежащей процедуры получения этих данных, потому что мы, очевидно, заботимся о своей репутации. Я не уверен, что правительство заботится об этом так же сильно»¹¹⁴. Говоря с акционерами компании на следующий день после решения суда, Эрик Шмидт охарактеризовал это решение как пример «нарушенного баланса», когда «право на забвение пришло в столкновение с правом знать»¹¹⁵.

Комментарии руководства Google отражали его решимость сохранить привилегированный контроль над будущим и негодование по поводу того, что кто-то пытается его оспорить. Однако было предостаточно свидетельств того, что американская общественность не готова мириться с односторонней властью корпорации. Умные деньги на деле оказались не такими уж умными. Спустя год после решения ЕС, национальный опрос взрослых американцев показал, что 88 % из них поддерживают закон, похожий на закон о «праве на забвение». В том же году компания Pew Research обнаружила, что 93 % американцев считают, что важно иметь контроль над тем, «кто может получить информацию о вас». Другая серия опросов привела к сходным результатам¹¹⁶.

1 января 2015 года в Калифорнии вступила в силу поправка, известная как «закон об онлайн-ластике», требующая от оператора веб-сайта, онлайн-службы, онлайн-приложения или мобильного приложения разрешить несовершеннолетнему, являющемуся зарегистрированным пользователем услуг оператора, удалять самому, или требовать от оператора удаления контента или информации, размещенной этим несовершеннолетним. Калифорнийский закон пробил брешь в одном из критически важных бастионов надзора, ослабив роль Google как самопровозглашенного защитника неограниченного права на знание, что позволяет предположить, что мы все еще в начале, а не в конце долгой и напряженной драмы.

Испанское агентство по защите данных, а затем и Европейский суд продемонстрировали невыносимую легкость «неизбежного», когда обе инстанции твердо назвали то, что поставлено на карту в борьбе за подлинно человеческое будущее – прежде всего примат демократических институтов в формировании здорового и справедливого цифрового будущего. Умные деньги

¹¹⁴ Richard Waters, “Google’s Larry Page Resists Secrecy but Accepts Privacy Concerns,” *Financial Times*, May 30, 2014, <https://www.ft.com/content/f3b127ea-e708-11e3-88be-00144feabdc0>.

¹¹⁵ James Vincent, “Google Chief Eric Schmidt Says ‘Right to Be Forgotten’ Ruling Has Got the Balance ‘Wrong,’” *Independent*, May 15, 2014, <http://www.independent.co.uk/life-style/gadgets-and-tech/google-chief-eric-schmidt-says-right-to-be-forgotten-ruling-has-got-the-balance-wrong-9377231.html>.

¹¹⁶ Pete Brodnitz et al., “Beyond the Beltway February 26–27 Voter Poll,” *Beyond the Beltway Insights Initiative*, February 27, 2015, <http://web.archive.org/web/20160326035834/http://beltway.bsgco.com/about>; Mary Madden and Lee Rainie, “Americans’ Attitudes About Privacy, Security and Surveillance,” *PewResearchCenter* (blog), May 20, 2015, <http://www.pewinternet.org/2015/05/20/americans-attitudes-about-privacy-security-and-surveillance>. Национальный опрос, проведенный организацией Software Advice, показал, что 61 % американцев считают, что право на забвение в каком-то виде необходимо, 39 % хотя бы права на забвение в его широкой европейской трактовке и почти половина были обеспокоены тем, что «неактуальные» результаты поиска могут навредить репутации человека. Опрос, проведенный YouGov, показал, что 55 % американцев поддержали бы законодательство, подобное праву на забвение, по сравнению с лишь 14 %, которые не готовы его поддержать. Опрос в США, проведенный Benenson Strategy Group и SKDKnickerbocker, опубликованный спустя почти год после решения ЕС, показал, что 88 % респондентов в определенной степени (36 %) или решительно (52 %) поддерживают американский закон, который разрешил бы им обращаться к таким компаниям, как Google, Yahoo! и Bing, чтобы удалить определенную личную информацию, которая появляется в результатах поиска. См.: Daniel Humphries, “U.S. Attitudes Toward the ‘Right to Be Forgotten,’” *Software Advice*, September 5, 2014, <https://www.softwareadvice.com/security/industryview/right-to-be-forgotten-2014>; Jake Gammon, “Americans Would Support ‘Right to Be Forgotten,’” *YouGov*, December 6, 2017, <https://today.yougov.com/news/2014/06/02/americans-would-support-right-be-forgotten>; Mario Trujillo, “Public Wants ‘Right to Be Forgotten’ Online,” *Hill*, March 19, 2015, <http://thehill.com/policy/technology/236246-poll-public-wants-right-to-be-forgotten-online>.

говорят, что американский закон никогда не откажется от своей верности надзорным капиталистам в их спорах с людьми. Но следующие десятилетия могут еще раз доказать, что умные деньги могут ошибаться. Что касается испанцев, их агентства по защите данных и Европейского суда, то со временем, скорее всего, их достижения будут видаться как волнующая первая глава в длинной истории нашей борьбы за третий модерн, который должен стать в первую очередь подлинно человеческим будущим – неразрывно связанным с инклюзивной демократией и правом человека на полноценную жизнь. Их послание выведено золотыми буквами на раздумье нашим детям: *технологическая неизбежность настолько же легка, насколько демократия тяжела, настолько же проходящая, насколько вечны аромат роз и вкус меда.*

VIII. Именованье и укрощанье

Приручение надзорного капитализма должно начинаться с тщательной разработки терминологии. Важность именно такой последовательности ярко продемонстрировала недавняя история исследований в области ВИЧ, и я предлагаю ее в качестве аналогии. В течение трех десятилетий ученые стремились создать вакцину, которая следовала бы логике более ранних методов лечения, обучая иммунную систему вырабатывать нейтрализующие антитела, но накапливающиеся данные выявили непредвиденное поведение вируса ВИЧ, которое не подчиняется моделям других инфекционных заболеваний¹¹⁷.

Разворот начался на Международной конференции по СПИДу в 2012 году, когда были представлены новые стратегии, основанные на тщательном изучении биологии тех редких носителей ВИЧ, кровь которых продуцирует естественные антитела. Исследования начали смещаться в сторону методов, которые воспроизводят эту реакцию самовакцинации¹¹⁸. Как заявил один из ведущих исследователей: «Теперь мы знаем врага в лицо, поэтому у нас есть реальные подсказки, как подойти к проблеме»¹¹⁹.

Урок для нас в том, что каждая успешная вакцина начинается с детального изучения соответствующей болезни. Ментальные модели, словари и инструменты, извлеченные из опыта прошлых катастроф, препятствуют прогрессу. Мы чувствуем запах дыма и спешим закрыть двери в комнаты, судьба которых уже решена. Это все равно что бросать снежки в гладкую мраморную стену и наблюдать за тем, как они соскальзывают вниз по фасаду, не оставляя ничего, кроме мокрых пятен – уплаченный штраф тут, техническая хитрость там, новый пакет шифрования еще в одном месте.

Сейчас важно описать эту новую форму капитализма как она есть, ее собственными словами. Это предприятие неизбежно возвращает нас в Кремниевую долину, где все движется так быстро, что мало кто знает, что только что произошло. Это среда обитания, которая развивается «со скоростью сновидения», как ярко описал это один из инженеров Google¹²⁰. Моя цель здесь – включить замедленное воспроизведение, чтобы расширить пространство для такого разговора и вскрыть последствия этих новых явлений, которые углубляют неравенство, закрепляют социальную иерархию, усиливают отчуждение, узурпируют права и лишают личную жизнь всего, что делает ее личной для вас или для меня. Если цифровому будущему суждено быть нашим домом, то именно нам придется позаботиться об этом. Нам нужно будет

---

¹¹⁷ Francis Collins, “Vaccine Research: New Tactics for Tackling HIV,” *NIH Director’s Blog*, June 30, 2015, <https://directorsblog.nih.gov/2015/06/30/vaccine-research-new-tactics-for-tackling-hiv/>; Liz Szabo, “Scientists Making Progress on AIDS Vaccine, but Slowly,” *USAToday.com*, August 8, 2012, <http://www.usatoday.com/news/health/story/2012-07-25/aids-vaccine/56485460/1>.

¹¹⁸ Collins, “Vaccine Research”.

¹¹⁹ Szabo, “Scientists Making Progress on AIDS Vaccine”.

¹²⁰ См.: Mary Madden and Lee Rainie, “Americans’ Attitudes About Privacy, Security and Surveillance,” *PewResearchCenter* (blog), May 20, 2015, <http://www.pewinternet.org/2015/05/20/americans-attitudes-about-privacy-security-and-surveillance>.

знать. Нам нужно будет принимать решения. Нам нужно будет определять, кому принимать решения. Это наша борьба за человеческое будущее.

Глава 3

Открытие поведенческого излишка

*Он звезды наблюдал и птиц свободный нрав,
Разливы рек и взлет Империй краткий,
Гадал на требухе и иногда был прав,
Платили хорошо за верные догадки.*

У. Х. Оден, Сонеты из Китая, VI¹²¹

I. Google: Первопроходец надзорного капитализма

Google для надзорного капитализма – то же самое, чем были Ford Motor Company или General Motors для ориентированного на массовое производство управленческого капитализма. Новые экономические логики и соответствующие коммерческие модели открываются людьми в конкретном времени и конкретном месте, а затем совершенствуются методом проб и ошибок. В наше время Google стал пионером, первооткрывателем, разработчиком, экспериментатором, ведущим представителем, образцом для подражания и центром распространения *надзорного капитализма*. Символический статус GM и Ford как пионеров капитализма XX века сделал их постоянным предметом научного интереса и общественного внимания, потому что уроки, которые они могли преподать, находили отклик далеко за пределами этих конкретных компаний. Деятельность Google заслуживает такого же исследования, не в целях критики отдельной компании, а как отправная точка кодификации новой мощной формы капитализма.

С момента триумфа массового производства в компании Форда и на протяжении последующих десятилетий сотни исследователей, бизнесменов, инженеров, журналистов и ученых будут тщательно анализировать обстоятельства его изобретения и развития и их последствия¹²². Прошло еще несколько десятилетий, но ученые продолжают много писать о Форде, человеке и компании¹²³. GM также был объектом пристального внимания. Он стал местом полевых исследований Питера Друкера для его ключевой книги «Концепция корпорации» (1946), которая кодифицировала практики организации бизнеса XX века и принесла Друкеру репутацию управленческого гуру. В дополнение к многочисленным научным и аналитическим работам по этим двум фирмам их собственные руководители с энтузиазмом делились своими открытиями и методами. Генри Форд и его генеральный директор Джеймс Кузэнс, а также Альфред Слоан и его менеджер по маркетингу, Генри «Бак» Уивер, размышляли, теоретизировали и пропагандировали свои достижения, отводя им определенное место в эволюционной драме американского капитализма¹²⁴.

---

¹²¹ Пер. А. Ситницкого.

¹²² См. обсуждение в: David A. Hounshell, *From the American System to Mass Production, 1800–1932: The Development of Manufacturing Technology in the United States*, 7th ed., Studies in Industry and Society 4 (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1997).

¹²³ См.: Reinhard Bendix, *Work and Authority in Industry: Ideologies of Management in the Course of Industrialization* (Berkeley: University of California Press, 1974).

¹²⁴ David Farber, *Sloan Rules: Alfred P. Sloan and the Triumph of General Motors* (Chicago: University of Chicago Press, 2005); Henry Ford, *My Life and Work* (Garden City, NY: Ayer, 1922); Генри Форд, *Моя жизнь, мои достижения* (Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2014).

Google печально известен своей скрытностью, и трудно было бы представить себе нового Друкера, свободно бродящего по территории и строчащего в коридорах свои заметки. Его руководители тщательно выстраивают свое цифровое евангелие в книгах и блогах, но его деятельность труднодоступна для сторонних исследователей или журналистов¹²⁵. В 2016 году в судебном иске, возбужденном против компании одним из ее менеджеров, утверждалось о существовании программы внутреннего шпионажа, в соответствии с требованиями которой сотрудники должны были выявлять коллег, нарушающих заключенное ими с компанией соглашение о конфиденциальности – широкий запрет на разглашение какой-либо информации о компании кому-либо¹²⁶. Самое близкое к современному Баку Уиверу или Джеймсу Кузенсу, кодифицирующему методы и цели Google, – это многолетний главный экономист компании Хэл Вэриан, который способствует делу понимания своими научными статьями на разного рода важные темы. Вэриана называли «Адамом Смитом гуглономики» и «крестным отцом» его рекламной модели¹²⁷. Именно в работах Вэриана мы находим разбросанные «по секрету всему свету» важные ключи к логике надзорного капитализма и его притязаниям на власть.

В двух удивительных научных статьях Вэриан исследовал тему «опосредованных компьютером транзакций» и их решающего влияния на современную экономику¹²⁸. Обе работы написаны простым, приземленным языком, но небрежная скромность Вэриана контрастирует с его часто поразительными заявлениями: «Сегодня компьютер находится в сердцевине практически каждой транзакции <...> и теперь, когда они доступны, эти компьютеры могут найти ряд других применений»¹²⁹. Затем он выделяет четыре таких новых применения: «извлечение

¹²⁵ Chris Jay Hoofnagle, “Beyond Google and Evil: How Policy-Makers, Journalists, and Consumers Should Talk Differently About Google and Privacy,” *First Monday*, April 6, 2009.

¹²⁶ Reed Albergotti et al., “Employee Lawsuit Accuses Google of ‘Spying Program,’” *Information*, December 20, 2016, <https://www.theinformation.com/employee-lawsuit-accuses-google-of-spying-program>.

¹²⁷ См.: Steven Levy, *In the Plex: How Google Thinks, Works, and Shapes Our Lives* (New York: Simon & Schuster, 2011), 116; Hal R. Varian, “Biography of Hal R. Varian,” UC Berkeley School of Information Management & Systems, October 3, 2017, <http://people.ischool.berkeley.edu/~hal/people/hal/biography.html>; “Economics According to Google,” *Wall Street Journal*, July 19, 2007, <http://blogs.wsj.com/economics/2007/07/19/economics-according-to-google>; Steven Levy, “Secret of Googlenomics: Data-Fueled Recipe Brews Profitability,” *Wired*, May 22, 2009, http://archive.wired.com/culture/culturereviews/magazine/17-06/pep_googlenomics; Hal R. Varian, “Beyond Big Data,” *Business Economics* 49, no. 1 (2014): 27–31. Хотя Хэл Вэриан не отвечает в Google за принятие решений, имеется немало общедоступных данных, свидетельствующих о том, что именно он помог руководству Google понять работу и последствия собственной коммерческой логики компании, развивая и совершенствуя ее. Я сравнительно нахожусь с находками Джеймса Кузенса в Ford. Кузенс был инвестором и бизнесменом – позже он станет американским сенатором – и занимал должность генерального директора в Ford. Он помог привести Ford к его впечатляющим успехам, имея ясное понимание новой логики массового производства и ее экономического значения. Он не был ни теоретиком, ни плодовитым автором, как Вэриан, но его переписка и статьи отмечены необычайной прозорливостью и остаются важнейшим источником информации для всех, кто изучает массовое производство. Прежде чем стать главным экономистом Google в 2007 г., Вэриан несколько лет проработал там консультантом. В своем биографическом материале он упоминает, что «с 2002 г. был связан со многими аспектами деятельности компании, включая разработку аукционов, эконометрический анализ, финансы, корпоративную стратегию и публичную политику». Когда в 2007 г. газета *Wall Street Journal* сообщила о новой должности Вэриана в Google, она отметила, что эта позиция подразумевает создание «команды экономистов, статистиков и аналитиков, которые будут помогать компании в „маркетинге, работе с персоналом, в стратегии, в политических вопросах“». В своей книге о Google Стивен Леви цитирует Эрика Шмидта, размышляющего о том, как фирма научилась использовать свою новую «экономику кликов»: «У нас есть Хэл Вэриан и у нас есть физики». Согласно статье Леви, посвященной «гуглономике», приводятся слова Шмидта о том, что именно проделанный Вэрианом ранний анализ рекламных аукционов фирмы и привел к моменту озарения, прояснившего истинную природу бизнеса Google: «Неожиданно мы поняли, что занимаемся аукционным бизнесом». В работе, на которую я ссылаюсь здесь, Вэриан часто иллюстрирует свои аргументы примерами из Google. При этом он то и дело говорит в первом лице, множественном числе, например: «Наши собственные эксперименты принесли Google такой успех, что мы сделали их доступными для наших рекламодателей и издателей в рамках двух программ». Поэтому кажется справедливым предположить, что взгляды Вэриана могут послужить важным источником для понимания предпосылок и целей, определяющих эту новую форму рынка.

¹²⁸ Hal R. Varian, “Computer Mediated Transactions,” *American Economic Review* 100, no. 2 (2010): 1–10; Varian, “Beyond Big Data”. Первая статья, вышедшая в 2010 г., представляет собой текст лекции Вэриана в память Ричарда Т. Эли. Вторая статья, как и лекция, посвящена опосредованным компьютерами транзакциям и во многом пересекается с материалом, содержащимся в лекции.

¹²⁹ Varian, “Beyond Big Data,” 27.

и анализ данных», «новые формы договора, возможные благодаря лучшему мониторингу», «персонализация и кастомизация» и «постоянное экспериментирование».

Замечания Вэриана относительно этих новых «видов использования» оказываются неожиданно ценным пособием по странной логике надзорного капитализма, разделению знания, которое он формирует, и характеру информационной цивилизации, к которой он ведет. В ходе нашего исследования основ надзорного капитализма мы время от времени будем возвращаться к наблюдениям Вэриана и пытаться «разобрать устройство» его утверждений, чтобы лучше постичь мировоззрение и методы надзорного капитализма изнутри, его собственными глазами. «Когда все говорят о больших данных, – пишет Вэриан, – то, они говорят про извлечение и анализ этих данных». «Данные» – это сырье, необходимое надзорному капитализму для его новых производственных процессов. «Извлечение» касается социальных отношений и материальной инфраструктуры, с помощью которых фирма заявляет о своих правах на это сырье, чтобы достичь эффекта масштаба в своей деятельности по поставке этого сырья.

«Анализ» относится к комплексу узкоспециализированных вычислительных систем, которые я обычно буду называть в этих главах «машинным интеллектом». Мне нравится этот общий термин, потому что он приучает нас видеть за деревьями лес, помогая перевести внимание с технологии на ее цели. Но, пользуясь этой фразой, я также следую примеру Google. Компания заявляет, что находится «на переднем крае инноваций в области машинного интеллекта», термин, в который она включает, наряду с «классическим» производством по заданному алгоритму, машинное обучение, а также множественные вычислительные операции, которые часто называют другими словами, такими как «прогнозная аналитика» или «искусственный интеллект». Среди этих операций Google называет свою работу по языковому переводу, распознаванию речи, обработке изображений, ранжированию, статистическому моделированию и прогнозированию:

При выполнении всех этих и многих других задач мы собираем большие объемы прямой или косвенной информации, касающейся интересующих нас взаимосвязей, применяя алгоритмы обучения для их понимания и обобщения¹³⁰.

Эта работа машинного интеллекта превращает сырье в высокодоходные продукты фирмы – алгоритмы, предназначенные для прогнозирования поведения ее пользователей. Непроницаемость извне и эксклюзивность этих методов и операций – это ров, который окружает замок и обеспечивает его внутреннее функционирование.

Изобретение Google таргетированной рекламы открыло путь к финансовому успеху, но также заложило краеугольный камень более важной тенденции: изобретения и совершенствования надзорного капитализма. Его бизнес характеризуется как рекламная модель, и было много написано о методах автоматизированного аукциона Google и других аспектах его изобретений в области интернет-рекламы. Учитывая объем сказанного на эту тему, эти явления даже слишком хорошо описаны и одновременно недостаточно осмыслены теоретически. Наша цель в этой и последующих главах части I состоит в том, чтобы выявить «законы движения», которые определяют конкуренцию в сфере надзора, и для этого мы начинаем со свежего взгляда на исходную точку, когда были впервые обнаружены основополагающие механизмы надзорного капитализма.

Прежде чем мы начнем, я хочу сказать несколько слов о терминологии. Всякое столкновение с беспрецедентным требует нового языка, и, когда существующий язык не может охватить новое явление, я ввожу новые термины. Иногда, однако, я беру знакомые слова и намеренно использую их по-новому, потому что хочу подчеркнуть определенную преемственность

---

¹³⁰ “Machine Intelligence,” *Research at Google*, 2018, <https://web.archive.org/web/20180427114330/https://research.google.com/pubs/MachineIntelligence.html>.

в функционировании какого-то элемента или процесса. Так обстоит дело с «законами движения», под которыми обычно подразумеваются ньютоновские законы инерции, силы и закон равенства действия и противодействия.

За прошедшие годы историки приняли этот термин для описания «законов» промышленного капитализма. Например, экономический историк Эллен Мейксинс Вуд подробно описывает возникновение капитализма, показывая, как менялись отношения между английскими землевладельцами и крестьянами-арендаторами, когда собственники стали отдавать предпочтение производительности, а не принуждению:

Эта новая историческая динамика позволяет говорить об «аграрном капитализме» в Англии раннего Нового времени, социальной форме со своими особыми «законами движения», которые в конечном итоге породят капитализм в его зрелой, индустриальной форме¹³¹.

Вуд описывает, как впоследствии эти новые «законы движения» проявили себя в промышленном производстве:

Критическим фактором в отделении капитализма от всех других форм «коммерческого общества» было развитие определенных социальных отношений собственности, которые порождали рыночные императивы и капиталистические «законы движения» <...> с капитализмом связаны конкурентоспособное производство и максимизация прибыли, необходимость реинвестировать излишки и неустанная забота о повышении производительности труда <...> Эти «законы движения» потребовали глубочайших социальных преобразований и потрясений, чтобы прийти в действие. Они требовали преобразования метаболизма между человеком и природой, в том, как обеспечиваются важнейшие жизненные потребности¹³².

Я собираюсь показать здесь, что, хотя надзорный капитализм не отказывается от известных капиталистических «законов», таких как конкурентное производство, максимизация прибыли, производительности и роста, эта более ранняя динамика теперь работает в контексте новой логики накопления, которая вводит свои собственные особые «законы движения». В этой и следующих главах мы рассмотрим эту основополагающую динамику, в том числе специфические экономические императивы надзорного капитализма, определяемые извлечением данных и прогнозированием, его уникальный подход к экономии от масштаба и охвата в поставках сырья, всегда связанное с ним создание и совершенствование *способов изменения поведения*, которые инкорпорируют его основанные на машинном интеллекте «средства производства» в более сложную систему действий, и то, как требования изменения поведения ориентируют все операции на максимально полную информацию и максимально полный контроль, создавая основу для беспрецедентной *инструментарной власти* и ее социальных последствий. Пока же моя цель состоит в том, чтобы перевернуть наше отношение к знакомым событиям и явлениям, взглянув глазами на ранние дни оптимизма, кризиса и изобретательности Google.

II. Баланс сил

Google был зарегистрирован в 1998 году. Стэнфордские аспиранты Ларри Пейдж и Сергей Брин основали его всего два года спустя после того, как браузер Mosaic открыл всемирную паутину для компьютерной публики. С самого начала компания воплощала в себе обе-

---

¹³¹ Ellen Meiksins Wood, *The Origin of Capitalism: A Longer View* (London: Verso, 2002), 125.

¹³² Wood, *The Origin of Capitalism*, 76, 93.

щение информационного капитализма как освободительной и демократической социальной силы, которая вдохновляла и восхищала людей второго модерна по всему миру.

Благодаря такому масштабному подходу Google успешно внедрила компьютерное посредничество во множестве новых областей человеческого поведения, по мере того как люди пользовались поиском в интернете и строили свои взаимодействия с сетью с помощью растущего списка сервисов Google. Возникновение этих новых видов деятельности сопровождалось появлением совершенно новых источников данных. Например, в дополнение к ключевым словам, каждый поисковый запрос Google генерирует целый спектр побочных данных, таких как количество и последовательность поисковых терминов, конкретная формулировка запроса, орфография, пунктуация, паузы при наборе, последовательность кликов мышкой и географическое местоположение.

Вначале эти поведенческие побочные продукты хранились как попало и ни для чего не использовались. Первым человеком, который осознал чрезвычайную важность этих случайно сохранных данных для Google, часто называют Амита Пателя, молодого аспиранта Стэнфорда, проявлявшего особый интерес к «интеллектуальному анализу данных». Его работа с подобными журналами данных убедила его в том, что на основе неструктурированных сигналов, сопровождающих каждое онлайн-действие, можно выстроить подробный рассказ о каждом пользователе – его мыслях, чувствах, интересах. Эти данные, заключил он, представляют собой по сути «широкий датчик человеческого поведения» и могут быть незамедлительно использованы для реализации мечты одного из соучредителей, Ларри Пейджа, о Поиске как о всеобъемлющем искусственном интеллекте¹³³.

Инженеры Google вскоре поняли, что непрерывные потоки побочных поведенческих данных могут превратить поисковую систему в рекурсивную самообучаемую систему, которая постоянно улучшает результаты поиска и стимулирует инновации в виде таких продуктов, как проверка орфографии, перевод и распознавание голоса. Как заметил тогда Кеннет Кукье,

Другие поисковые системы 1990-х имели шанс сделать то же самое, но не воспользовались им. Около 2000 года в Yahoo! разглядели этот потенциал, но идея осталась идеей. Именно Google распознал золотой песок в пустой породе своих взаимодействий с пользователями и позаботился о том, чтобы собрать его <...> Google использует информацию, образующуюся как побочный продукт взаимодействия с пользователем, или «выхлоп данных», который автоматически перерабатывается для улучшения существующих услуг или создания совершенно новых продуктов¹³⁴.

То, что рассматривалось как отходы производства – «выхлоп данных», оседающий на серверах Google во время работы поискового «движка», – быстро было переосмыслено как критический элемент превращения поисковой системы Google в процесс непрерывного самообучения и самосовершенствования.

На этой ранней стадии развития Google петля обратной связи, связанная с улучшением ее функций поиска, создавала нужный баланс сил: поиску требовались люди, на которых он мог бы учиться, а людям требовался поиск, который позволял им учиться. Благодаря этому симбиозу алгоритмы Google обучались и выдавали всё более релевантные и полные результаты поиска. Чем больше запросов, тем больше обучения; чем больше обучения, тем более релевантны результаты. Больше актуальности – больше поисков и больше пользователей¹³⁵. К тому времени, когда молодая компания провела свою первую пресс-конференцию в 1999 году,

---

¹³³ Levy, *In the Plex*, 46; Jennifer Lee, "Postcards from Planet Google," *New York Times*, November 28, 2002, <http://www.nytimes.com/2002/11/28/technology/circuits/28goog.html>.

¹³⁴ Kenneth Cukier, "Data, Data Everywhere," *Economist*, February 25, 2010, <http://www.economist.com/node/15557443>.

¹³⁵ Levy, *In the Plex*, 46–48.

чтобы объявить о покупке акций компании на 25 миллионов долларов со стороны двух наиболее уважаемых фирм венчурного капитала Кремниевой долины, Sequoia Capital и Kleiner Perkins, поиск Google уже обрабатывал по семь миллионов запросов в день¹³⁶. Несколько лет спустя Хэл Вэриан, который в 2002 году пришел в Google в качестве главного экономиста, заметит:

Каждое действие, которое выполняет пользователь, считается сигналом, который нужно проанализировать и передать обратно системе¹³⁷.

Алгоритм Page Rank, названный в честь его основателя, уже давал Google значительное преимущество в определении наиболее популярных результатов для поисковой выдачи. Но в течение следующих нескольких лет именно сбор, хранение, анализ и изучение побочных продуктов этих поисковых запросов превратят Google в золотой стандарт веб-поиска.

Здесь необходимо понимать одно важное отличие. В этот ранний период поведенческие данные работали на благо пользователя. Пользовательские данные бесплатно создавали ценность, и эта ценность реинвестировалась в пользовательский опыт в виде совершенствования качества услуг – улучшения, которые пользователи тоже получали бесплатно. Пользователи предоставляли сырье в форме поведенческих данных, и эти данные собирались для повышения скорости, точности и актуальности, а также для создания дополнительных продуктов, таких как перевод. Я называю это *циклом реинвестирования поведенческой стоимости (или ценности)*, в котором все поведенческие данные реинвестируются в улучшение продукта или услуги (рис. 1).

Этот цикл повторяет логику iPod; в Google он работал прекрасно, но с одним важным отличием: отсутствием устойчивых рыночных транзакций. В случае с iPod цикл запускался покупкой высокоприбыльного материального продукта. Последующие взаимодействия улучшали iPod и вели к росту продаж этого продукта. Клиенты были субъектами коммерческого процесса, который стремился подстроиться под их запросы и дать «то, что я хочу, когда хочу и где хочу». В Google цикл был подобным же образом ориентирован на индивида как на свой субъект, но без материального продукта, который можно было продать, он парил над рынком, представляя собой взаимодействие с «пользователями», а не рыночные транзакции с клиентами.

---

¹³⁶ “Google Receives \$25 Million in Equity Funding,” *Google News*, July 7, 1999, <http://googlepress.blogspot.com/1999/06/google-receives-25-million-inequity.html>.

¹³⁷ Hal R. Varian, “Big Data: New Tricks for Econometrics,” *Journal of Economic Perspectives* 28, no. 2 (2014): 113.

Цикл реинвестирования поведенческой стоимости

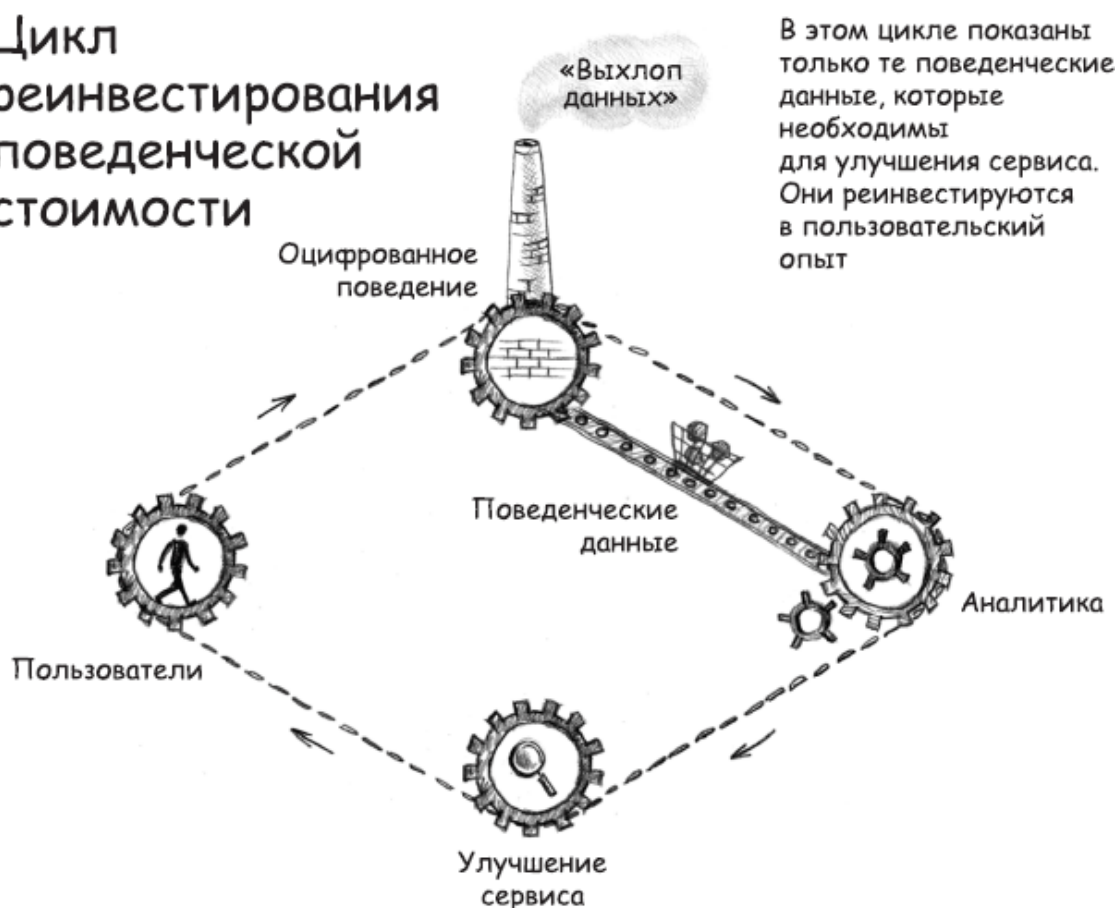

РИС. 1. Цикл реинвестирования поведенческой стоимости

Это помогает объяснить, почему не следует думать о пользователях Google как о его клиентах: в его случае нет никакого экономического обмена, цены и прибыли. Не играют пользователи и роль наемных работников. Когда капиталист нанимает рабочих и обеспечивает их заработной платой и средствами производства, то продукты, которые они производят, принадлежат капиталисту, который может их продать и получить прибыль. Здесь дело обстоит не так. Пользователям не платят за их труд, и им не предоставляют средства производства (мы подробнее обсудим это позже в этой главе). Наконец, часто говорят, что пользователь является «продуктом». Это тоже неверно, и к этому вопросу мы вернемся еще не раз. Пока достаточно сказать, что пользователи – мы с вами – не продукты, а источники сырья. Как мы увидим, свои необычные продукты надзорный капитализм умудряется извлекать из нашего поведения, оставаясь безразличным к нашему поведению. Его продукты предназначены для связанных с нами предсказаний, но им все равно, что мы делаем и что с нами станет.

Подводя итог: на этом раннем этапе развития Google все то ценное, что пользователи поиска непреднамеренно отдавали компании, им же потом и возвращалось в виде улучшения услуг. В этом цикле реинвестирования предоставление пользователям потрясающих результатов поиска «съедало» всю ценность, которую создавали пользователи, предоставляя дополнительные поведенческие данные. Тот факт, что люди нуждались в Поиске не меньше, чем Поиск нуждался в людях, создавал равновесие сил между Google и его пользователями. С людьми обращались как с самоцелью, как с субъектами нерыночного, замкнутого цикла, который полностью соответствовал заявленной Google миссии «организовать информацию всего мира и сделать ее общедоступной и полезной».

Ш. Поиск капитализма: нетерпеливые деньги и чрезвычайное положение

К 1999 году, несмотря на весь блеск созданного Google нового мира доступных для поиска веб-страниц, несмотря на его растущие научно-исследовательские возможности и именитых инвесторов, никакого надежного способа превратить вложенные деньги в доходы не было. Цикл реинвестирования поведенческой стоимости привел к созданию превосходного поиска, но это был еще не капитализм. Из-за баланса сил, взимать с пользователей плату за поисковые услуги было финансово рискованным и, возможно, контрпродуктивным. Продажа результатов поиска также создала бы для компании опасный прецедент, назначив цену за индексированную информацию, которую поисковый робот Google уже собрал бесплатно у других. Без такого устройства, как iPod, или доступной для него цифровой музыки не было прибыли, не было излишка, не оставалось ничего такого, что можно было бы продать и превратить в источник дохода.

Реклама в Google была далеко не в почете: команда AdWords состояла из семи человек, большинство из которых разделяли неприязненное отношение учредителей к рекламе. Тон задали Сергей Брин и Ларри Пейдж в эпохальном докладе «Анатомия крупномасштабной гипертекстовой поисковой системы в интернете» на конференции World Wide Web 1998 года, в котором они представили свою концепцию поисковой системы:

Мы ожидаем, что поисковые системы, финансируемые за счет рекламы, будут неизбежно предвзяты в пользу рекламодателей и в ущерб нуждам потребителей. Этот тип предвзятости очень трудно обнаружить, но он все же может оказать существенное влияние на рынок <...> мы считаем, что проблема рекламы создает слишком много смешанных стимулов, поэтому крайне важно иметь конкурентную поисковую систему, которая была бы прозрачной и соответствовала академическим стандартам¹³⁸.

Но свою первую прибыль Google начал получать, предоставляя исключительные лицензии на использование веб-сервисов таким порталам, как Yahoo! и японскому BIGLOBE¹³⁹. Небольшую прибыль приносили и спонсирование рекламных объявлений, связанных с ключевыми словами поискового запроса¹⁴⁰. Существовали и другие модели. Соперничающие с Google поисковые системы, такие как Overture, используемая только гигантским тогда порталом AOL, или Inktomi, поисковая система, принятая Microsoft, брали плату с сайтов, страницы которых они индексировали. Overture также преуспела в привлечении онлайн-рекламы благодаря тому, что позволяла рекламодателям оплачивать высокие места в списке результатов поиска – тот самый формат, который презирали Брин и Пейдж¹⁴¹.

Известные аналитики публично сомневались в том, сможет ли Google конкурировать с более устоявшимися конкурентами. Как вопрошала газета New York Times: «Способен ли Google создать бизнес-модель, которая была бы так же хороша, как хороши его технологии?»¹⁴²

---

¹³⁸ Sergey Brin and Lawrence Page, "The Anatomy of a Large-Scale Hypertextual Web Search Engine," *Computer Networks and ISDN Systems* 30, nos. 1–7 (1998): 18.

¹³⁹ "NEC Selects Google to Provide Search Services on Japan's Leading BIGLOBE Portal Site," *Google Press*, December 18, 2000, <http://googlepress.blogspot.com/2000/12/nec-selects-google-to-provide-search.html>; "Yahoo! Selects Google as Its Default Search Engine Provider," *Google Press*, June 26, 2000, <http://googlepress.blogspot.com/2000/06/yahoo-selects-google-as-its-default.html>.

¹⁴⁰ Wood, *The Origin of Capitalism*, 125. Уже возникали конфликты между служением интересам растущей пользовательской базы и нуждами этих порталов.

¹⁴¹ Scarlet Pruitt, "Search Engines Sued Over 'Pay-for-Placement,'" *CNN.com*, February 4, 2002, <http://edition.cnn.com/2002/TECH/internet/02/04/search.engine.lawsuit.idg/index.html>.

¹⁴² Saul Hansell, "Google's Toughest Search Is for a Business Model," *New York Times*, April 8, 2002, <http://>

Известный аналитик из Forrester Research заявил, что у Google есть всего несколько способов заработать деньги с помощью поисковика: «создать портал [как Yahoo!] <...> создать партнерство с порталом <...> лицензировать технологию <...> ждать, пока его купит какая-нибудь крупная компания»¹⁴³.

Несмотря на эти опасения по поводу жизнеспособности Google, поддержка фирмы со стороны престижных венчурных фондов придавала основателям уверенность в их способности собрать деньги. Это резко изменилось в апреле 2000 года, когда легендарная экономика доткомов начала быстро погружаться в рецессию и райский сад Кремниевой долины неожиданно стал эпицентром финансового землетрясения.

К середине апреля, когда так называемый пузырь доткомов лопнул, привилегированная культура быстрых денег Кремниевой долины оказалась в осаде. Легко забыть, какими катастрофическими стали эти события для амбициозных молодых людей Долины, а также инвесторов, которые были не намного старше их. Стартапы, еще несколько месяцев назад стоившие баснословных денег, вдруг вынуждены были закрыться. В нашумевшей статье «Судьба стучится в дверь доткомов» отмечалось, что цены акций самых почитаемых на Уолл-стрит интернет-фирм «высокого полета» «лежат в нокдауне» и акции многих из них торгуются ниже цены первоначального размещения: «Пока многие доткомы в упадке, ни венчурные капиталисты, ни Уолл-стрит не горят желанием помочь...»¹⁴⁴. В новостях только и говорили о шокированных инвесторах. На неделе, начавшейся 10 апреля, произошло самое глубокое падение в истории NASDAQ, где торговались многие интернет-компании, и мнения все больше сходились на том, что «игра» изменилась необратимо¹⁴⁵.

По мере того как деловая среда Кремниевой долины расплзлась по швам, перспективы инвесторов вернуть вложенные средства, продав Google какой-либо крупной компании, стали казаться гораздо менее радужными и их тоже захлестнула нарастающая волна паники. Многие инвесторы Google начали выражать сомнения по поводу перспектив компании, и некоторые начали грозиться, что прекратят ее поддерживать. Давление на компанию, с тем чтобы она стала приносить прибыль, резко усилилось, несмотря на то что Google Search считался лучшей поисковой системой, трафик на его сайт стремительно рос, а почта приносила в офис компании в Mountain View по тысяче резюме в день. Считалось, что Пейдж и Брин слишком медлят, и их ведущие венчурные капиталисты, Джон Доерр из Kleiner Perkins и Майкл Мориц из Sequoia, были крайне недовольны¹⁴⁶. По словам летописца Google Стивена Леви,

Венчурные капиталисты рвали и метали. Для технологического сектора медовый месяц закончился, и не было уверенности, что Google не постигнет судьба очередного букета, выброшенного на помойку¹⁴⁷.

Специфика венчурного финансирования Кремниевой долины, особенно в годы, когда пузырь стартапов начал раздуваться до опасных размеров, также подпитывала в Google ощущение необходимости неотложных действий. Как выяснили в своем исследовании венчурных компаний в Долине социолог из Стэнфорда Марк Грановеттер и его коллега Мишель Феррари,

---

www.nytimes.com/2002/04/08/business/googles-toughest-search-is-for-a-business-model.html.

¹⁴³ Elliot Zaret, "Can Google's Search Engine Find Profits?" *ZDNet*, June 14, 1999, <http://www.zdnet.com/article/can-googles-searchengine-find-profits>.

¹⁴⁴ John Greenwald, "Doom Stalks the Dotcoms," *Time*, April 17, 2000.

¹⁴⁵ Alex Berenson and Patrick McGeehan, "Amid the Stock Market's Losses, a Sense the Game Has Changed," *New York Times*, April 16, 2000, <http://www.nytimes.com/2000/04/16/business/amid-the-stock-market-s-losses-a-sense-the-game-has-changed.html>; Laura Holson and Saul Hansell, "The Maniac Markets: The Making of a Market Bubble," *New York Times*, April 23, 2000.

¹⁴⁶ Ken Auletta, *Googled: The End of the World as We Know It* (New York: Penguin, 2010).

¹⁴⁷ Levy, *In the Plex*, 83.

Связь с венчурной фирмой с высоким статусом сигнализирует о высоком статусе стартапа и побуждает других агентов устанавливать связи с ним¹⁴⁸.

Все это кажется сегодня очевидным, но будет полезно хорошо запомнить тревожную атмосферу тех месяцев внезапного кризиса. Престижное венчурное инвестирование действовало как форма отбора – во многом напоминая систему приема в лучшие университеты, которая сортирует и легитимирует студентов, возвышая избранных на фоне всех остальных – особенно в «непредсказуемой» среде, характерной для инвестиций в высокие технологии. Утрата способности сигнализировать о своем высоком статусе ставила молодую компанию в длинный ряд неудачников в стремительно развивающейся саге Кремниевой долины.

Результаты других исследований указывают на роль нетерпеливых денег, которые наводнили долину, когда чрезмерная шумиха привлекла спекулянтов и усилила волатильность венчурного финансирования¹⁴⁹. Исследования инвестиционных моделей до образования пузыря выявили ментальность «игры по крупному», когда плохие результаты часто только стимулировали рост инвестиций, поскольку спонсоры цеплялись за веру в то, что какая-нибудь молодая компания внезапно обнаружит ту самую неуловимую бизнес-модель, которой суждено будет превратить все их ставки в реки золота¹⁵⁰. Уровень «смертности» стартапов в Кремниевой долине превосходил этот показатель в других венчурных центрах, таких как Бостон и Вашингтон, когда нетерпеливые деньги приводили к немногим крупным выигрышам на фоне многочисленных потерь¹⁵¹. Нетерпеливые деньги также отразились на размерах стартапов Кремниевой долины, которые в этот период были значительно меньше, чем в других регионах, поскольку в них было занято в среднем по 68 сотрудников по сравнению со 112 в остальной части страны¹⁵². Это было следствием желания получить быструю отдачу, не тратя много времени на выращивание бизнеса или на усиление базы его талантов, не говоря уже о развитии институциональных возможностей, как посоветовал бы Йозеф Шумпетер. Эти тенденции усугублялись культурой Кремниевой долины в целом, в которой чистая стоимость активов превозносилась как единственное мерило успеха и для «родителей» Долины, и для их «деток»¹⁵³.

Несмотря на весь свой гений и принципы, Брин и Пейдж не могли не ощущать, что ситуация была близка к критической. К декабрю 2000 года *Wall Street Journal* сообщил о новой «мантре», исходящей из инвестиционного сообщества Кремниевой долины:

Просто продемонстрировать способность заработать деньги – недостаточно, чтобы остаться важным игроком в ближайшие годы. Необходимо быть способным показывать устойчивую и экспоненциально растущую прибыль¹⁵⁴.

---

¹⁴⁸ Michel Ferrary and Mark Granovetter, “The Role of Venture Capital Firms in Silicon Valley’s Complex Innovation Network,” *Economy and Society* 38, no. 2 (2009): 347–348, <https://doi.org/10.1080/03085140902786827>.

¹⁴⁹ Dave Valliere and Rein Peterson, “Inflating the Bubble: Examining Dot-Com Investor Behaviour,” *Venture Capital* 6, no. 1 (2004): 1–22.

¹⁵⁰ Valliere and Peterson, “Inflating the Bubble,” 17–18. См. также: Udayan Gupta, ed., *Done Deals: Venture Capitalists Tell Their Stories* (Boston: Harvard Business School Press, 2000), 170–171, 190. Junfu Zhang, “Access to Venture Capital and the Performance of Venture-Backed Startups in Silicon Valley,” *Economic Development Quarterly* 21, no. 2 (2007): 124–147.

¹⁵¹ Среди первого поколения интернет-стартапов Кремниевой долины, получивших венчурную поддержку, 12,5 % осуществили первичное размещение акций в конце 2001 г., в сравнении с 7,3 % в остальной части страны, и в то же время только 4,2 % стартапов Долины вышли на прибыль, что существенно меньше, чем в остальной части страны.

¹⁵² Zhang, “Access to Venture Capital”, 124–147.

¹⁵³ Patricia Leigh Brown, “Teaching Johnny Values Where Money Is King,” *New York Times*, March 10, 2000, <http://www.nytimes.com/2000/03/10/us/teaching-johnny-values-where-money-is-king.html>.

¹⁵⁴ Kara Swisher, “Dot-Com Bubble Has Burst; Will Things Worsen in 2001?” *Wall Street Journal*, December 19, 2000, <http://www.wsj.com/articles/SB97709118336535099>.

IV. Открытие поведенческого излишка

Объявление чрезвычайного положения в политике служит прикрытием для приостановления верховенства закона и введения новых полномочий исполнительной власти, оправданных кризисом¹⁵⁵. В Google в конце 2000 года оно стало предлогом для аннулирования отношений взаимности, существовавших между Google и его пользователями, вынудив основателей компании отказаться от своего страстного и публичного неприятия рекламы. В качестве конкретного ответа на беспокойство инвесторов основатели поставили перед крошечной командой AdWords задачу найти способы зарабатывать больше денег¹⁵⁶. Пейдж потребовал упростить для рекламодателей весь процесс. В этом новом подходе он настаивал на том, чтобы рекламодатели «даже не связывались с выбором ключевых слов – пусть Google сам их выбирает»¹⁵⁷.

С практической точки зрения это означало, что Google перенаправит свой собственный растущий кэш поведенческих данных, а также свои вычислительные возможности и опыт на выполнение одной-единственной задачи: сопоставления рекламных объявлений с поисковыми запросами. Чтобы легитимировать этот необычный ход, в дело пошла новая риторика. Если уж реклама неизбежна, то она должна быть «релевантной» для пользователей. Объявления больше не будут привязываться к ключевым словам в поисковом запросе, вместо этого каждое конкретное объявление будет «таргетировано» на конкретного человека. Добыть этот Священный Грааль рекламы – значит обеспечить актуальность для пользователей и прибыль для рекламодателей.

Новая риторика умалчивала о том, что для достижения этой новой цели Google надо будет вступить на нехоженую территорию, начав использовать конфиденциальную информацию, которую можно узнать только из его эксклюзивных и детальных побочных поведенческих данных миллионов, а позже и миллиардов пользователей. Для достижения новой цели цикл реинвестирования поведенческой стоимости был спешно и тайно подчинен более масштабному и более сложному начинанию. Сырье, которое прежде использовалось исключительно для улучшения качества результатов поиска, теперь будет также поставлено на службу таргетирования рекламы на конкретных пользователей. Часть данных будет по-прежнему применяться для улучшения обслуживания, но растущие запасы «сопутствующей» информации будут перенацелены на повышение рентабельности рекламы как для Google, так и для ее рекламодателей. Эти поведенческие данные, доступные для использования *не только* для улучшения обслуживания, образовывали излишек, и именно благодаря этому *поведенческому излишку* молодая компания найдет свой путь к «устойчивой и экспоненциально растущей прибыли», которая будет необходима для выживания. Благодаря восприятию ситуации как чрезвычайной, новая мутация начала обретать форму и потихоньку отходить от неявного, ориентированного на интересы пользователей общественного договора, характерного для первоначальных отношений фирмы с пользователями.

Объявленное в Google чрезвычайное положение стало фоном для всего ставшего переломным 2002 года, в течение которого надзорный капитализм пустил первые корни. Осознание фирмой важности поведенческого излишка перешагнуло еще один рубеж в апреле того года, когда однажды утром команда, ответственная за журналы данных, собравшись в офисе, обнаружила, что в верхнюю часть поисковых запросов попала странная фраза: «девичья фамилия Кэрол Брейди». С чего бы такой внезапный интерес к телевизионному персонажу 1970-

---

¹⁵⁵ S. Humphreys, "Legalizing Lawlessness: On Giorgio Agamben's State of Exception," *European Journal of International Law* 17, no. 3 (2006): 677–687, <https://doi.org/10.1093/ejil/chl020>.

¹⁵⁶ Levy, *In the Plex*, 83–85.

¹⁵⁷ *Ibid.*, 86–87 (выделено мной. – Ш. З.).

х? Специалист по данным и член команды, работающей с историей поисковых запросов, Амит Пател рассказывал об этом событии газете *New York Times*: «Вы не можете интерпретировать это, если не знаете, что еще происходит в мире»¹⁵⁸.

Команда принялась за работу, чтобы решить эту головоломку. Во-первых, она обнаружила, что волна запросов образовала пять отчетливых всплесков, каждый из которых начинался на сорок восьмой минуте часа. Затем они поняли, что запрос появлялся во время трансляции популярного телешоу «Кто хочет стать миллионером?» Всплески соответствовали разным часовым поясам, в которых последовательно транслировалось шоу, заканчивая Гавайями. В каждом часовом поясе ведущий шоу задавал вопрос о девичьей фамилии Кэрол Брейди, и тут же в каждом поясе на серверы Google обрушивалась волна соответствующих запросов.

Как сообщила газета *New York Times*: «Временная точность данных по Кэрол Брейди некоторым просто открыла глаза». Даже Брин был ошеломлен очевидной прогнозной силой поисковика, выявляющего события и тенденции до того, как они «попали на радар» традиционных СМИ. Как он сказал *New York Times*: «Это все равно что впервые взглянуть в электронный микроскоп. Все равно что иметь мгновенный барометр»¹⁵⁹. Газета утверждала, что руководство Google не хотело делиться своими мыслями о том, как эти огромные запасы данных по запросам могут быть коммерциализованы. «С этими данными появляются огромные возможности», – признался один из руководителей¹⁶⁰.

За месяц до истории с Кэрол Брейди, когда команда AdWords уже работала над новыми подходами, Брин и Пейдж наняли в качестве председателя совета директоров Эрика Шмидта, опытного управленца, инженера и доктора компьютерных наук. К августу они назначили его на должность генерального директора. Дюерр и Мориц уже подталкивали учредителей нанять профессионального менеджера, который знал бы, как направить компанию на получение прибыли¹⁶¹. Шмидт немедленно внедрил программу «затягивания поясов», пересмотрев бюджет и усилив общее чувство финансовой тревоги, поскольку перспективы получения новых фондов оказались под угрозой. В результате уплотнения офисных пространств неожиданно оказалось, что ему предстоит делить свой кабинет не с кем иным, как с Амитом Пателем.

Позже Шмидт хвастался, что в результате их тесных контактов в течение нескольких месяцев он имел мгновенный доступ к более точным цифрам доходов, чем его собственные финансовые плановики¹⁶². Мы не знаем (и, возможно, никогда не узнаем), какие другие идеи Пателя о прогнозной силе запасов поведенческих данных Google мог подхватить Шмидт, но нет никаких сомнений в том, что более глубокое понимание прогнозной силы данных быстро сформировало специфический ответ Google на финансовую ситуацию, вызвав к жизни ключевую мутацию, которая в конечном итоге повернула AdWords, Google, интернет и саму природу информационного капитализма к паразитично прибыльному проекту надзора.

Самые ранние рекламные объявления Google считались более эффективными, чем большинство тогдашней интернет-рекламы, поскольку они были привязаны к поисковым запросам, и кроме того Google мог отслеживать, когда пользователи действительно кликали по рекламной ссылке (количество таких кликов стало известно как «показатель кликабельности», *click-through rate*, CTR). Несмотря на это, рекламодателям выставляли счета по традиционной схеме, в зависимости от того, сколько человек видело рекламу. По мере расширения поиска Google создал систему самообслуживания под названием AdWords, в рамках которой в результаты поиска, использующего ключевое слово рекламодателя, включалось текстовое поле этого

---

¹⁵⁸ Lee, "Postcards".

¹⁵⁹ Ibid.

¹⁶⁰ Ibid.

¹⁶¹ Auletta, *Googled*.

¹⁶² John Markoff and G. Pascal Zachary, "In Searching the Web, Google Finds Riches," *New York Times*, April 13, 2003, <http://www.nytimes.com/2003/04/13/business/in-searching-the-web-google-finds-riches.html>.

рекламодателя и ссылка на нужную ему страницу. Цена объявления зависела от позиции объявления на странице результатов поиска.

Конкурирующий поисковый стартап Overture разработал систему онлайн-аукционов для размещения объявлений на веб-странице, которая позволила ему масштабировать онлайн-рекламу, ориентированную на ключевые слова. Google создаст революционное усовершенствование этой модели, которому суждено изменить курс информационного капитализма. Как объяснял в 2006 году один из журналистов агентства Bloomberg,

Google максимизирует доход, который он получает от этой драгоценной площади, предоставляя самые лучшие места на странице тому рекламодателю, который, скорее всего, в итоге заплатит Google больше всех, на основе цены за клик, *умноженной на оценку Google вероятности того, что кто-то действительно кликнет по объявлению*¹⁶³.

Этот ключевой множитель стал результатом передовых вычислительных возможностей Google, обученных на его наиболее значимом и секретном открытии – поведенческом излишке. С этого момента сочетание постоянно растущего машинного интеллекта и все более обширных запасов поведенческого излишка станет основой беспрецедентной логики накопления. Приоритеты Google в области реинвестирования сместятся с простого улучшения того, что получал пользователь, на создание и институционализацию наиболее далеко идущих и технологически продвинутых операций по поставкам сырья, которые когда-либо видел мир. Отныне доходы и рост будут зависеть от роста поведенческого излишка.

Многочисленные патенты Google, полученные им в те ранние годы, иллюстрируют этот взрыв новаторства, изобретательности и сложности, вызванный чрезвычайным положением и решимостью фирмы развивать эксплуатацию поведенческого излишка¹⁶⁴. Я сосредоточусь здесь только на одном патенте, заявка на который была подана в 2003 году тремя ведущими компьютерными специалистами фирмы, озаглавленном «Генерирование информации о пользователях для использования в таргетированной рекламе»¹⁶⁵. Патент очень символичен для новой мутации и рождающейся логики накопления, которая будет определять успех Google. Что еще интереснее, он также позволяет лучше увидеть «экономическую ориентацию», глупо укутанную в технологические одежды, отражая образ мышления лучших специалистов

---

¹⁶³ Peter Coy, "The Secret to Google's Success," *Bloomberg.com*, March 6, 2006, <http://www.bloomberg.com/news/articles/2006-03-05/the-secret-to-googles-success> (выделено мной. – Ш. З.).

¹⁶⁴ См., например, следующую подборку типичных заявок на патенты, поданных Google примерно в этот период: Krishna Bharat, Stephen Lawrence, and Mehran Sahami, Generating user information for use in targeted advertising, US9235849 B2, filed December 31, 2003, and issued January 12, 2016, <http://www.google.com/patents/US9235849>; Jacob Samuels Burnim, System and method for targeting advertisements or other information using user geographical information, US7949714 B1, filed December 5, 2005, and issued May 24, 2011, <http://www.google.com/patents/US7949714>; Alexander P. Carobus et al., Content-targeted advertising using collected user behavior data, US20140337128 A1, filed July 25, 2014, and issued November 13, 2014, <http://www.google.com/patents/US20140337128>; Jeffrey Dean, Georges Harik, and Paul Buchheit, Methods and apparatus for serving relevant advertisements, US20040059708 A1, filed December 6, 2002, and issued March 25, 2004, <http://www.google.com/patents/US20040059708>; Jeffrey Dean, Georges Harik, and Paul Buchheit, Serving advertisements using information associated with e-mail, US20040059712 A1, filed June 2, 2003, and issued March 25, 2004, <http://www.google.com/patents/US20040059712>; Andrew Fikes, Ross Koningstein, and John Bauer, System and method for automatically targeting web-based advertisements, US8041601 B2, issued October 18, 2011, <http://www.google.com/patents/US8041601>; Georges R. Harik, Generating information for online advertisements from internet data and traditional media data, US8438154 B2, filed September 29, 2003, and issued May 7, 2013, <http://www.google.com/patents/US8438154>; Georges R. Harik, Serving advertisements using a search of advertiser web information, US7647299 B2, filed June 30, 2003, and issued January 12, 2010, <http://www.google.com/patents/US7647299>; Rob Kniaz, Abhinay Sharma, and Kai Chen, Syndicated trackable ad content, US7996777 B2, issued August 9, 2011, <http://www.google.com/patents/US7996777>; Method of delivery, targeting, and measuring advertising over networks, USRE44724 E1, filed May 24, 2000, and issued January 21, 2014, <http://www.google.com/patents/USRE44724>.

¹⁶⁵ Методы и технологии, описанные в этом патенте (Generating user information for use in targeted advertising), изобрели трое выдающихся компьютерных ученых – Кришна Бхагат, Стивен Лоуренс и Мехам Сахами.

Google, поставивших свои знания на службу новых целей фирмы¹⁶⁶. В этом смысле патент представляет собой трактат по новой политической экономике кликов и ее моральной вселенной, созданный еще до того как компания научилась маскировать этот проект туманом эвфемизмов.

Патент позволяет увидеть разворот закулисных операций Google лицом к новой аудитории его настоящих клиентов. «Данное изобретение касается рекламы», – заявляют изобретатели. Несмотря на огромное количество демографических данных, доступных рекламодателям, ученые отмечают, что значительная часть рекламного бюджета «просто теряется <...> выявлять и устранять такие потери очень трудно»¹⁶⁷.

Реклама всегда была игрой в догадки: искусством, отношениями с людьми, набором трюизмов, сложившейся практикой, но никак не «наукой». Идея о возможности донесения конкретного послания до конкретного человека в тот самый момент, когда оно может с высокой вероятностью повлиять на его или ее поведение, всегда была Священным Граалем рекламы. Авторы изобретения отмечают, что системы онлайн-рекламы также не смогли достичь этой неуловимой цели. Преобладавшие подходы, используемые конкурентами Google, когда рекламные объявления привязывались к ключевым словам или контенту, не могли определить рекламу, которая будет релевантна «для *конкретного* пользователя». Теперь изобретатели предложили научное решение, которое превзошло самые смелые мечты любого рекламщика:

Необходимо повысить релевантность объявлений, показываемых по какому-либо запросу пользователя, такому как поисковый запрос или запрос документа <...> для пользователя, который отправил запрос <...> Настоящее изобретение может включать в себя новые способы, механизмы, форматы сообщений и/или структур данных для создания профиля пользователя и использования созданного таким способом профиля пользователя для показа рекламы¹⁶⁸.

Другими словами, Google больше не будет анализировать поведенческие данные исключительно для улучшения обслуживания пользователей, а вместо этого будет читать мысли пользователей в целях сопоставления рекламы их интересам, как эти интересы выводятся из побочных следов поведения в интернете. Благодаря уникальному доступу Google к поведенческим данным теперь стало возможным узнать, о чем думал, что чувствовал и делал *конкретный* человек в конкретное время и в конкретном месте. То, что это нас больше не ошарашивает и даже не кажется заслуживающим внимания, свидетельствует о глубоком психическом онемении, которое позволило нам привыкнуть к смелому и беспрецедентному изменению капиталистических методов.

Методы, описанные в патенте, означали, что каждый раз, когда пользователь запрашивает поисковую систему Google, система одновременно представляет ему конкретную конфигурацию конкретного объявления, причем всего за те доли секунды, которые необходимы для выполнения самого поискового запроса. Данные, используемые для выполнения этого мгновенного перевода из запроса в объявление, и прогнозирующий анализ, который окрестили «поиском соответствий», или «мэтчингом», выходили далеко за рамки значения поисковых терминов. Компилировались новые наборы данных, которые значительно повышали точность этих прогнозов. Эти наборы данных были названы «сведениями о профиле пользователя» (user profile information, UPI). Эти новые данные означали, что догадки больше не нужны и что

---

¹⁶⁶ Bharat, Lawrence, and Sahami, Generating user information.

¹⁶⁷ Ibid., 11.

¹⁶⁸ Ibid., 11–12.

гораздо меньшая часть рекламного бюджета будет тратиться впустую. На смену догадкам придет математическая точность.

Откуда будет браться UPI? Ученые заявляют о прорыве. Сначала они объясняют, что часть данных может быть взята из существующих систем фирмы с ее постоянно накапливающимися кэшами поведенческих данных из поиска. Затем они подчеркивают, что еще больше данных о поведении можно выследить и собрать в любой точке онлайн мира. UPI, пишут они, «могут быть получены в результате *вероятностных умозаключений*», «*допущений*» и «*логических выводов*». Их новые методы и вычислительные инструменты могут создавать UPI на основе интеграции и анализа пользовательских моделей поиска, запросов документов и множества других следов поведения в интернете, даже когда пользователи не предоставляют эту личную информацию напрямую:

Сведения о профиле пользователя могут включать в себя любую информацию об отдельном пользователе или группе пользователей. Такая информация может быть предоставлена пользователем, предоставлена третьей стороной, уполномоченной раскрывать пользовательскую информацию, *и/или выведена из действий пользователя*. Определенные сведения о пользователе можно вывести логически или предположить на основе других сведений об этом же пользователе *и/или сведений из профилей других пользователей*. UPI может быть связана с различными объектами¹⁶⁹.

Изобретатели объясняют, что UPI могут быть выведены непосредственно из действий пользователя или группы, из любого вида документа, который просматривает пользователь, или из рекламной страницы, на которую он перешел: «Например, реклама скрининга на рак простаты может быть ограничена профилями пользователей, имеющими атрибуты „мужчина“ и „возраст 45 лет и старше“»¹⁷⁰. Они описывают различные способы получения UPI. Один способ строится на «машиннообучаемых классификаторах», которые могут предсказывать значения ряда атрибутов. Для выявления взаимосвязей между пользователями, документами, поисковыми запросами и веб-страницами создаются «диаграммы ассоциаций»; «могут генерироваться и ассоциации между различными пользователями»¹⁷¹. Авторы изобретения также отмечают, что их методы будут понятны только избранной касте специалистов по компьютерным наукам, которые занимаются аналитическими проблемами этой новой онлайн-вселенной:

Нижеследующее описание представлено с тем, чтобы дать возможность специалистам в данной области воплотить в жизнь данное изобретение и воспользоваться им <...> Специалистам в данной области будут очевидны различные модификации раскрытых нами способов реализации¹⁷².

Крайне важно для нашей истории замечание авторов заявки о том, что наиболее серьезные трения будут связаны не с техническими, а с *социальными* аспектами этих технологий. Трения возникнут, если пользователи намеренно откажутся предоставлять информацию, просто потому, что не хотят этого делать. «К сожалению, информация профиля пользователя не всегда доступна», предупреждают ученые. Пользователи не всегда станут «добровольно» предоставлять информацию, и «профиль пользователя может быть неполным <...> и, следовательно, не достаточно всесторонним *из соображений конфиденциальности* и т. п.»¹⁷³

---

¹⁶⁹ Ibid., 15 (выделено мной. – Ш. З.).

¹⁷⁰ Ibid.

¹⁷¹ Ibid., 18.

¹⁷² Ibid., 12.

¹⁷³ Ibid. (выделено мной. – Ш. З.).

Одна из явных целей патента состоит в том, чтобы заверить аудиторию, что осуществление пользователями прав на принятие решений в отношении их персональной информации не остановит ученых Google, несмотря на то что подобные права были неотъемлемой частью первоначального общественного договора между компанией и ее пользователями¹⁷⁴. Даже когда пользователи предоставляют сведения о профиле пользователя, предупреждают изобретатели, «они могут быть *преднамеренно* или *непреднамеренно* неточными, они могут устаревать <...> UPI пользователя <...> могут быть определены (или обновлены или дополнены), *даже когда сведения не передаются в систему в явном виде* <...> Первоначальные UPI могут включать намеренно введенные пользователем сведения о профиле, *хотя это и не обязательно*»¹⁷⁵.

Таким образом, ученые ясно дают понять, что они готовы – и что их изобретения способны – преодолеть трения, связанные с правами пользователей на принятие решений. Запатентованные Google методы позволяют ему отслеживать, собирать, расширять, конструировать и присваивать поведенческие излишки, включая данные, которые пользователи сознательно отказываются передавать. Непокорность пользователей не станет препятствием для экспроприации данных. Никакие моральные, правовые или социальные ограничения не мешают обнаружению, присвоению и анализу поведения других в коммерческих целях.

Авторы изобретения приводят примеры видов атрибутов, которые Google мог бы заполнять при составлении своих наборов данных UPI без ведома и согласия пользователей и в обход их явных намерений. К ним относятся список посещенных веб-сайтов, психографические данные, активность в интернете и информация о предыдущих рекламных объявлениях, которые пользователь просмотрел, выбрал и/или совершил покупки после их просмотра¹⁷⁶. Это длинный список, который сегодня, безусловно, стал еще длиннее.

В конце авторы патента упоминают еще одно препятствие для эффективного таргетирования. Даже когда сведения о пользователе существуют, говорят они, «рекламодатели могут оказаться не в состоянии использовать эту информацию для эффективного таргетирования рекламы»¹⁷⁷. Представленное в этом патенте изобретение, вместе с другими, с ним связанными, – способ публично заявить об уникальных преимуществах Google в области поиска, захвата и преобразования излишков в прогнозы, пригодные для точного таргетирования. Ни одна другая фирма не может сравниться с ним по широте доступа к поведенческому излишку, уровню научного и технического персонала, вычислительным мощностям или инфраструктуре хранения данных. В 2003 году только Google мог извлекать поведенческий излишек сразу из многих точек приложения человеческой деятельности и интегрировать каждую новую порцию этих данных в комплексные «структуры данных». С его передовыми достижениями в области компьютерных исследований Google находился в уникальном положении, чтобы преобразовать эти данные в прогнозы о том, кто и по какому объявлению щелкнет мышкой, и на этой основе предложить итоговый «поиск соответствий», и все это в мельчайшие доли секунды.

Говоря простым языком, изобретение Google открыло новые возможности для выводов о мыслях, чувствах, намерениях и интересах отдельных лиц и групп с помощью автоматизиро-

¹⁷⁴ Эмпирические исследования говорят о том, что, когда пользователи оценивают степень конфиденциальности, первостепенное значение они придают праву на принятие решений. См.: Laura Brandimarte, Alessandro Acquisti, and George Loewenstein, “Misplaced Confidences: Privacy and the Control Paradox,” *Social Psychological and Personality Science* 4, no. 3 (2010): 340–347.

¹⁷⁵ Bharat, Lawrence, and Sahami, *Generating user information*, 17 (выделено мной. – Ш. З.).

¹⁷⁶ *Ibid.*, 16–17. Список атрибутов включал в себя контент (например, словарный состав, ключевые слова и т. д.) посещенных пользователем веб-сайтов (или посещенных в течение определенного времени); демографическую информацию, географическую информацию, психографическую информацию, предыдущие пользовательские запросы (и/или связанную с ними информацию); информацию о рекламных объявлениях, которые пользователь в прошлом просмотрел, выбрал и/или после просмотра которых сделал покупки; информацию о документах (например текстовых файлах), просмотренных/запрошенных и/или измененных пользователем; интересы пользователя; действия в браузере; а также прошлое потребительское поведение.

¹⁷⁷ *Ibid.*, 13.

ванной архитектуры, которая действует как прозрачное с обратной стороны зеркало, независимо от осведомленности и согласия человека, тем самым создавая тайный привилегированный доступ к поведенческим данным.

Одностороннее зеркало воплощает специфические социальные отношения надзора, основанные на асимметрии знания и власти. Новый способ накопления, изобретенный в Google, имел своим источником, прежде всего, волю и способность фирмы навязывать своим пользователям эти социальные отношения. Воля была мобилизована тем, что учредители компании рассматривали как чрезвычайное положение; способность появилась благодаря ее фактическому успеху в использовании привилегированного доступа к поведенческому излишку с целью предсказания поведения отдельного человека прямо сейчас, чуть позже или в более отдаленном будущем. Полученная таким образом возможность заглянуть в будущее стала бы конкурентным преимуществом всемирно-исторического масштаба на новом рынке, где оцениваются, покупаются и продаются беспрюжные ставки на поведение конкретных лиц.

Google больше не будет пассивным получателем случайных данных, которые он может перерабатывать в интересах своих пользователей. Рассмотренный нами патент на таргетированную рекламу проливает свет на путь, который прошел Google от своих истоков, когда он отстаивал интересы пользователей, до установления надзора за пользователями как полноценной логики накопления. Само это изобретение раскрывает нам цепочку рассуждений, которая привела к тому, что цикл реинвестирования поведенческой стоимости был поставлен на службу нового коммерческого расчета. Поведенческие данные, стоимость которых ранее «уходила» на повышение качества поиска для пользователей, теперь стали основным – и при этом доступным исключительно Google – сырьем для создания динамичного рынка онлайн-рекламы. Теперь Google будет добывать больше поведенческих данных, чем нужно для обслуживания пользователей. Этот излишек, поведенческий излишек, был тем качественно новым и бесплатным ресурсом, который был перенаправлен с улучшения обслуживания на подлинный и очень прибыльный рыночный обмен.

Эти возможности были и остаются непостижимыми ни для кого, кроме узкой элиты специалистов по данным, среди которых представители Google – раса сверхлюдей. Они действуют скрытно и безразличны к социальным нормам или чьим бы то ни было притязаниям на самостоятельное принятие решений. Эти шаги создали основополагающие механизмы надзорного капитализма.

Чрезвычайное положение, объявленное основателями Google, превратило юного доктора Джекила в могучего и безжалостного мистера Хайда, полного решимости настичь добычу где угодно и когда угодно, не считаясь со свободно выбранными целями других людей. Новый Google игнорировал притязания на самоопределение и не признавал априорных ограничений на то, что он может найти и взять. Он отвергал моральное и юридическое содержание индивидуальных прав на принятие решений и переопределил эту ситуацию как технологический оппортунизм и одностороннюю власть. Этот новый Google заверяет своих подлинных клиентов, что сделает все возможное, чтобы превратить естественную неопределенность человеческого желания в научный факт. Этот Google – сверхдержава, которая устанавливает свои собственные ценности и преследует свои собственные цели, стоящие над и вне общественных договоров, которыми связаны остальные.

V. Излишек масштабируется

Были и другие новшества, которые помогли выдвинуть поведенческий излишек на первый план в коммерческой деятельности Google, например его инновации в ценообразовании. Первая новая метрика ценообразования была основана на «показателе кликабельности» (CTR), или на том, сколько раз пользователи кликнули по ссылке на веб-страницу

рекламодателя, вместо того чтобы брать за основу количество просмотров объявления. Кликабельность рассматривалась как верный признак релевантности для пользователя и, следовательно, как мера успешности таргетирования – операциональный результат, который строится на поведенческом излишке и отражает его ценность.

Эта новая ценовая политика создала постоянно растущий стимул для увеличения поведенческого излишка, чтобы постоянно повышать эффективность прогнозов. Более точные прогнозы напрямую вели к увеличению количества переходов и, следовательно, к выручке. Google научился новым способам проведения автоматических аукционов для таргетирования объявлений, которые дали возможность в короткие сроки наладить применение нового изобретения в больших масштабах, позволяя одновременно обслуживать сотни тысяч рекламодателей и проводить миллиарды (а позже и триллионы) аукционов. Уникальные методы и возможности аукциона Google привлекли немало внимания, что отвлекло наблюдателей от мыслей о том, что же именно продавалось на аукционе, – а это были *производные поведенческого излишка*. Показатели кликабельности институционализировали «потребительский» спрос на эти коммерческие прогнозы и, таким образом, определяли центральное значение *эффекта масштаба в операциях поставок поведенческого излишка*. Чтобы новую логику ждал успех, захват излишка должен был осуществляться автоматически и повсеместно и измеряться успехом торговли поведенческими фьючерсами.

В дополнение к аукционным ставкам самих рекламодателей цену объявления и его конкретную позицию на странице помогал определять другой ключевой показатель, названный показателем качества (quality score). Показатель качества частично зависел от показателя кликабельности и частично от результатов анализа поведенческого излишка. «Показатель кликабельности должен был что-то *предсказывать*», – настаивал один высокопоставленный менеджер, а для этого требовалась «вся информация о поисковом запросе, которая у нас была на тот момент»¹⁷⁸. Для создания эффективных прогнозов поведения пользователя, которые стали критериями для оценки актуальности рекламы, требовались колоссальные вычислительные мощности и передовые программы-алгоритмы. Объявления с высокими показателями должны продаваться по более низкой цене, чем объявления с низкими. Клиенты Google – рекламодатели – жаловались на то, что показатель качества был для них черным ящиком, и Google не собирался отказываться от этой политики. Тем не менее, когда клиенты подчинялись правилам игры и производили высокоэффективную рекламу, их показатели кликабельности подскакивали.

AdWords быстро стал настолько успешным, что вдохновил на значительное расширение логики надзора. Рекламодатели требовали больше кликов¹⁷⁹. Ответ заключался в том, чтобы расширить модель за пределы поисковых страниц Google и преобразовать весь интернет в огромную доску объявлений таргетированной рекламы Google. Это потребовало применения новоприобретенных навыков Google по «извлечению и анализу данных», как выразился Хэл Вэриан, к содержанию любой веб-страницы или к любому действию пользователя с использованием быстро растущих возможностей Google в области семантического анализа и искусственного интеллекта, чтобы эффективно «выжимать» из них смысл. Только тогда Google сможет точно оценить содержание страницы и то, как пользователи взаимодействуют с этим контентом. Эта «контентно ориентированная реклама», основанная на запатентованных Google методах, в итоге получила название AdSense. К 2004 году AdSense, по оценкам, вышел на миллион долларов в день, а к 2010 году приносил выручку, составляющую более 10 миллиардов долларов в год.

¹⁷⁸ Douglas Edwards, *I'm Feeling Lucky* (Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2011), 268.

¹⁷⁹ Levy, *In the Plex*, 101.

Налицо была беспрецедентная и прибыльная комбинация: поведенческий излишек, наука о данных, материальная инфраструктура, вычислительная мощь, алгоритмические системы и автоматизированные платформы. Эта конвергенция породила беспрецедентную «актуальность» и миллиарды аукционов. Показатели кликабельности взлетели до небес. Работа над AdWords и AdSense стала считаться не менее важной, чем работа с собственно поиском.

Когда показатель кликабельности закрепился в качестве идеальной меры актуальности рекламы, то поведенческий излишек был тем самым утвержден в качестве краеугольного камня нового вида торговли, который зависел от масштабного онлайн-надзора. Инсайдеры называли новую науку Google о поведенческом прогнозировании «физикой кликов»¹⁸⁰. Для овладения этой новой сферой требовалась особая порода физиков по кликам, которые обеспечили бы первенство Google в зарождающейся элите поведенческого прогнозирования. Значительный приток доходов привлек в фирму величайшие умы нашего времени, работающие в таких областях, как искусственный интеллект, статистика, машинное обучение, наука о данных и прогнозная аналитика, и объединил их усилия по предсказанию человеческого поведения, отражаемому показателями кликабельности: это был бизнес гадалки компьютерной эпохи. В качестве патриарха этого авангарда прорицателей и этой еще молодой науки фирма привлекла авторитетную фигуру в области информационной экономики и консультанта Google с 2001 года – избранным пастырем этой секты стал Хэл Вэриан.

Пейдж и Брин пошли на принятие рекламной модели неохотно, но, по мере того как накапливалось все больше свидетельств, что реклама может спасти компанию от кризиса, их отношение изменилось¹⁸¹. Спасение компании означало и спасение их самих от участи очередных умных парней, которые не смогли придумать, как сделать реальные деньги, мелких игроков в глубоко материальной и конкурентной культуре Кремниевой долины. Пейджа преследовал пример блестящего, но бедного ученого Николы Теслы, который умер, так ничего и не заработав на своих изобретениях. «Надо уметь что-то большее, чем просто изобретать то и сё», – размышлял Пейдж¹⁸². У Брина были свои вариации на эту тему: «По правде сказать, еще во времена бума доткомов я чувствовал себя дураком. У меня был интернет-стартап – но они были у всех. И как у всех, он не приносил прибыли»¹⁸³. Чрезвычайно серьезная угроза их финансовому и социальному статусу, похоже, пробудила в Пейдже и Брине инстинкт самосохранения, который потребовал чрезвычайных ответных мер¹⁸⁴. Ответом основателей Google на страх, парализовавший их сообщество, по сути, стало объявление «чрезвычайного положения», сопровождавшееся приостановкой действия тех ценностей и принципов, которые стояли у истоков Google и которыми руководствовалась корпорация в первые годы своего существования.

Позже Мориц из компании Sequoia вспоминал кризисные условия, которые спровоцировали «гениальное» переизобретение фирмой самой себя, когда кризис создал развилку на пути и повел компанию в совершенно новом направлении. Он подчеркивал специфичность изобретений Google, их связь с чрезвычайными обстоятельствами и поворот на 180 градусов от обслуживания пользователей к надзору за ними. Самое главное, он назвал ключевой, по его мнению, источник открытия поведенческого излишка как актива, меняющего правила игры, который превратил Google в гигантскую гадалку, указав на революционное преобразование

¹⁸⁰ Этот термин обсуждается в видеоинтервью с Эриком Шмидтом и его коллегой/соавтором Джонатаном Розенбергом. См.: Eric Schmidt and Jonathan Rosenberg, "How Google Works," interview by Computer History Museum, October 15, 2014, <https://youtu.be/3tNpYpcU5s4?t=3287>.

¹⁸¹ См., напр.: Edwards, *I'm Feeling Lucky*, 264–270.

¹⁸² См.: Levy, *In the Plex*, 13, 32, 35, 105–106; John Battelle, *The Search: How Google and Its Rivals Rewrote the Rules of Business and Transformed Our Culture* (New York: Portfolio, 2006), 65–66, 74, 82; Auletta, *Googled*.

¹⁸³ См.: Levy, *In the Plex*, 94.

¹⁸⁴ Humphreys, "Legalizing Lawlessness".

Google модели Overture, когда молодая компания впервые применила свою аналитику поведенческого излишка, чтобы предсказать вероятность клика:

Первые 12 месяцев Google были не из легких, потому что компания начинала не в том бизнесе, к которому она в конечном счете примкнула. Сначала она шла в другом направлении, а именно продавала свою технологию – продавала лицензии на свой поисковик более крупным интернет-ресурсам и корпорациям... Первые шесть-семь месяцев деньги улетали в трубу с устрашающей скоростью. И затем, совершенно гениально, Ларри <...> и Сергей <...> и другие стали присматриваться к модели, которую, они видели, развивает та другая компания, Overture, а именно ранжирование рекламы. Они увидели, как это можно улучшить и усовершенствовать, освоили это, и это изменило их бизнес¹⁸⁵.

Из размышлений Морица следует, что без обнаружения поведенческого излишка и обращения к надзорным операциям, при «устрашающем» уровне расходов, Google долго бы не продержался, и само выживание фирмы было под вопросом. Мы никогда не узнаем, чем мог бы стать Google, если бы не было объявлено чрезвычайное положение, вызванное кризисом нетерпеливых денег, наложивших свой отпечаток на эти критические годы развития. Какие другие пути к устойчивому доходу можно было исследовать или придумать? Какие альтернативные варианты будущего могли быть вызваны к жизни, чтобы сохранять верность принципам основателей и правам их пользователей на самоопределение? Вместо этого Google выпустил на волю новую инкарнацию капитализма, открыв ящик Пандоры, содержимое которого мы только начинаем понимать.

VI. Человеческое изобретение

Ключевой для нашего разговора факт состоит в следующем: надзорный капитализм был изобретен конкретной группой людей в конкретный момент времени и в конкретном месте. Это не неизбежное следствие цифровых технологий или необходимое выражение информационного капитализма. В какой-то момент он был сознательно создан, во многом так же, как массовое производство было изобретено инженерами и другими работниками Ford Motor Company в Детройте в 1913 году.

Генри Форд намеревался доказать, что сможет максимизировать прибыль, увеличив объемы, радикально снизив затраты и расширив спрос. Это было недоказанное коммерческое уравнение, для которого не существовало ни экономической теории, ни практики. Фрагменты этой формулы всплывали и раньше – на мясокомбинатах, на мукомольных предприятиях, на швейных и велосипедных фабриках, на оружейных, консервных и пивоваренных заводах. Существовал определенный и растущий объем практических знаний о взаимозаменяемости деталей и абсолютной стандартизации, точных станках и непрерывном производстве. Но никто не создал той великой симфонии, которую услышал в своем воображении Форд.

Как об этом рассказывает историк Дэвид Хауншелл, было время, 1 апреля 1913 года, и место, Детройт, когда первая движущаяся сборочная линия казалась «просто еще одним шагом многолетнего развития компании Ford, и в то же время чем-то неожиданно свалившимся с небес. Еще до конца того дня некоторые инженеры почувствовали, что они совершили фундаментальный прорыв»¹⁸⁶. В течение года прирост производительности по заводу варьировался

---

¹⁸⁵ Michael Moritz, “Much Ventured, Much Gained,” interview, *Foreign Affairs*, February 2015, <https://www.foreignaffairs.com/interviews/2014-12-15/much-ventured-much-gained>.

¹⁸⁶ Hounshell, *From the American System*, 247–248.

от 50 % до десяти раз, в сравнении со старыми методами стационарной сборки¹⁸⁷. Модель Т, которая в 1908 году стоила 825 долларов, в 1924 году продавалась по рекордно низкой для четырехцилиндрового автомобиля цене, всего за 260 долларов¹⁸⁸.

Как и в случае с Ford, некоторые элементы экономической логики онлайн-надзора работали годами, оставаясь известными лишь узкой группе первых компьютерных экспертов. Например, программный механизм, известный как «cookie» – фрагменты кода, позволяющие передавать информацию между сервером и клиентским компьютером, – был разработан в 1994 году в Netscape, первой коммерческой компании, занимавшейся веб-браузером¹⁸⁹. Аналогично «веб-маячки» – крошечные (часто невидимые) графические элементы, встроенные в веб-страницы и электронную почту и предназначенные для отслеживания активности пользователей и сбора личной информации – были хорошо известны специалистам в конце 1990-х годов¹⁹⁰.

Эти специалисты были глубоко обеспокоены последствиями подобных способов мониторинга для конфиденциальности, и, по крайней мере в случае с файлами cookie, предпринимались организационные усилия по разработке интернет-политик, которые запрещали бы основанные на cookie агрессивные действия по отслеживанию и профилированию пользователей¹⁹¹. К 1996 году функция cookie стала одной из спорных проблем, обсуждаемых на государственном уровне. На семинарах Федеральной торговой комиссии в 1996 и 1997 годах обсуждались проекты, в рамках которых с помощью простого автоматизированного протокола контроль над всей личной информацией по умолчанию передавался пользователю. Рекламодатели горячо оспаривали эту схему; вместо этого, чтобы предотвратить государственное регулирование, они скооперировались, образовав «саморегулируемую» ассоциацию, известную как «Инициатива по сетевой рекламе». Тем не менее в июне 2000 года администрация Клинтона запретила использование файлов cookie на всех федеральных веб-сайтах, и к апрелю 2001 года три законопроекта, находившихся на рассмотрении конгресса, включали в себя положения, регулирующие использование файлов cookie¹⁹².

Google вдохнул новую жизнь в эти практики. Как это произошло и в Ford столетием ранее, дирижерами, руководившими первым исполнением коммерческой симфонии надзора, стали инженеры и ученые компании, которые интегрировали широкий спектр механизмов, от файлов cookie до проприетарных аналитических и алгоритмических программных возможностей, в единые рамки новой радикальной логики, сделавшей надзор и одностороннюю экспроприацию поведенческих данных основой для новой формы рынка. Воздействие этого изобретения было не менее драматичным, чем в случае с Ford. В 2001 году, когда Google тестировал новые системы для использования открытого им поведенческого излишка, выручка компании выросла до 86 миллионов долларов (более чем 400-процентный рост по сравнению с 2000 годом) и компания получила первую прибыль. К 2002 году деньги потекли рекой – убедительное доказательство того, что поведенческий излишек в сочетании с проприетарной аналитикой Google безошибочно достигает своей цели. Выручка взлетела до 347 миллионов долларов в 2002 году, затем до 1,5 миллиардов долларов в 2003 году и до 3,5 миллиардов долларов

¹⁸⁷ Ibid., 10.

¹⁸⁸ Richard S. Tedlow, *Giants of Enterprise: Seven Business Innovators and the Empires They Built* (New York: HarperBusiness, 2003), 159–60; Donald Finlay Davis, *Conspicuous Production: Automobiles and Elites in Detroit 1899–1933* (Philadelphia, PA: Temple University Press, 1989), 122.

¹⁸⁹ David M. Kristol, “HTTP Cookies: Standards, Privacy, and Politics,” *ArXiv: Cs/0105018*, May 9, 2001, <http://arxiv.org/abs/cs/0105018>.

¹⁹⁰ Richard M. Smith, “The Web Bug FAQ,” *Electronic Frontier Foundation*, November 11, 1999, https://w2.eff.org/Privacy/Marketing/web_bug.html.

¹⁹¹ Kristol, “HTTP Cookies,” 9–16; Richard Thieme, “Uncompromising Position: An Interview About Privacy with Richard Smith,” *Thiemeworks*, January 2, 2000, <http://www.thiemeworks.com/an-interview-with-richard-smith>.

¹⁹² Kristol, “HTTP Cookies,” 13–15.

в 2004 году, когда компания стала публичной¹⁹³. Открытие поведенческого излишка породило ошеломительный рост выручки на 3590 % менее чем за четыре года.

VII. Секреты извлечения

Важно отметить существенные различия для капитализма между этими двумя моментами оригинальности в Ford и Google. Изобретения Ford произвели революцию в *производстве*. Изобретения Google произвели революцию в *добыче* и создали первый экономический императив надзорного капитализма: *императив извлечения*. Императив извлечения означал, что объемы поставок сырья должны постоянно расти. Промышленный капитализм требовал эффекта масштаба в производстве для достижения больших объемов выпуска в сочетании с низкой себестоимостью. Надзорный же капитализм требует эффекта масштаба при извлечении поведенческого излишка.

Массовое производство было направлено на новые источники спроса в лице первых массовых потребителей начала XX века. Форд ясно сказал об этом: «Массовое производство начинается с обнаружения общественной потребности»¹⁹⁴. Спрос и предложение были взаимосвязанными последствиями новых «условий существования», которые определили жизнь моих прабабушки и прадедушки Софи и Макса и других странников первого модерна. Изобретение Форда углубило взаимосвязи между капитализмом и этими группами.

Напротив, изобретения Google разрушили взаимность, свойственную его первоначальному общественному договору с пользователями. Роль цикла реинвестирования поведенческой стоимости, который когда-то связывал Google с его пользователями, резко изменилась. Вместо того чтобы углублять единство с этой группой, основанное на спросе и предложении, Google решил полностью перестроить свой бизнес вокруг быстро растущего спроса со стороны рекламодателей, правдами и неправдами по крупицам собирая данные о поведении в интернете, в конкурентной борьбе за рыночные преимущества. В этом новом предприятии *пользователи перестали быть самоцелью, став вместо этого средством достижения целей других*.

Реинвестирование в пользовательские услуги стало методом привлечения поведенческого излишка, а пользователи стали ничего не подозревающими поставщиками сырья для более широкого цикла получения дохода. Масштаб экспроприации излишка, доступный Google, вскоре устранил всех серьезных конкурентов по его основному поисковому бизнесу, поскольку непредвиденные доходы от использования поведенческого излишка использовались для привлечения все большего и большего числа пользователей в его сети, сделав Поиск Google фактическим монополистом. Учитывая его изобретения, открытия и стратегии, Google стал праматерью и идеальным типом новой экономической логики, основанной на продаже предсказаний – древнем и вечно прибыльном ремесле, которое с самого начала человеческой истории питалось противостоянием человека с неопределенностью.

Одно дело – пропагандировать достижения в производстве, как это делал Генри Форд, и совсем другое – хвастать непрерывной интенсификацией скрытых процессов, направленных на извлечение поведенческих данных и персональной информации. Последнее, чего хотел Google, – это раскрыть секреты того, как он переписал свои собственные правила и в процессе этого переписывания продал себя в рабство императиву извлечения. Поведенческий излишек был необходим для получения дохода, а секретность будет нужна для устойчивого накопления поведенческого излишка.

---

¹⁹³ “Amendment no. 9 to Form S-1 Registration Statement Under the Securities Act of 1933 for Google Inc.,” Securities and Exchange Commission, August 18, 2004, <https://www.sec.gov/Archives/edgar/data/1288776/000119312512025336/d260164d10k.htm>.

¹⁹⁴ Henry Ford, “Mass Production,” *Encyclopedia Britannica* (New York: Encyclopedia Britannica, 1926), 821, [http://memory.loc.gov/cgi-bin/query/h?ammem/coolbib:@field\(NUMBER+@band\(amrlg+lg48\)\)](http://memory.loc.gov/cgi-bin/query/h?ammem/coolbib:@field(NUMBER+@band(amrlg+lg48))).

Так в политиках и практиках, регулирующих все аспекты внешнего и внутреннего поведения Google, стала устанавливаться секретность. Как только руководство Google осознало коммерческую значимость поведенческого излишка, Шмидт ввел в действие то, что он называл «стратегией сокрытия»¹⁹⁵. Сотрудникам Google было велено не говорить о том, что в патенте называлось его «новаторскими методами, аппаратом, форматами сообщений и/или структурами данных» и не подтверждать слухи о потоках денег. Сокрытие не было стратегией *post hoc*; оно было органически встроено в проект, который стал надзорным капитализмом.

Один из бывших управленцев Google, Дуглас Эдвардс, убедительно пишет об этом неловком положении и культуре секретности, которую оно сформировало. По его словам, Пейдж и Брин были «ястребами», настаивавшими на агрессивном сборе и удержании данных: «Ларри выступал против любого образа действий, который раскрывал бы наши технические секреты или баламутил воду в вопросах конфиденциальности и ставил под угрозу нашу способность собирать данные». Пейдж хотел постараться не пробуждать любопытство пользователей, сводя к минимуму их шансы натолкнуться на любые намеки о размахе проводившихся Google операций с данными. Он сомневался в благоразумности электронного табло в вестибюле приемной, которое отображало текущий поток поисковых запросов, и «пытался убить» ежегодную конференцию Google Zeitgeist, которая подытоживает тенденции года в том, что касается этих запросов¹⁹⁶.

Журналист Джон Баттель, который вел летопись Google в 2002–2004 годах, говорил об «отстраненности» компании, «ограниченном обмене информацией» и «отчуждающей и ненужной секретности и изоляции»¹⁹⁷. Другой ранний биограф компании отмечает: «Что облегчало сохранение тайны, так это то, что почти никто из экспертов, отслеживающих бизнес в интернете, не верил, что у Google вообще может быть какая-то тайна»¹⁹⁸. Как сказал Шмидт журналисту газеты *New York Times*: «Надо побеждать, но лучше побеждать без лишнего шума»¹⁹⁹. Та же научная и материальная сложность, которая требовалась для захвата и анализа поведенческого излишка, делала возможной и стратегию сокрытия – плащ-невидимку над всей операцией. «Управление поиском в наших масштабах – очень серьезный входной барьер», – предостерегал Шмидт потенциальных конкурентов²⁰⁰.

Конечно, всегда есть легитимные коммерческие причины скрывать местонахождение вашего золотого прииска. В случае Google стратегия сокрытия требовалась для удержания конкурентного преимущества, но были и другие причины, чтобы напускать туман и путать следы. Какой была бы в те дни реакция общественности, если бы она узнала, что магия Google истекает из его исключительной способности осуществлять надзор за поведением в интернете в одностороннем порядке, а его методы специально разработаны для того, чтобы упразднить индивидуальные права на принятие решений? Политика Google должна была обеспечивать секретность, чтобы защитить операции, которые и были задуманы как незаметные, потому что они отнимали что-то у пользователей и задействовали эти односторонне присвоенные ресурсы для обслуживания интересов других.

То, что Google оказался в силах поддерживать секретность, уже само по себе свидетельствует об успехе его планов. Эта возможность – важнейшая иллюстрация различий между «правом на принятие решений» и «конфиденциальностью». Право на принятие решений дает право выбрать, держать ли что-то в секрете или поделиться этим с другими. Можно выбрать

¹⁹⁵ См.: Levy, *In the Plex*, 69.

¹⁹⁶ Edwards, *I'm Feeling Lucky*, 340–345.

¹⁹⁷ Battelle, *The Search*.

¹⁹⁸ Levy, *In the Plex*, 69.

¹⁹⁹ См.: Hansell, “Google’s Toughest Search”.

²⁰⁰ См.: Markoff and Zachary, “In Searching the Web”.

степень конфиденциальности или прозрачности для каждой ситуации. Судья Верховного суда США Уильям О. Дуглас сформулировал эту точку зрения на конфиденциальность в 1967 году: «Конфиденциальность предполагает, что у человека есть возможность раскрыть, показать другим то, во что он верит, о чем думает, чем обладает...»²⁰¹.

Надзорный капитализм сам претендует на это право принятия решений. Обычно возмущаются нарушением конфиденциальности, но проблема в другом. В более широком социальном контексте конфиденциальность не подрывается, а перераспределяется, так как право на принятие решений в отношении конфиденциальности передается надзорному капиталу. Теперь право решать, как и что они будут раскрывать, принадлежит не самим людям, а надзорному капитализму. Этот необходимый элемент новой логики накопления обнаружил Google: он должен утвердить свое право на получение информации, от которой зависит его успех.

Способность корпорации скрывать этот захват прав зависит не только от технических методов или корпоративной политики секретности, но и от языка. Джордж Оруэлл когда-то заметил, что в политике, войне и бизнесе эвфемизмы используются как инструменты, благодаря которым «ложь выглядит правдой, убийство – достойным делом»²⁰². Google тщательно камуфлирует всю значимость операций, связанных с поведенческим излишком, с помощью технического жаргона. Два популярных термина – «цифровой выхлоп» и «цифровые крошки» – создают ощущение бесполезных отходов: остатков, которые может забрать себе каждый²⁰³. Зачем засорять выхлопными газами атмосферу, когда их можно переработать в полезные данные? Кому придет в голову назвать такую переработку актом эксплуатации, экспроприации или грабежа? Кто посмеет переопределить «цифровой выхлоп» как добычу сырья или контрабанду или вообразить, что Google научился целенаправленно выманивать этот так называемый выхлоп с помощью своих методов, аппарата и структур данных?

«Таргетирование» – еще один эвфемизм. Это слово ассоциируется с точностью, эффективностью и компетентностью. Кто бы мог подумать, что таргетирование скрывает новое политическое уравнение, в котором концентрация вычислительной мощности Google отбрасывает в сторону право пользователя на принятие решений с такой же легкостью, с какой Кинг-Конг может отбросить муравья, и это происходит за кулисами, где никто ничего не увидит?

Эти эвфемизмы действуют точно так же, как те, что встречаются на самых ранних картах североамериканского континента, где целые регионы были помечены словами «язычники», «неверные», «идолопоклонники», «дикари», «вассалы» и «мятежники». В силу этих эвфемизмов коренные народы – их территории и права – исключались из моральных и правовых уравнений захватчиков, узаконивая акты присвоения и разрушения, которые проложили путь для церкви и монархии.

Целенаправленная работа по сокрытию голых фактов с помощью риторики, умолчаний, усложнения, исключительности, масштаба, несправедливых соглашений, дизайна и эвфемизмов – еще один фактор, который помогает объяснить, почему во время прорыва Google к прибыльности мало кто заметил основополагающие механизмы его успеха и их значение в более широком контексте. В этой картине коммерческий надзор – не просто неудачное совпадение или случайное упущение. Он не был ни необходимой стадией развития информационного капитализма, ни неизбежным продуктом цифровых технологий или интернета. Это специально

²⁰¹ William O. Douglas, “Dissenting Statement of Justice Douglas, Regarding *Warden v. Hayden*, 387 U.S. 294” (US Supreme Court, April 12, 1967), <https://www.law.cornell.edu/supremecourt/text/387/294>; Nita A. Farahany, “Searching Secrets,” *University of Pennsylvania Law Review* 160, no. 5 (2012): 1271.

²⁰² George Orwell, *Politics and the English Language* (Peterborough: Broadview, 2006); Джордж Оруэлл, *Лев и Единорог. Эссе, статьи, рецензии* (Москва: Московская школа политических исследований, 2003), 356.

²⁰³ В качестве типичного примера можно привести следующее высказывание в журнале *Economist*: «Google эксплуатирует информацию, являющуюся побочным продуктом взаимодействий с пользователем, или выхлопом данных, который автоматически перерабатывается для улучшения обслуживания или создания совершенных новых продуктов». “Clicking for Gold,” *Economist*, February 25, 2010, <http://www.economist.com/node/15557431>.

сконструированный человеческий выбор, беспрецедентная рыночная форма, оригинальный выход из чрезвычайной ситуации и глубинный механизм, с помощью которого по дешевке создается и преобразуется в доход новый класс активов. Надзор – это путь к прибыли, который отодвигает в сторону «мы, народ», забирая наши права на принятие решений без нашего разрешения и даже когда мы говорим «нет». Открытие поведенческого излишка знаменует собой критический поворотный момент не только в биографии Google, но и в истории капитализма.

В годы, прошедшие после первичного размещения его акций в 2004 году, впечатляющий финансовый прорыв Google сначала поразил, а потом загипнотизировал онлайн-мир. Многие годы инвесторы Кремниевой долины повышали свои рискованные ставки в поисках той неуловимой бизнес-модели, которая бы все оправдала. Когда финансовые результаты Google стали достоянием общественности, охота на мифические сокровища была официально закончена²⁰⁴.

Новая логика накопления перекинулась первым делом на Facebook, который был запущен в том же году, когда Google вышел на биржу. Генеральный директор Марк Цукерберг отверг стратегию взимания с пользователей платы за обслуживание, как это делали телефонные компании в предыдущем столетии. «Наша миссия – соединить всех людей в мире. Это не делается с помощью платного сервиса», – настаивал он²⁰⁵. В мае 2007 года он представил платформу Facebook, открыв социальную сеть для всех, а не только для людей с университетскими электронными адресами. Шесть месяцев спустя, в ноябре, он запустил свой большой рекламный продукт Beacon, который должен был автоматически делиться транзакциями с партнерских сайтов со всеми «друзьями» пользователя. Эти сообщения появлялись, даже если пользователь в данный момент не в Facebook, без его ведома или возможности дать согласие. Вопль возмущения – как со стороны пользователей, так и со стороны некоторых партнеров Facebook, таких как Coca-Cola, – заставил Цукерберга быстро отступить. К декабрю Beacon стал программой, требующей явного согласия для участия. Двадцатитрехлетний генеральный директор понимал потенциал надзорного капитализма, но еще не достиг мастерства Google в сокрытии своих действий и намерений.

Однако актуальный в штаб-квартире Facebook вопрос – «Как теперь превратить всех этих пользователей Facebook в деньги?» – по-прежнему требовал ответа²⁰⁶. В марте 2008 года, всего через три месяца после того, как ему пришлось отозвать свою первую попытку подражания логике накопления Google, Цукерберг нанял одного из руководителей Google, Шерил Сэндберг, в качестве главного исполнительного директора Facebook. Сэндберг, руководившая когда-то аппаратом министра финансов США Ларри Саммерса, пришла в Google в 2001 году, поднявшись в итоге до поста вице-президента по глобальным онлайн-продажам и операциям. В Google она способствовала развитию надзорного капитализма посредством расширения AdWords и других аспектов онлайн-продаж²⁰⁷. Один инвестор, наблюдавший за ростом компании в этот период, пришел к выводу, что «AdWords создала Шерил»²⁰⁸.

Подписав контракт с Facebook, талантливая Сэндберг стала переносчиком надзорного капитализма и возглавила превращение Facebook из социальной сети в рекламного монстра. Сэндберг понимала, что слепок общества, которым был Facebook, – такой бездонный источник поведенческого излишка, о котором нельзя было и мечтать: все равно как если бы старатель XIX века наткнулся на долину, скрывающую крупнейшее месторождение алмазов и мощнейший пласт золотоносной породы. «Наша информация лучше, чем у кого-либо еще. Мы знаем

²⁰⁴ Valliere and Peterson, “Inflating the Bubble,” 1–22.

²⁰⁵ См.: Lev Grossman, “Exclusive: Inside Facebook’s Plan to Wire the World,” *Time.com* (blog), December 2015, <http://time.com/facebook-world-plan>.

²⁰⁶ David Kirkpatrick, *The Facebook Effect: The Inside Story of the Company That Is Connecting the World* (New York: Simon & Schuster, 2011), 257.

²⁰⁷ Kirkpatrick, *The Facebook Effect*, 80; Auletta, *Googled*.

²⁰⁸ См.: Auletta, *Googled*.

пол, возраст, местоположение, и это реальные данные, а не то, что другим приходится вычислять», – сказала Сэндберг. Facebook предстояло научиться отслеживать, отцеживать, хранить и анализировать UPI для создания собственных алгоритмов таргетирования, и, как и Google, он не будет ограничивать добычу сырья тем, что люди добровольно сообщили компании. Сэндберг понимала, что, искусно манипулируя царившей в Facebook атмосферой доверительности и взаимопомощи, можно будет применять поведенческий излишек не только для удовлетворения, но и для *создания* спроса. Для начала, можно было вплести рекламодателей в ткань онлайн-культуры Facebook, где они могли «приглашать» пользователей к «разговору»²⁰⁹.

VIII. Резюмируя логику и практику надзорного капитализма

С Google во главе надзорный капитализм быстро стал стандартной моделью информационного капитализма в сети и, как мы увидим в следующих главах, постепенно привлек конкурентов из других секторов. Эта новая рыночная форма заявляет, что удовлетворять подлинные потребности людей менее прибыльно и, следовательно, менее важно, чем продавать прогнозы их поведения. Google обнаружил, что *мы представляем меньшую ценность, чем ставки на наше будущее поведение, сделанные другими*. Это изменило все.

Поведенческий излишек обеспечил успех Google. В 2016 году 89 % доходов его материнской компании, Alphabet, были получены от программ таргетинговой рекламы Google²¹⁰. Масштаб сырьевых потоков отражается в том факте, что Google доминирует в интернете, обрабатывая в среднем более 40 000 поисковых запросов в секунду – более 3,5 миллиарда поисковых запросов в день и 1,2 триллиона поисковых запросов в год по всему миру на 2017 год²¹¹.

Благодаря своим беспрецедентным находкам в 2014 году Google, стоивший 400 миллиардов долларов, опередил ExxonMobil по рыночной капитализации и всего через шестнадцать лет после своего основания стал второй по величине компанией в мире после Apple²¹². В 2016 году Alphabet/Google время от времени оттеснял Apple с первой позиции; по состоянию на 20 сентября 2017 года он занимал в мире второе место²¹³.

Полезно на время отстраниться от деталей и взглянуть на общую картину – то, как кусочки головоломки складываются вместе:

1. Логика: Google и другие надзорные платформы иногда относят к «двусторонним» или «многосторонним» рынкам, но механика надзорного капитализма работает иначе²¹⁴. Google нашел способ превратить свои нерыночные взаимодействия с пользователями в дополнительное сырье для производства продуктов, предназначенных для подлинно рыночных

---

²⁰⁹ Kirkpatrick, *The Facebook Effect*, 266.

²¹⁰ “Selected Financial Data for Alphabet Inc.,” Form 10-K, Commission File, United States Securities and Exchange Commission, December 31, 2016, <https://www.sec.gov/Archives/edgar/data/1652044/000165204417000008/goog10-kq42016.htm#s58C60B74D56A630AD6EA2B64F53BD90C>. Сюда входят «доходы от сегмента Google в размере 89,5 млрд долл. при ежегодном росте 20 %, и доходы от „Прочих проектов“ в размере 0,8 млрд долл. с ежегодным ростом 82 %». Рекламные доходы от сегмента Google составили 79 383 000 000 долл., или 88,73 % доходов от сегмента Google.

²¹¹ “Google Search Statistics – Internet Live Stats,” Internet Live Stats, September 20, 2017, <http://www.internetlivestats.com/google-search-statistics>; Greg Sterling, “Data: Google Monthly Search Volume Dwarfs Rivals Because of Mobile Advantage,” *Search Engine Land*, February 9, 2017, <http://searchengineland.com/data-google-monthly-search-volume-dwarfs-rivals-mobile-advantage-269120>. Это означало 76 % всех поисковых запросов с настольных компьютеров и 96 % запросов с мобильных устройств в США и соответственно 87 и 95 % в мире в целом.

²¹² Roben Farzad, “Google at \$400 Billion: A New no. 2 in Market Cap,” *BusinessWeek*, February 12, 2014, <http://www.businessweek.com/articles/2014-02-12/google-at-400-billion-a-new-no-dot-2-in-market-cap>.

²¹³ “Largest Companies by Market Cap Today,” *Dogs of the Dow*, 2017, <https://web.archive.org/web/20180701094340/http://dogsofthedow.com/largest-companies-by-market-cap.htm>.

²¹⁴ Jean-Charles Rochet and Jean Tirole, “Two-Sided Markets: A Progress Report,” *RAND Journal of Economics* 37, no. 3 (2006): 645–667.

делок со своими настоящими клиентами – рекламодателями²¹⁵. Перевод поведенческого излишка, который находился вне рынка, внутрь рыночной сферы, позволил Google наконец превратить инвестиции в доходы. Тем самым корпорация создала, из воздуха и с нулевыми предельными издержками, целый класс активов, образованный жизненно важным сырьем, полученным в результате нерыночного поведения пользователей в интернете. Сначала это сырье просто «находили», как побочный продукт поисковых действий пользователей. Позже на эти активы начали агрессивно охотиться и активно извлекать, в основном путем слежки за пользователями. Одновременно корпорация создала новый тип рынка, на котором продавались и покупались ее собственные «прогнозные продукты», изготовленные из этого сырья.

Вкратце происходящее можно описать так: поведенческие излишки, на которых покоится состояние Google, можно рассматривать как *надзорные активы*. Эти активы становятся важным сырьем в погоне за *надзорными доходами* и их превращением в *надзорный капитал*. Эту логику накопления капитала в целом лучше всего понимать как *надзорный капитализм*, который оказывается краеугольным камнем основанного на надзоре экономического порядка: *надзорной экономики*. Основная модель здесь – подчинение и иерархия, когда прошлая взаимность между фирмой и ее пользователями оказывается подчиненной производному проекту захвата нашего поведенческого излишка для целей других. Мы больше не являемся *субъектами* реализации стоимости. Не являемся мы, как настаивают некоторые, и «продуктами» продаж Google. На самом деле, мы – *объекты*, из которых извлекается и экспроприруется сырье для фабрик прогнозирования Google. Прогнозы относительно нашего поведения – вот продукты Google, и они продаются его подлинным покупателям, а не нам. *Мы – средства для достижения целей других людей*.

Индустриальный капитализм превратил в товар природное сырье, а надзорный капитализм, чтобы изобрести новый товар, распространил свои притязания на человеческую природу. Теперь уже человеческую природу выскабливают, рвут на части и прибирают к рукам в рамках рыночного проекта нового столетия. Думать, что вред сводится к тому очевидному факту, что пользователи не получают плату за предоставляемое ими сырье, – просто неприлично. Подобная критика – недоразумение, которое позволяет использовать механизмы ценообразования для институционализации и, следовательно, узаконивания извлечения человеческого поведения для производства и продажи. Она игнорирует ключевой момент, состоящий в том, что суть эксплуатации здесь – представление наших жизней в виде поведенческих данных ради усовершенствования контроля над нами со стороны посторонних. Интересные вопросы здесь связаны с тем, что наши жизни вообще представляются в виде поведенческих данных; что условие этого повсеместного превращения – неведение; что право на принятие решения улетучивается еще до того, как мы узнаем, что надо принимать какое-то решение; что некоторые последствия этого урезания прав не можем ни увидеть, ни предсказать; что нет выхода, нет возможности высказаться и нет лояльности, только беспомощность, смирение и психическое онемение; и что шифрование – единственная активная мера, которую нам остается обсуждать, сидя за обеденным столом и обмениваясь случайными мнениями о том, как бы спрятаться от сил, которые прячутся от нас.

2. Средства производства: производственный процесс Google эпохи интернета – критически важный компонент беспрецедентного. Его конкретные технологии и методы, которые я обобщенно называю машинным интеллектом, постоянно развиваются, и легко испугаться их сложности. Один и тот же термин может означать сегодня одно, а через год или через пять лет – нечто совсем другое. Например, по крайней мере с 2003 года велись разговоры о том, что Google разрабатывает и использует «искусственный интеллект», но сам этот термин не

---

²¹⁵ Обсуждение этого момента и его отношения к таргетированной онлайн-рекламе см. в: Katherine J. Strandburg, “Free Fall: The Online Market’s Consumer Preference Disconnect” (working paper, New York University Law and Economics, October 1, 2013).

стоял на месте, по мере того как возможности эволюционировали от примитивных программ, способных играть в крестики-нолики, к системам, управляющим целыми парками беспилотных автомобилей.

Производственные мощности Google в области искусственного интеллекта питаются поведенческим излишком, и чем больше излишка они потребляют, тем точнее выдаваемые ими прогнозные продукты прогнозирования. Редактор и основатель журнала *Wired* Кевин Келли однажды предположил, что, хотя кажется, что Google стремится развивать свои возможности в сфере искусственного интеллекта для улучшения поиска, более вероятно, что Google разрабатывает поиск как средство непрерывного обучения своих развивающихся мощностей искусственного интеллекта²¹⁶. В этом суть проекта искусственного интеллекта. Как чудовищный ленточный червь, машинный интеллект зависит от того, сколько данных он поглощает. В этом важном отношении новые средства производства принципиально отличаются от таких в промышленной модели, когда существует определенное противоречие между количеством и качеством. Машинный интеллект – синтез, снимающий это противоречие, поскольку он достигает своего полного потенциала в плане качества только тогда, когда приближается к всеохватности.

По мере того как все больше компаний хотят заработать на надзоре в стиле Google, значительная часть мировых талантов в области науки о данных и смежных областей посвящают себя изготовлению прогнозных продуктов, которые повышают показатели кликабельности для таргетированной рекламы. Так, китайские исследователи, работающие в исследовательском отделе принадлежащего Microsoft поисковика Bing в Пекине, в 2017 году опубликовали сенсационные результаты. «Точная оценка показателей кликабельности (CTR) рекламы оказывает решающее влияние на доходы поисковых компаний; даже повышение точности наших продуктов на 0,1 % принесло бы сотни миллионов долларов дополнительного дохода», – утверждают они. Затем они демонстрируют новый способ применения сложных нейронных сетей, который обещает улучшение на 0,9 % по одному показателю идентификации и «значительный прирост количества кликов в онлайн-трафике»²¹⁷. Аналогичным образом команда исследователей Google разработала новую модель глубоких нейронных сетей, с единственной целью учесть «взаимовлияния прогнозирующих факторов» и обеспечить «передовую производительность» для повышения показателей кликабельности²¹⁸. Тысячи таких исследований – и рутинных, и революционных – в сумме создают дорогие, сложные, непрозрачные и эксклюзивные *«средства производства» XXI века*.

3. Продукты: Машинный интеллект перерабатывает поведенческий излишек в прогнозные продукты, предназначенные для предсказания наших чувств, мыслей и действий: прямо сейчас, чуть позже, или в более отдаленном будущем. Эта методология – среди самых тщательно охраняемых секретов Google. Характер его продуктов объясняет, почему Google раз за разом заявляет, что не продает личные данные. Что? Никогда! Руководство Google любит говорить о своей чистоте в отношении конфиденциальности, потому что компания действительно не продает свое сырье. Вместо этого компания продает прогнозы, которые только она и может изготовить из своих исторически рекордных частных запасов поведенческого излишка.

Прогнозные продукты снижают риски для клиентов, советуя им, на что и когда ставить. Качество и конкурентоспособность такого продукта напрямую зависит от того, насколько он близок к точному знанию: чем надежнее прогноз, тем ниже риски для его покупателей и тем

²¹⁶ Kevin Kelly, “The Three Breakthroughs That Have Finally Unleashed AI on the World,” *Wired*, October 27, 2014, <https://www.wired.com/2014/10/future-of-artificial-intelligence>.

²¹⁷ Xiaoliang Ling et al., “Model Ensemble for Click Prediction in Bing Search Ads,” in *Proceedings of the 26th International Conference on World Wide Web Companion*, 689–98, <https://doi.org/10.1145/3041021.3054192>.

²¹⁸ Ruoxi Wang et al., “Deep & Cross Network for Ad Click Predictions,” ArXiv: 1708.05123 [*Computer Science. Learning*], August 16, 2017, <http://arxiv.org/abs/1708.05123>.

выше объем продаж. Google сумел стать гадалкой цифрового века, которая полным ходом заменяет интуицию наукой, чтобы за деньги погадать на наши судьбы, но не нам, а своим клиентам. С самого начала прогнозные продукты Google были в основном нацелены на продажи таргетированной рекламы, но, как мы увидим, реклама была началом надзорного проекта, а не его концом.

Открытие поведенческого излишка

Надзорный капитализм начинается с открытия поведенческого излишка. Он оцифровывает больше поведения, чем требуется для улучшения обслуживания. Этот излишек передается машинному интеллекту — новому средству производства — который выдает предсказания пользовательского поведения. Этот продукт продается клиентам-бизнесам на новых рынках поведенческих фьючерсов. Цикл реинвестирования поведенческой стоимости оказывается подчинен этой новой логике.

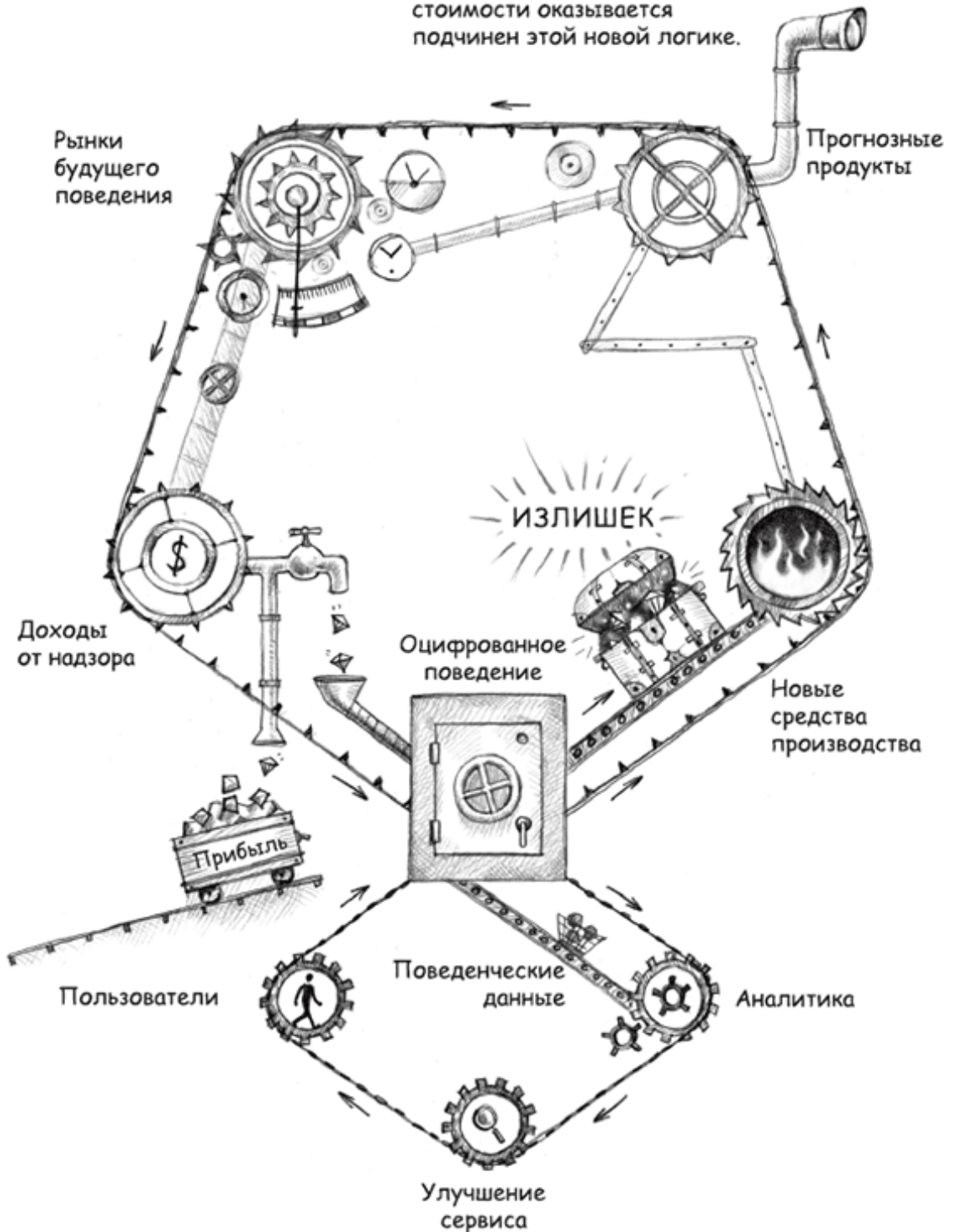

РИС. 2. Открытие поведенческого излишка

4. Рынок: Прогнозные продукты продаются на новых видах рынков, на которых торгуют исключительно будущим поведением. Прибыли надзорного капитализма имеют своим источником главным образом эти *рынки поведенческих фьючерсов*. Хотя на ранних этапах развития этой новой разновидности рынков основными игроками были рекламодатели, нет никаких оснований считать, что подобные рынки должны ограничиваться только этой группой. То, что новые системы прогнозирования связаны с рекламой, – это только стечение обстоятельств, как стечением обстоятельств было и то, что новая система массового производства Форда лишь случайно была связана с автомобилями. В обоих случаях эти системы могут быть применены во многих других сферах. Как мы увидим в следующих главах, уже различима тенденция, когда любой, кто заинтересован в том, чтобы приобрести вероятностную информацию о нашем поведении и/или повлиять на будущее поведение, может за определенную плату начать играть на рынках, где за деньги предсказываются судьбы людей, групп, тел и вещей (см. рис. 2).

Глава 4

Ров вокруг замка

*И первая попытка удалась им.
Родясь, тем завершили курс наук —
И жили, не испытывая мук,
Полны и правотою, и согласьем.*

У. Х. Оден, Сонеты из Китая, P¹⁹

І. Люди как полезные ископаемые

Бывший генеральный директор Google Эрик Шмидт считает, что именно проведенный Хэлом Вэрианом анализ рекламных аукционов фирмы привел к моменту истины, прояснившему подлинную природу бизнеса Google: «Мы внезапно поняли, что занимаемся аукционным бизнесом»²²⁰. Ларри Пейджу приписывают совершенно другой и гораздо более глубокий ответ на вопрос «Что такое Google?». Дуглас Эдвардс вспоминает об одном совещании с участием учредителей в 2001 году, на котором у них пытались получить ответ как раз на этот вопрос. Пейдж тогда размышлял:

Если бы нас можно было отнести к какой-то категории, то это была бы *персональная информация* <...> Места, которые вы видели. Коммуникации. <...> Датчики совсем дешевые. <...> Хранение дешево. Камеры дешевы. Люди будут генерировать огромные объемы данных <...> Все, что вы когда-либо слышали, видели или испытали, станет доступным для поиска. Вся ваша жизнь будет доступна для поиска²²¹.

Видение Пейджа точно отражает историю капитализма, для которого характерно прибирать к рукам вещи, обитающие за пределами рыночной сферы, и объявлять о начале их новой жизни в качестве рыночных товаров. В грандиозном повествовании историка Карла Полаanyi о «великой трансформации» в направлении саморегулирующейся рыночной экономики, вышедшем в 1944 году, он описывает истоки этого переходного процесса в рамках трех паразитических ключевых ментальных изобретений, которые он назвал «фиктивными товарами» или «товарными фикциями». Первая фикция состоит в том, что человеческую жизнь можно подчинить динамике рынка и обратить ее в «труд», который можно купить и продать. Вторая – что можно перевести в рыночные отношения природу, с ее последующим перерождением в «землю» или «недвижимость». Третья заключалась в том, что обмен может начать новую жизнь в качестве «денег»²²². Почти за восемьдесят лет до этого Карл Маркс описал захват земель и природных ресурсов как начальный «большой взрыв», который запустил современный процесс формирования капитала, названный им «первоначальным накоплением»²²³.

---

²¹⁹ Пер. В. Топорова.

²²⁰ См.: Steven Levy, “Secret of Googlenomics: Data-Fueled Recipe Brews Profitability,” *Wired*, May 22, 2009, http://archive.wired.com/culture/culture-reviews/magazine/17-06/nep_googlenomics.

²²¹ Douglas Edwards, *I'm Feeling Lucky* (Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2011), 291.

²²² Karl Polanyi, *The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time*, 2nd ed. (Boston: Beacon, 2001), 75–76; Карл Полаanyi, *Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени* (Санкт-Петербург: Алетейя, 2002), 96–97.

²²³ Karl Marx, *Capital*, 3rd ed. (New York: Penguin, 1992), Ch. 26; Карл Маркс и Фридрих Энгельс, *Сочинения*, 2-е изд. Т.

Философ Ханна Арендт развила мысль Поланьи и Маркса. Она заметила, что первоначальное накопление не было единовременным первичным взрывом, породившим капитализм. Напротив, это вновь и вновь возникающая фаза повторяющегося цикла, в рамках которого динамика рынка подчиняет себе все больше аспектов социального и природного мира. Марксов «первородный грех простого грабежа», писала она, «должен быть так или иначе повторен, иначе мотор накопления внезапно заглохнет»²²⁴.

В наше время рыночной идеологии и практики этот цикл стал настолько повсеместным, что мы в конце концов перестали замечать его дерзость или оспаривать его претензии. Теперь, например, можно «купить» человеческую кровь и органы, кого-то, кто родит вашего ребенка, постоит вместо вас в очереди или посторожит место на общественной парковке, или человека, который утешит вас в горе, или право убить исчезающее животное. Это список растет с каждым днем²²⁵.

Социальный теоретик Дэвид Харви развивает находки Арендт своим понятием «накопления через изъятие»:

Накопление через изъятие выставляет на продажу определенные активы <...> по очень низкой (а иногда и нулевой) цене. Перенакопленный капитал может завладеть такими активами и сразу же пустить их в прибыльное дело.

Он добавляет, что силой, которая выводит этот процесс изъятия на новые, беззащитные территории, часто оказываются предприниматели, полные решимости «стать частью системы» и пользоваться «благами накопления капитала»²²⁶.

Пейдж осознал, что роль девственного леса для Google может сыграть человеческий опыт, что его можно извлекать без каких-либо дополнительных затрат в интернете и с минимальными затратами – в реальном мире, где «датчики очень дешевы». После извлечения он преобразуется в поведенческие данные, создавая излишки, которые составляют основу совершенно нового класса рыночных обменов. Надзорный капитализм берет свое начало в этом акте *цифрового изъятия*, вызванном к жизни нетерпением перенакопленных инвестиций и двумя предпринимателями, которые хотели стать частью системы. Это тот рычаг, который сдвинул мир Google и сместил его в сторону прибыли.

Сегодняшние владельцы надзорного капитала объявили о четвертом фиктивном товаре, экспроприированном из реальности живого опыта людей, чьи тела, мысли и чувства столь же невинны и девственны, как луга и леса, которыми была некогда обильна природа, прежде чем они пали жертвой рыночной динамики. В этой новой логике *человеческий опыт оказывается подчинен рыночным механизмам надзорного капитализма и обретает новую жизнь в виде «поведения»*. Это поведение преобразуется в данные, готовые занять свое место в необозримой очереди, которая питает машины, вырабатывающие предсказания для последующего обмена на новых рынках поведенческих фьючерсов.

Превращение поведения в товар при надзорном капитализме толкает наше общество к такому будущему, в котором рыночная власть защищена рвами секретности, шифрования и экспертного знания. Даже когда знания, полученные из нашего поведения, возвращаются нам в качестве компенсации за участие, как в случае так называемой персонализации, параллельные тайные операции преследуют цель превращения излишков в продажи, которые выходят далеко

---

23. (Москва: Издательство политической литературы, 1960), гл. 24.

²²⁴ Hannah Arendt, *The Origins of Totalitarianism* (New York: Schocken, 2004), 198; Ханна Арендт, *Истоки тоталитаризма* (Москва: ЦентрКом, 1996), 216–217.

²²⁵ Michael J. Sandel, *What Money Can't Buy: The Moral Limits of Markets* (New York: Farrar, Straus and Giroux, 2013); Майкл Сэндел, *Что нельзя купить за деньги. Моральные ограничения свободного рынка* (Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2013).

²²⁶ David Harvey, *The New Imperialism* (New York: Oxford University Press, 2005), 153.

за рамки наших интересов. У нас нет формального контроля, потому что мы не существенны для этого рыночного процесса.

В этом будущем мы изгнаны из нашего собственного поведения, нам отказано в доступе и контроле над знаниями, полученными в результате их изъятия другими и для других. Знания, авторитет и власть – на стороне надзорного капитала, для которого мы лишь «человеческое сырье». Мы – коренные народы сегодняшнего дня, чье молчаливое требование самоопределения стерлось с карты нашего собственного опыта.

Цифровое изъятие – это не случайный эпизод, а непрерывная координация действий, материалов и технологий, не волна, а прилив. Руководство Google с самого начала понимало, что для успеха потребуются непрерывная и глубокая линия укреплений, призванная защитить их «закоренелый грех» от конкуренции и ограничений. Они не хотели быть связанными рамками, которые обычно задает частно-рыночная сфера корпоративного управления или демократическая сфера права. Для того чтобы они могли отстоять свою свободу и воспользоваться ею, демократия должна быть под контролем.

«Как это сошло им с рук?» Это важный вопрос, к которому мы будем возвращаться в этой книге снова и снова. Одна группа ответов строится на понимании экзистенциальных условий, которые создают и поддерживают спрос на услуги надзорного капитализма. Эта тема была вкратце освещена в главе 2 при обсуждении «коллизии». Вторая группа ответов связана с четким пониманием базовых механизмов и «законов движения» надзорного капитализма. Мы уже начали исследование этого вопроса и продолжим его до конца части II.

Третья группа ответов требует понимания политических и культурных обстоятельств и стратегий, которые подкрепляли претензии надзорного капитализма и защищали их от смертельных угроз. Именно эту третью область мы рассмотрим в ближайших параграфах. Ни один фактор, взятый в отдельности, скорее всего, не справился бы с этой задачей, но совместное действие нескольких политических обстоятельств и активных стратегий помогло сформировать благоприятную среду обитания, в которой эта мутация могла укорениться и процветать. К ним относятся (1) неустанное стремление учредителей к «свободе» для себя и защита этой «свободы» посредством корпоративного контроля и настаивания на своем праве на «пространство вне закона»; (2) тепличные конкретные исторические обстоятельства, включая политику и юридическую ориентацию неолиберальной парадигмы, а также острый интерес государства, после террористических атак в сентябре 2001 года, к новым возможностям анализа и прогнозирования поведенческого излишка; и (3) преднамеренное выстраивание в политическом и культурном мирах укреплений, предназначенных для защиты своих владений и отражения любых попыток внимательного изучения того, что в них происходит.

II. Стратегия «требуя свободы»

Одним из способов, которым основатели Google добились закрепления своей свободы, была необычная структура корпоративного управления, которая дала им абсолютный контроль над компанией. Пейдж и Брин были первыми, кто ввел двухклассную структуру акций в технологическом секторе в ходе размещения акций Google в 2004 году. Они вдвоем должны были контролировать голосующие акции суперкласса В, каждая из которых имела десять голосов, в отличие от акций класса А, каждая из которых имела только один голос. Эта схема делала Пейджа и Брина неуязвимыми к давлению со стороны рынка и инвесторов, как писал Пейдж в «Письме учредителя», выпущенном одновременно с выходом на биржу:

В процессе подготовки к первичному размещению акций мы создали корпоративную структуру, которая будет усложнять внешним силам попытки захватить Google или повлиять на компанию. <...> Основным следствием этой структуры, вероятно, будет то, что наша команда, особенно Сергей и я, получат

все более значительный контроль над решениями и судьбами компании, по мере того как акции Google будут переходить из рук в руки²²⁷.

В отсутствие стандартных сдержек и противовесов, общественность попросили просто «довериться» основателям. Шмидт будет озвучивать эту мысль от их имени всякий раз, когда будет подниматься этот вопрос. Например, в Институте Катона в декабре 2014 года Шмидта спросили о возможности злоупотребления властью в Google. Он просто заверил аудиторию в преимуществах династической линии фирмы. Пейдж сменил Шмидта на посту генерального директора в 2011 году, а будущих руководителей будет лично подбирать нынешнее руководство:

Ларри нас абсолютно устраивает <...> старый конь борозды не испортит <...> это одни и те же люди <...> все мы, создатели Google, придерживаемся этого мнения, и, я уверен, наши преемники будут стоять на тех же позициях²²⁸.

К тому времени Пейдж и Брин имели 56-процентное большинство голосов, пользуясь которым они ввели новую, трехклассную структуру акций, добавив акции класса С с нулевым правом голоса²²⁹. Как отмечает Bloomberg Businessweek, «кастрированные акции класса С гарантируют Пейджу и Брину сохранение контроля даже в отдаленном будущем...»²³⁰ К 2017 году Брин и Пейдж контролировали 83 % суперголосующих акций класса В, которые давали им 51 % голосов²³¹.

Многие учредители бизнесов Кремниевой долины последовали примеру Google. К 2015 году 15 % IPO предусматривали двухклассную структуру акций, по сравнению с 1 % в 2005 году, и больше половины из них были акциями технологических компаний²³². Самое главное, что при первичном размещении в 2012 году двухуровневую структуру получили акции Facebook, что дало контроль над распределением голосов основателю компании Марку Цукербергу. Затем в 2016 году компания выпустила неголосующие акции класса С, что упрочило личный контроль Цукерберга над каждым решением²³³.

Пока экономисты и инвесторы обсуждали последствия подобной структуры акций, абсолютный корпоративный контроль позволил основателям Google и Facebook заниматься агрессивными поглощениями других компаний, что привело к «гонке вооружений» в двух крити-

²²⁷ Sergey Brin, "2004 Founders' IPO Letter," Google, <https://abc.xyz/investor/founders-letters/2004>.

²²⁸ Cato Institute, *Eric Schmidt Google/Cato Interview*, YouTube, 2014, <https://www.youtube.com/watch?v=BH3vJtz8OII>.

²²⁹ Nick Summers, "Why Google Is Issuing a New Kind of Toothless Stock," *Bloomberg.com*, April 3, 2014, <https://www.bloomberg.com/news/articles/2014-04-03/why-google-is-issuing-c-shares-a-new-kind-of-powerless-stock>. Когда акционеры выступили против этой системы на ежегодном общем собрании компании, проголосовав 180 миллионами голосов за резолюцию о равном праве голоса, основатели компании, которым принадлежал 551 миллион голосов, просто не обратили на это никакого внимания.

²³⁰ Eric Lam, "New Google Share Classes Issued as Founders Cement Grip," *Bloomberg.com*, April 3, 2014, <https://www.bloomberg.com/news/articles/2014-04-03/new-google-shares-hit-market-as-founders-cement-grip-with-split>.

²³¹ Tess Townsend, "Alphabet Shareholders Want More Voting Rights but Larry and Sergey Don't Want It That Way," *Recode*, June 13, 2017, <https://www.recode.net/2017/6/13/15788892/alphabet-shareholder-proposals-fair-shares-counted-equally-no-supervote>.

²³² Ronald W. Masulis, Cong Wang, and Fei Xie, "Agency Problems at Dual-Class Companies," *Journal of Finance* 64, no. 4 (2009): 1697–1727, <https://doi.org/10.1111/j.1540-6261.2009.01477.x>; Randall Smith, "One Share, One Vote?" *Wall Street Journal*, October 28, 2011, <https://www.wsj.com/articles/SB10001424052970203911804576653591322367506>. В 2017 г. в ходе первичного размещения акций Snap предлагались только неголосующие акции, что оставляло в руках учредителей 70 % голосов; остальные голоса сохранили за собой первоначальные инвесторы. См.: Maureen Farrell, "In Snap IPO, New Investors to Get Zero Votes, While Founders Keep Control," *Wall Street Journal*, January 17, 2017, <http://www.wsj.com/articles/in-snap-ipo-new-investors-to-get-zero-votes-while-founders-keep-control-1484568034>. В ходе других IPO фигурировали суперголосующие акции, на каждую из которых приходилось во много раз (от 30 до 10 000) больше голосов, чем на обычную акцию. См.: Alfred Lee, "Where Supervoting Rights Go to the Extreme," *Information*, March 22, 2016.

²³³ "Power Play: How Zuckerberg Wrested Control of Facebook from His Shareholders," *VentureBeat* (blog), February 2, 2012, <https://venturebeat.com/2012/02/01/zuck-power-play>.

ческих областях²³⁴. Производство на передовом крае науки и техники зависит от машинного интеллекта, вынуждая Google, а затем и Facebook приобретать компании и таланты, представляющие именно эти направления – распознавание лиц, «глубокое обучение», дополненную реальность и другое²³⁵. Но машины настолько умны, насколько позволяет «калорийность» их «рациона». Это привело к соперничеству между Google и Facebook за то, чтобы стать той вездусущей сетью, которая сможет улавливать неисчислимые косяки поведенческого излишка, кишасшие везде, где только используются компьютеры. Основатели готовы были переплачивать огромные суммы за возможность прибрать к рукам поведенческий излишек путем приобретения ключевых маршрутов его поставки, перечень которых рос день ото дня.

Так, в 2006 году, всего через два года после выхода на биржу, Google заплатил 1,65 миллиарда долларов за полугодовой стартап, который еще ничего не заработал и был завален исками о нарушении авторских прав – YouTube. В то время как этот шаг называли «безумным», а компанию критиковали за завышенный ценник, Шмидт перешел в наступление, не скрывая, что Google переплатил миллиард за этот видеохостинг, но и не объясняя причин. К 2009 году дотошный медиааналитик из Forrester Research раскрыл эту загадку:

На самом деле оно стоило этих лишних денег, потому что Google мог передать YouTube весь свой рекламный опыт и поисковый трафик <...> это гарантирует, что эти миллионы и миллионы зрителей придут на сайт, принадлежащий Google, а не чей-то другой сайт <...> Как и водится со всяким убыточным, но привлекающим покупателей товаром – даже если он не вернет своих денег, он все равно будет стоить того²³⁶.

Цукерберг из Facebook придерживался той же стратегии, выплачивая «астрономические» суммы за сомнительную вереницу, как правило, убыточных стартапов, вроде Oculus (2 миллиарда долларов), занимающегося разработками в области виртуальной реальности, и приложения для обмена сообщениями WhatsApp (19 миллиардов долларов), тем самым обеспечивая Facebook собственность на колоссальные потоки человеческого поведения, которые потекут по этим каналам. Вполне в духе «императива извлечения» Цукерберг заявил инвесторам, что не будет рассматривать вопрос увеличения доходов до тех пор, пока сервис не охватит «миллиарды» пользователей²³⁷. Как выразился один журналист:

Цукербергу не очень-то нужно якшаться с правлением <...> у акционеров нет способа сдерживать выходы Цукерберга...²³⁸

Стоит упомянуть, что понимание этой логики накопления пришлось бы кстати, когда вопрос о приобретении WhatsApp обсуждала Комиссия ЕС, которая дала зеленый свет, получив заверения в том, что потоки данных от двух компаний останутся отдельными. Позднее комиссия обнаружит, что императив извлечения и требуемая им экономия от масштаба в опе-

²³⁴ Spencer Feldman, "IPOs in 2016 Increasingly Include Dual-Class Shareholder Voting Rights," *Securities Regulation & Law Report*, 47 SRLR 1342, July 4, 2016; R. C. Anderson, E. Ottolenghi, and D. M. Reeb, "The Extreme Control Choice," paper presented at the Research Workshop on Family Business, Lehigh University, 2017.

²³⁵ Adam Hayes, "Facebook's Most Important Acquisitions," *Investopedia*, February 11, 2015, <http://www.investopedia.com/articles/investing/021115/facebooks-most-important-acquisitions.asp>; Rani Molla, "Google Parent Company Alphabet Has Made the Most AI Acquisitions," *Recode*, May 19, 2017, <https://www.recode.net/2017/5/19/15657758/google-artificial-intelligence-ai-investments>; "The Race for AI: Google, Baidu, Intel, Apple in a Rush to Grab Artificial Intelligence Startups," *CB Insights Research*, July 21, 2017, <http://www.cbinsights.com/research/top-acquirers-ai-startups-ma-timeline>.

²³⁶ "Schmidt: We Paid \$1 Billion Premium for YouTube," *CNET*, March 27, 2018, <https://www.cnet.com/news/schmidt-we-paid-1-billion-premium-for-youtube>.

²³⁷ Adrian Covert, "Facebook Buys WhatsApp for \$19 Billion," *CNNMoney*, February 19, 2014, <http://money.cnn.com/2014/02/19/technology/social/facebook-whatsapp/index.html>.

²³⁸ Tim Fernholz, "How Mark Zuckerberg's Control of Facebook Lets Him Print Money," *Quartz* (blog), March 27, 2014, <https://qz.com/192779/how-mark-zuckerbergs-control-of-facebook-lets-him-print-money>.

рациях по обеспечению поставок сырья вынуждают объединять потоки излишка в стремлении к совершенствованию прогнозных продуктов²³⁹.

Основатели Google создали корпоративную форму, которая дала им абсолютный контроль в рыночной сфере, но они добивались свободы и в публичной сфере. Ключевым элементом стратегии свободы Google была его способность различать, конструировать и выдвигать свои претензии на беспрецедентные территории, которые еще не подпадали под действие закона. Киберпространство – важный персонаж этой драмы, воспеваемый на первой странице книги Эрика Шмидта и Джареда Коэна о цифровой эре: «Мир интернета, по сути, не связан земными законами <...> это крупнейшее в мире неуправляемое пространство»²⁴⁰. Они говорят как хозяева операционных пространств, недостижимых для политических институтов, – современный эквивалент «темных континентов», манивших к своим берегам европейских спекулянтов XIX века.

Ханна Арендт проанализировала экспорт перенакопленного капитала британских капиталистов в Азию и Африку в середине XIX века, и ее анализ помогает развить эту аналогию:

Здесь, в отсталых регионах, без промышленности и политической организации, где насилие применялось с большей свободой, чем в любой европейской стране, так называемым законам капитализма была предоставлена возможность творить реальность <...>. Секретом новой счастливой ситуации было как раз то, что экономические законы перестали загораживать путь алчности имущих классов²⁴¹.

В недолгой истории надзорного капитализма подобное беззаконие было критическим фактором успеха. Шмидт, Брин и Пейдж горячо отстаивали свое право на свободу от закона, даже когда Google вырос настолько, что стал, пожалуй, самой могущественной корпорацией в мире²⁴². Их усилия были отмечены несколькими взаимосвязанными лейтмотивами: что технологические компании вроде Google двигаются быстрее, чем способность государства их понимать или отслеживать, что поэтому любые попытки вмешиваться или сдерживать с неизбежностью будут непродуманными и глупыми, что государственное регулирование – это всегда зло, препятствующее инновациям и прогрессу, и что пребывание вне закона есть необходимый контекст для «технологических инноваций».

И Шмидт, и Пейдж, и Брин неоднократно высказывались на эти темы. В 2010 году в интервью газете *Wall Street Journal* Шмидт настаивал, что Google не нуждается в регулировании из-за существующих у него сильных стимулов «хорошо обращаться со своими пользователями»²⁴³. В 2011 году в разговоре с репортером *Washington Post* Шмидт ссылаясь на антидемократическую формулу бывшего генерального директора Intel Энди Гроува, добавил: «по мне [идея Гроува], работает». Google был полон решимости защитить себя от неповоротливости демократических институтов:

---

²³⁹ Duncan Robinson, “Facebook Faces EU Fine Over WhatsApp Data-Sharing,” *Financial Times*, December 20, 2016, <https://www.ft.com/content/f652746c-c6a4-11e6-9043-7e34c07b46ef>; Tim Adams, “Margrethe Vestager: ‘We Are Doing This Because People Are Angry,’” *Observer*, September 17, 2017, <http://www.theguardian.com/world/2017/sep/17/margrethe-vestager-people-feel-angry-about-tax-avoidance-european-competition-commissioner>; “WhatsApp FAQ—How Do I Choose Not to Share My Account Information with Facebook to Improve My Facebook Ads and Products Experiences?” *WhatsApp.com*, August 28, 2016, <https://www.whatsapp.com/faq/general/26000016>.

²⁴⁰ Eric Schmidt and Jared Cohen, *The New Digital Age: Transforming Nations, Businesses, and Our Lives* (New York: Vintage, 2014); Эрик Шмидт и Джаред Коэн, *Новый цифровой мир. Как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государств* (Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2013).

²⁴¹ Arendt, *The Origins of Totalitarianism*, 183; Арендт, *Истоки тоталитаризма*, 202.

²⁴² Vinod Khosla, “Fireside Chat with Google Co-Founders, Larry Page and Sergey Brin,” *Khosla Ventures*, July 3, 2014, <http://www.khoslaventures.com/fireside-chat-with-google-co-founders-larry-page-and-sergey-brin>.

²⁴³ Holman W. Jenkins, “Google and the Search for the Future,” *Wall Street Journal*, August 14, 2010, <http://www.wsj.com/articles/SB10001424052748704901104575423294099527212>.

Вот формула Энди Гроува <...> «Высокотехнологичные компании работают втрое быстрее, чем обычные. А правительство работает втрое медленнее, чем обычный бизнес. Так мы получаем девятикратный разрыв <...> Поэтому надо сделать так, чтобы правительство не мешалось под ногами и не тормозило процесс»²⁴⁴.

Замечания Шмидта на Mobile World Congress в том же году приводит издание Business Insider, сообщая:

Когда его спросили о государственном регулировании, Шмидт сказал, что технология развивается так быстро, что правительствам действительно не следует пытаться регулировать ее, потому что она будет меняться слишком быстро и все проблемы решит сама технология. «Никакому правительству за нами не угнаться»²⁴⁵.

Брин и Пейдж еще более откровенны в своем презрении к закону и регулированию. Генеральный директор Пейдж удивил съезд разработчиков в 2013 году, когда, отвечая на вопросы аудитории, прокомментировал «негативные моменты», которые препятствовали свободе фирмы «создавать действительно великие вещи» и развивать «совместимые» технологии вместе с другими компаниями:

Старые институты, такие как законы и т. д. не поспевают за темпами изменений, которые мы вызвали с помощью технологий <...> Законам, когда мы вышли на биржу, было 50 лет. Закон не может быть правильным, если ему 50 лет, тогда и интернета не было.

Когда его спросили о том, как ограничить «негативные моменты» и повысить количество «позитивных», Пейдж задумался:

Может быть, стоит выделить небольшую часть мира <...> как те, кто занимается разработкой новых технологий, мы должны иметь какие-то безопасные места, где можно опробовать какие-то новые вещи и выяснить, какие будут последствия для общества, последствия для людей, без того чтобы разворачивать это в нормальном мире²⁴⁶.

Важно понимать, что надзорные капиталисты вынуждены стремиться быть вне закона, следуя логике их собственного детища. Google и Facebook активно занимаются лоббированием с целью упразднить защиту конфиденциальности в интернете, ограничить регулирование, ослабить или заблокировать законодательство, повышающее конфиденциальность, и предотвратить любую попытку связать им руки, потому что такие законы представляют собой угрозу беспрепятственному движению поведенческого излишка²⁴⁷.

---

²⁴⁴ См.: Lillian Cunningham, "Google's Eric Schmidt Expounds on His Senate Testimony," *Washington Post*, September 30, 2011, http://www.washingtonpost.com/national/on-leadership/googles-eric-schmidt-expounds-on-his-senate-testimony/2011/09/30/gIQAPyVgCL_story.html.

²⁴⁵ Pascal-Emmanuel Gobry, "Eric Schmidt to World Leaders at EG8: Don't Regulate Us, or Else," *Business Insider*, May 24, 2011, <http://www.businessinsider.com/eric-schmidt-google-eg8-2011-5>.

²⁴⁶ См.: Jay Yarow, "Google CEO Larry Page Wants a Totally Separate World Where Tech Companies Can Conduct Experiments on People," *Business Insider*, May 16, 2013, <http://www.businessinsider.com/google-ceo-larry-page-wants-a-place-for-experiments-2013-5>.

²⁴⁷ Conor Dougherty, "Tech Companies Take Their Legislative Concerns to the States," *New York Times*, May 27, 2016, <http://www.nytimes.com/2016/05/28/technology/tech-companies-take-their-legislative-concerns-to-the-states.html>; Tim Bradshaw, "Google Hits Out at Self-Driving Car Rules," *Financial Times*, December 18, 2015, <http://www.ft.com/intl/cms/s/0/d4afee02-a517-11e5-97e1-a754d5d9538c.html?ftcamp=crm/email/20151217/nbe/InTodayFT/product#axzz3ufyqWRo2>; Jon Brodtkin, "Google and Facebook Lobbyists Try to Stop New Online Privacy Protections," *Ars Technica*, May 24, 2017, <https://arstechnica.com/tech-policy/2017/05/google-and-facebook-lobbyists-try-to-stop-new-online-privacy-protections>.

Для успеха логики накопления нужно, чтобы предмет извлечения был одновременно незащищенным и доступным по нулевой цене. Эти требования – ахиллесова пята надзорного капитализма. Пока что единственный кодекс для Google – это программный код, но риск появления новых законов на его традиционных и ожидаемых территориях остается постоянной угрозой. Если новые законы запретят добычу, надзорная модель рухнет. Эта рыночная форма должна либо готовиться к вечному конфликту с демократическим процессом, либо искать новые способы проникновения, соблазнения и подчинения демократии ее целям, если она хочет следовать своей внутренней логике. Выживание и успех надзорного капитализма зависят от разработки коллективного соглашения всеми доступными средствами и одновременно игнорирования, уклонения, оспаривания, изменения или преодоления иными способами законов, которые угрожают свободному притоку поведенческого излишка.

Эти притязания на пространство вне закона удивительно напоминают аналогичные притязания баронов-разбойников позапрошлого века. Как и люди Google, титаны конца XIX века претендовали на незащищенную территорию для своих собственных нужд, заявляли о полной легитимности своих самозванных прерогатив и любой ценой защищали свой новый капитализм от демократии. По крайней мере здесь, в Америке, мы это уже проходили.

Экономические историки показывают нам преданность беззаконию со стороны «баронов-разбойников» «позолоченного века», для которых социальный дарвинизм Герберта Спенсера сыграл ту же роль, которую Хайек, Дженсен и даже Айн Рэнд играют для современных цифровых баронов. Точно так же, как надзорные капиталисты оправдывают беспрецедентную концентрацию информации и богатства в своих корпорациях как неизбежный результат «сетевых эффектов» и рынков, где «победитель получает все», промышленники «позолоченного века» ссылались на благовидное, но псевдонаучное спенсеровское «выживание наиболее приспособленных» как доказательство божественного плана, передающего богатство общества в руки его наиболее агрессивных и безжалостных представителей²⁴⁸.

Миллионеры «позолоченного века», как и сегодняшние надзорные капиталисты, стояли на рубеже огромного разрыва в средствах производства, имея перед собой лишь пустую территорию, на которой можно было изобретать новый промышленный капитализм, свободный от ограничений на использование труда, на характер условий труда, на степень разрушения окружающей среды, на источники сырья или даже на качество собственной продукции. И, как и их коллеги XXI века, они не колеблясь пользовались тем самым законом, который они презирали, размахивая знаменем «частной собственности» и «свободы договора», так же, как надзорные капиталисты вышагивают под флагом свободы слова как оправданием беспрепятственного технологического «прогресса», – тема, к которой мы еще вернемся.

Проникнутые убежденностью в том, что «у государства нет ни права, ни причин вмешиваться в работу экономики», миллионеры «позолоченного века» объединили свои усилия для защиты «прав капитала» и ограничения роли выборных представителей в выработке политики и подготовке законодательства²⁴⁹. Необходимости в законе нет, утверждали они, коль скоро есть «закон эволюции», «законы капитала» и «законы индустриального общества». Джон

²⁴⁸ Robert H. Wiebe, *The Search for Order: 1877–1920* (New York: Hill and Wang, 1967), 135–137. Вибе выделяет основные черты мировоззрения, которое отстаивали эти миллионеры, сплотившись перед лицом угрозы промышленному капиталу со стороны выборов, и это мировоззрение покажется хорошо знакомым всем тем, кто читал оправдания магнатов Кремниевой долины и то, как они восхваляют все связанное с «разрушением» и «предпринимательством». Согласно этому катехизису из XIX века, только «лучшие представители человеческой расы сумели открыть более эффективные способы использования земли, труда и капитала и повели общество за собой, в то время как остальные выстроились вслед за лидерами». Большинству «обычно одаренных» приходится лишь делить между собой то, что осталось после того, как капитал забрал свою долю, а «слабейшие просто исчезают». Результатом должно было стать «постоянно совершенствующееся человечество, проходящее через сито конкуренции». Любое нарушение этих «естественных законов» приведет лишь к «выживанию наименее приспособленных» и обратит вспять эволюцию человечества.

²⁴⁹ David Nasaw, “Gilded Age Gospels,” in *Ruling America: A History of Wealth and Power in a Democracy*, ed. Steve Fraser and Gary Gerstle (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2005), 124–125.

Рокфеллер настаивал на том, что его огромное нефтяное состояние было результатом «естественного закона развития торговли». Джей Гулд, отвечая на вопрос конгресса о необходимости федерального регулирования железнодорожных тарифов, заявил, что тарифы уже регулируются «законами спроса и предложения, производства и потребления»²⁵⁰. Миллионеры мобилизовались в 1896 году, чтобы нанести поражение популистскому демократу Уильяму Дженнингсу Брайану, который пообещал привязать экономическую политику к политической сфере, включая регулирование железных дорог и защиту людей от «грабежа и угнетения»²⁵¹.

Главным для деловой элиты «позолоченного века» было то, что наиболее эффективным способом защиты первородного греха той экономической эпохи было, как выразился Дэвид Насо, «обуздание демократии». Они делали это, щедро финансируя своих собственных политических кандидатов, а также путем тонко отточенной и агрессивно продвигаемой идеологической атаки на само представление о праве демократии на вмешательство в экономическую сферу²⁵². Их отрасли должны были быть «саморегулируемыми» – свободными следовать своим собственным эволюционным законам. «Демократия, – проповедовали они, – имеет свои пределы, на которые избиратели и их выборные представители не смеют посягать, чтобы не навлечь на страну экономические бедствия»²⁵³. Когда мы будем обсуждать возводимые Google укрепления, мы увидим, что компания возродила все эти стратегии и создала новые. Но сначала исследуем те уникальные обстоятельства, которые обеспечили молодой компании защиту и создали условия для открытия человеческого опыта как безграничного ресурса, который нужно было просто забрать себе.

III. Тепличные условия: неолиберальное наследие

Руководству Google также благоприятствовали исторические обстоятельства. И Google, и проект надзорного капитализма в целом выиграли от двух тенденций, которые способствовали созданию уникальной питательной среды для надзорной мутации. Первая из них – это захват государственных механизмов надзора и регулирования экономики США адептами неолиберализма, основные моменты которого мы обсуждали в главе 2²⁵⁴.

Захватывающее исследование профессора права Калифорнийского университета Джоди Шорт эмпирически иллюстрирует роль неолиберальной идеологии как важного объяснения амбиций Google и его способности успешно защитить территорию вне закона²⁵⁵. Шорт проанализировала 1400 статей в юридических журналах на тему регулирования, опубликованных между 1980 и 2005 годами. Как и можно было ожидать, учитывая влияние Хайека и Фридмана, доминирующей темой этой литературы была «принудительная природа государственного управления» и систематическое отождествление отраслевого регулирования с «тиранией» и «авторитаризмом». Согласно этому мировоззрению, любое регулирование обременительно, а с бюрократией надо бороться как с проявлением господства человека над человеком. Шорт отмечает, что в течение рассмотренного периода эти опасения оказали даже более сильное влияние на формирование подходов к регулированию, чем рациональные доводы об издержках и эффективности, и выделяет две исходные причины этих опасений.

---

²⁵⁰ Nasaw, “Gilded Age,” 132.

²⁵¹ Ibid., 146.

²⁵² Lawrence M. Friedman, *American Law in the 20th Century* (New Haven, CT: Yale University Press, 2004), 15–28.

²⁵³ Nasaw, “Gilded Age,” 148.

²⁵⁴ Две выдающиеся работы об этом: Chris Jay Hoofnagle, *Federal Trade Commission: Privacy Law and Policy* (New York: Cambridge University Press, 2016); Julie E. Cohen, “The Regulatory State in the Information Age,” *Theoretical Inquiries in Law* 17, no. 2 (2016), <http://www7.tau.ac.il/ojs/index.php/til/article/view/1425>.

²⁵⁵ Jodi L. Short, “The Paranoid Style in Regulatory Reform,” *Hastings Law Journal* 63 (January 12, 2011): 633.

Первым источником было противодействие реформам Нового курса со стороны американского делового сообщества, которое, в духе пропаганды миллионеров «позолоченного века», подавало регулирование как «праведную борьбу в защиту демократии от диктатуры»²⁵⁶. Вторым источником был страх перед тоталитаризмом и коллективизмом, спровоцированный Второй мировой и холодной войной, прямое наследие Хайека. Эти оборонительные темы пропитали и преобразовали политическую мысль в США и постепенно трансформировали представления политиков о регулирующей роли государства²⁵⁷.

Шорт обнаружила, что в литературе предлагается несколько методов борьбы с «принудительным» государственным регулированием, но наибольшее внимание, особенно после 1996 года – в те самые годы, когда цифровые технологии и интернет вошли в широкий обиход, – уделялось «саморегулированию». Идея была в том, чтобы фирмы устанавливали свои собственные стандарты, следили за своим же соблюдением этих стандартов и даже сами выносили себе оценку, «добровольно сообщая о нарушениях и устраняя их»²⁵⁸. Ко времени публичного размещения акций Google в 2004 году, в глазах правительства и делового сообщества саморегулирование полностью утвердилось в качестве единственного действительно эффективного инструмента регулирования без принуждения и противоядия от любых поползновений к коллективизму и централизации власти²⁵⁹.

Для новых надзорных капиталистов это неолиберальное наследие стало неожиданным подарком. Как заметил другой правовед, Фрэнк Паскуале, оно предлагало модель, которая рассматривает конфиденциальность как конкурентное благо, допуская что «потребители» выбирают только те услуги, которые обеспечивают требуемый им уровень конфиденциальности. Согласно этой точке зрения нормативное вмешательство только подорвало бы конкурентное разнообразие. Кроме того, модель «уведомления и согласия» – «договор по клику» и его «садистские» родственники – считается точным сигналом индивидуального выбора в сфере конфиденциальности²⁶⁰.

Руководству Google, а потом и его «попутчикам» по надзорному проекту также благоприятствовал неолиберальный дух времени, поскольку они искали убежище для своих изобретений под сенью Первой поправки с ее правом на свободу самовыражения. Это спорная и запутанная область, в которой безнадежно перемешались конституционное право и политическая идеология, и я укажу здесь лишь на несколько элементов, чтобы дать лучшее представление о среде, подпитывавшей формирование новой надзорной формы рынка²⁶¹.

²⁵⁶ Замечательный сборник статей на эту тему: Steve Fraser and Gary Gerstle, eds., *The Rise and Fall of the New Deal Order 1930–1980* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1989).

²⁵⁷ Alan Brinkley, *Liberalism and Its Discontents* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2000).

²⁵⁸ Short, “The Paranoid Style,” 44–46.

²⁵⁹ Short, “The Paranoid Style,” 52–53. Историк экономики Филипп Миrowsки резюмирует «метатегезисы», которые с 1980-х гг. помогли превратить неолиберализм в нечто вроде «парадигмы», несмотря на его аморфные, многогранные, а иногда и противоречивые теории и практики. Некоторые из них послужили важным прикрытием для смелых действий, тайных операций и риторических уловок надзорных капиталистов: (1) демократию следовало урезать в пользу активного восстановления государства как агента стабильного рыночного общества; (2) предприниматель и корпорация смешивались, а в качестве основного предмета правовой защиты закреплялись не права граждан, а «корпоративная личность»; (3) свобода определялась негативно, как «свобода от» вмешательства в естественные законы конкуренции, и любой контроль, кроме рыночного, рассматривался как принуждение; и (4) неравенство богатства и прав принималось и даже превозносилось как необходимая черта успешной рыночной системы и движущая сила прогресса. Позже, успех надзорного капитализма, его агрессивная риторика и готовность его лидеров противостоять любым вызовам, как в суде, так и в «суде» общественного мнения, еще больше закрепили эти руководящие принципы в политической жизни, экономической политике и законодательной практике в США. См.: Philip Mirowski, *Never Let a Serious Crisis Go to Waste: How Neoliberalism Survived the Financial Meltdown* (London: Verso, 2013). См. также: Wendy Brown, *Undoing the Demos: Neoliberalism's Stealth Revolution* (New York: Zone Books, 2015); David M. Kotz, *The Rise and Fall of Neoliberal Capitalism* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2015), 166–175.

²⁶⁰ Frank A. Pasquale, “Privacy, Antitrust, and Power,” *George Mason Law Review* 20, no. 4 (2013): 1009–1024.

²⁶¹ Существует множество разнообразных научных работ о том, как интернет-компании прибегали к Первой поправке в попытке защититься от регулирования. Вот только некоторые из многих важных исследований: Andrew Tutt, “The

Суть здесь в том, что права, содержащиеся в Первой поправке, особенно в последние два десятилетия, как правило, интерпретировались в «консервативно-либертарианском» ключе. Как полагает исследователь конституционного права Стивен Хейман:

В последние десятилетия Первая поправка стала одним из важнейших средств, с помощью которых судьи стремились проводить в жизнь консервативно-либертарианскую повестку²⁶².

Это привело ко многим драматическим судебным решениям, включая снятие Верховным судом США всех ограничений на роль денег в избирательных кампаниях, отказ от ограничения «языка вражды» и порнографии, а также его решение, что право на свободное объединение важнее законов штатов о гражданских правах, запрещающих дискриминацию.

Как отмечают многие правоведы, идеологическая ориентация современных судебных решений по поводу Первой поправки утверждает существование тесной связи между свободой слова и правом собственности. Логика, которая связывает собственность с абсолютным правом на свободу самовыражения, привела к тому, что действия корпораций получают статус «высказываний», заслуживающих конституционной защиты²⁶³. Некоторые ученые считают это опасным возвращением к феодальным доктринам, из которых в XVII веке и выросло корпоративное право. Эти средневековые правовые принципы ограничивали власть суверена над «корпорациями аристократии, церкви, гильдий, университетов и городов <...> которые отстаивали право на самоуправление». Одним из результатов этого стало то, что американские суды «быстро замечают возможности для чрезмерного укрепления государства, но гораздо менее охотно видят опасности, связанные с ростом „частной“, не говоря уже о корпоративной, власти»²⁶⁴.

В этом контексте надзорные капиталисты энергично развивают «киберлибертарианскую» идеологию, которую Фрэнк Паскуале назвал «фундаментализмом свободы слова». Их юристы агрессивно настаивают на принципах Первой поправки в попытке отбиться от любой формы надзора или исходящего извне принуждения, которая ограничивает либо размещенный на их платформах контент, либо «алгоритмическое упорядочение информации», создаваемое их машинными операциями²⁶⁵. Как выразился один адвокат, который представлял многих ведущих надзорных капиталистов:

New Speech,” *Hastings Constitutional Law Quarterly*, 41 (July 17, 2013): 235; Richard Hasen, “Cheap Speech and What It Has Done (to American Democracy),” *First Amendment Law Review* 16 (January 1, 2017), http://scholarship.law.uci.edu/faculty_scholarship/660; Dawn Nunziato, “With Great Power Comes Great Responsibility: Proposed Principles of Digital Due Process for ICT Companies” (GWU Law School Public Law research paper, George Washington University, January 1, 2013), http://scholarship.law.gwu.edu/faculty_publications/1293; Tim Wu, “Machine Speech,” *University of Pennsylvania Law Review* 161, no. 6 (2013): 1495; Dawn Nunziato, “Forget About It? Harmonizing European and American Protections for Privacy, Free Speech, and Due Process” (GWU Law School Public Law research paper, George Washington University, January 1, 2015), http://scholarship.law.gwu.edu/faculty_publications/1295; Marvin Ammori, “The ‘New’ *New York Times*: Free Speech Lawyering in the Age of Google and Twitter,” *Harvard Law Review* 127 (June 20, 2014): 2259–95; Jon Hanson and Ronald Chen, “The Illusion of Law: The Legitimizing Schemas of Modern Policy and Corporate Law,” *Legitimizing Schemas of Modern Policy and Corporate Law* 103, no. 1 (2004): 1–149.

²⁶² Steven J. Heyman, “The Third Annual C. Edwin Baker Lecture for Liberty, Equality, and Democracy: The Conservative-Libertarian Turn in First Amendment Jurisprudence” (SSRN Scholarly Paper, Rochester, NY: Social Science Research Network, October 8, 2014), 300, <https://papers.ssrn.com/abstract=2497190>.

²⁶³ Heyman, “The Third Annual C. Edwin Baker Lecture,” 277; Andrew Tutt, “The New Speech”.

²⁶⁴ Daniel J. H. Greenwood, “Neofederalism: The Surprising Foundations of Corporate Constitutional Rights,” *University of Illinois Law Review* 163 (2017): 166, 221.

²⁶⁵ Frank A. Pasquale, “The Automated Public Sphere” (Legal Studies research paper, University of Maryland, November 10, 2017).

У юристов, работающих в этих компаниях, есть экономические причины поддерживать свободное самовыражение. По сути, все эти компании говорят о бизнесе на языке свободы слова²⁶⁶.

В этом отношении надзорные капиталисты не одиноки. Адам Уинклер, историк корпоративных прав, напоминает:

На протяжении всей американской истории самые могущественные корпорации страны прилагали постоянные усилия, чтобы использовать конституцию для борьбы с нежелательными решениями государства²⁶⁷.

Хотя сегодняшние усилия не оригинальны, тщательно выполненная работа Уинклера демонстрирует последствия подобных усилий в прошлом для распределения власти и богатства в американском обществе, а также силу демократических ценностей и принципов каждой эпохи.

Ключевым моментом для нашего повествования об эпохе надзорного капитализма является то, что расширение возможностей для свободного выражения мнений, связанное с интернетом, было во многих жизненно важных аспектах освободительной силой, но этот факт не должен отвлекать нас от другого обстоятельства: фундаментализм свободы слова помешал нам увидеть беспрецедентный характер новой рыночной формы и объяснить ее впечатляющий успех. Конституция используется для прикрытия целого ряда новых практик, антидемократических по своим целям и последствиям и глубоко пагубных для непреходящих ценностей Первой поправки, назначение которых – защита личности от злоупотреблений со стороны власти.

В США законодательные акты конгресса сыграли не менее, а возможно и более, важную роль в укрывании надзорного капитализма от контроля. Наиболее известным из них является законодательный акт, известный как раздел 230 Закона о благопристойности в сфере коммуникаций 1996 года, который защищает владельцев веб-сайтов от судебных исков и преследования со стороны государства за контент, созданный пользователями.

Ни один поставщик или пользователь интерактивной компьютерной службы, – говорится в законе, – не должен рассматриваться как издатель или создатель какой бы то ни было информации, предоставленной другим поставщиком информационного контента²⁶⁸.

Это та нормативно-правовая база, которая позволяет, например, TripAdvisor размещать негативные отзывы об отелях и обеспечивает свободу действий агрессивным троллям Twitter, и ни та ни другая компания не несет ответственности, которую понесло бы СМИ. Раздел 230 утвердил представление о том, что веб-сайты – это не издатели, а «посредники». Как сказал один журналист:

Подать в суд на онлайн-платформу за непристойное сообщение в блоге – все равно что подать в суд на Нью-Йоркскую публичную библиотеку за то, что в ней хранится экземпляр «Лолиты»²⁶⁹.

Как мы увидим, эта логика рушится, когда на сцену выходит надзорный капитализм.

Закрепленная в разделе 230 позиция невмешательства по отношению к компаниям, в полном согласии с господствующей идеологией и практикой «саморегулирования», развязывала руки интернет-компаниям и впоследствии надзорным капиталистам, позволяла делать все, что им заблагорассудится. Статут разрабатывался в 1995 году, на заре развития общедо-

---

²⁶⁶ Ammori, "The 'New' *New York Times*," 2259–2260.

²⁶⁷ Adam Winkler, *We the Corporations* (New York: W. W. Norton, 2018), xxi.

²⁶⁸ "Section 230 of the Communications Decency Act," Electronic Frontier Foundation, n.d., <https://www EFF.ORG/issues/cda230>.

²⁶⁹ Christopher Zara, "The Most Important Law in Tech Has a Problem," *Wired*, January 3, 2017.

ступного интернета. Он был направлен на уточнение степени ответственности посредников за контент на их веб-сайтах и разрешение конфликта, созданного двумя противоречащими друг другу судебными решениями в делах о диффамации²⁷⁰. В 1991 году суд установил, что компания CompuServe не несет ответственности за диффамацию, поскольку она не рассматривала по существу содержание поста, прежде чем он появился в интернете. Суд пришел к выводу, что CompuServe можно сравнить с публичной библиотекой, книжным магазином или газетным киоском – с дистрибьютором, а не издателем.

Четыре года спустя, в 1995 году, одному из первых поставщику веб-сервисов под названием Prodigy был предъявлен иск за клеветническое анонимное сообщение на одной из его досок объявлений. На этот раз суд штата Нью-Йорк пришел к противоположному заключению. Ключевая проблема, по мнению суда, заключалась в том, что Prodigy осуществлял редакторский контроль, модерирова свои доски объявлений. Компания установила правила приемлемого контента и удаляла сообщения, нарушавшие эти стандарты. Суд пришел к выводу, что Prodigy была издателем, а не просто распространителем, поскольку взяла на себя ответственность за контент на своем сайте. Если бы решение суда осталось в силе, интернет-компании столкнулись бы с «парадоксальной, заведомо проигрышной ситуацией: чем больше провайдер будет стараться защитить своих пользователей от непристойных или вредоносных материалов, тем большую ответственность он будет нести за эти материалы»²⁷¹. Интернет-компании стояли перед выбором: «спасители свободы слова или прикрытия для негодяев»²⁷².

Согласно сенатору Рону Уайдену, раздел 230 был призван разрешить это противоречие, поощряя интернет-компании осуществлять некоторый контроль над контентом без риска юридических санкций. В самом первом предложении статута упоминается «защита для „доброе самаритянина“, блокирующего и фильтрующего оскорбительные материалы»²⁷³. Чего Уайден и его коллеги не могли предвидеть и до сих пор не могут постичь, так это то, что логика этого раннего спора больше не применима. Ни CompuServe, ни Prodigy не были надзорными капиталистами, в то время как многие из сегодняшних интернет-посредников посвятили себя доходному надзору за пользователями.

Этот факт в корне меняет взаимосвязи между компанией и контентом на ее платформах и объясняет, почему надзорных капиталистов нельзя сравнивать с Нью-Йоркской публичной библиотекой как нейтральным хранилищем великой книги Набокова. Это было бы очень далеко от истины. При режиме надзорного капитализма контент является таким же источником поведенческого излишка, как и поведение людей, которые предоставляют контент, структуры их связей, общения и передвижения, их мысли и чувства, метаданные, выраженные в их смайликах, восклицательных знаках, списках, сокращениях и приветствиях. Та книга на книжной полке – вместе с историей всех, кто мог к ней прикасаться, включая время, местоположение, поведение, связи и т. д., – теперь стала алмазной шахтой, готовой к разработке и разграблению, к преобразованию в поведенческие данные и загрузке в машины, на пути к выработке и продаже готового продукта. Защита «посредников» в разделе 230 теперь служит еще одним оплотом, укрывающим от критического анализа эти грабительские операции надзорного капитализма.

Сегодня в надзорном посреднике нет ничего нейтрального, поскольку императив извлечения и требуемая им экономия от масштаба при поставках излишка означают, что надзорные капиталисты должны использовать все средства, чтобы завлечь к себе нескончаемый поток

²⁷⁰ David S. Ardia, "Free Speech Savior or Shield for Scoundrels: An Empirical Study of Intermediary Immunity Under Section 230 of the Communications Decency Act" (SSRN Scholarly Paper, Rochester, NY: Social Science Research Network, June 16, 2010), <https://papers.ssrn.com/abstract=1625820>.

²⁷¹ Paul Ehrlich, "Communications Decency Act 230," *Berkeley Technology Law Journal* 17 (2002): 404.

²⁷² Ardia, "Free Speech Savior or Shield for Scoundrels".

²⁷³ См.: Zara, "The Most Important Law in Tech".

контента. Они уже не просто размещают контент, а агрессивно, тайно и в одностороннем порядке извлекают из этого контента стоимость. Как мы увидим в главе 18, экономические императивы требуют не упускать никакие, даже самые незначительные возможности поступления сырья. Это означает смягчение только тех крайностей, которые, отталкивая пользователей или привлекая внимание со стороны контролирующих органов, угрожают объему и скорости поступления излишка. По этой причине такие компании, как Facebook, Google и Twitter, очень неохотно удаляют со своих просторов даже самый вопиющий контент, и это помогает объяснить, почему «юристы технологических компаний яростно судятся, чтобы предотвратить хотя бы крошечную эрозию» раздела 230²⁷⁴. Статут, когда-то созданный для взращивания важной новой технологической среды, теперь стал юридическим оплотом, защищающим асимметрию богатства, знания и власти, присущую мошенническому капитализму.

IV. Тепличные условия: надзорная чрезвычайщина

В своей книге «Надзор после 11 сентября» исследователь надзора Дэвид Лайон пишет, что вслед за нападениями того дня существующие методы наблюдения были интенсифицированы, а прежние ограничения сняты:

После нескольких десятилетий, в течение которых связанные с защитой данных чиновники, следящие за конфиденциальностью гражданские организации, правозащитники и другие пытались смягчить негативные социальные последствия надзора, мы наблюдаем резкий крен в сторону более крайних и бесцеремонных методов надзора²⁷⁵.

Эта резкая переориентация государственной власти и политики после терактов 11 сентября в Нью-Йорке и Вашингтоне была вторым историческим условием, которое создавало благоприятные условия для еще нежных ростков новой формы рынка.

Характеристика Лайона верна²⁷⁶. В годы, предшествовавшие 11 сентября, Федеральная торговая комиссия стала ключевым игроком, направляющим американские споры о конфиденциальности в интернете. По причинам, которые мы уже рассмотрели, комиссия благоприятствовала саморегулированию, и она подталкивала интернет-компании к разработке кодексов поведения, политик конфиденциальности и способов обеспечить их соблюдение²⁷⁷. Но в конеч-

---

²⁷⁴ Ibid.

²⁷⁵ David Lyon, *Surveillance After September 11*, Themes for the 21st Century (Malden, MA: Polity, 2003), 7; Jennifer Evans, "Hijacking Civil Liberties: The USA Patriot Act of 2001," *Loyola University Chicago Law Journal* 33, no. 4 (2002): 933; Paul T. Jaeger, John Carlo Bertot, and Charles R. McClure, "The Impact of the USA Patriot Act on Collection and Analysis of Personal Information Under the Foreign Intelligence Surveillance Act," *Government Information Quarterly* 20, no. 3 (2003): 295–314.

²⁷⁶ В США первая волна законодательства, закреплявшего неприкосновенность частной жизни потребителя, прошла еще в 1970-х гг., когда конгресс принял важные знаковые законопроекты, такие как Закон о добросовестной кредитной отчетности (Fair Credit Reporting Act) 1970 г. и Принципы добросовестной информационной практики (Fair Information Practices Principles) 1973 г. В Европе ОЭСР приняла жесткий свод руководящих принципов в области конфиденциальности в 1980 г., а в 1998 вступила в силу первая Директива ЕС о защите данных. См.: Peter Swire, "The Second Wave of Global Privacy Protection: Symposium Introduction," *Ohio State Law Journal* 74, no. 6 (2013): 842–43; Peter P. Swire, "Privacy and Information Sharing in the War on Terrorism," *Villanova Law Review* 51, no. 4 (2006): 951; Ibrahim Altaweel, Nathaniel Good, and Chris Jay Hoofnagle, "Web Privacy Census," *Technology Science*, December 15, 2015, <https://techscience.org/a/2015121502>.

²⁷⁷ Swire, "Privacy and Information Sharing," 951; Swire, "The Second Wave"; Hoofnagle, *Federal Trade Commission*; Brody Mullins, Rolfe Winkler, and Brent Kendall, "FTC Staff Wanted to Sue Google," *Wall Street Journal*, March 20, 2015; Daniel J. Solove and Woodrow Hartzog, "The FTC and the New Common Law of Privacy," *Columbia Law Review* 114, no. 3 (2014): 583–676; Brian Fung, "The FTC Was Built 100 Years Ago to Fight Monopolists. Now, It's Washington's Most Powerful Technology Cop," *Washington Post*, September 25, 2014, <https://www.washingtonpost.com/blogs/the-switch/wp/2014/09/25/the-ftc-was-built-100-years-ago-to-fight-monopolists-now-its-washingtons-most-powerful-technology-cop/>; Stephen Labaton, "The Regulatory Signals Shift; F.T.C. Serves as Case Study of Differences Under Bush," *New York Times*, June 12, 2001, <http://www.nytimes.com/2001/06/12/business/the-regulatory-signals-shift-ftc-serves-as-case-study-of-differences-under-bush.html>; Tanzina Vega and Edward Wyatt, "U.S. Agency Seeks Tougher Consumer Privacy Rules," *New York Times*, March 26, 2012, <http://www.nytimes.com/2012/03/27/>

ном итоге комиссия пришла к выводу, что для защиты конфиденциальности индивидуального потребителя в сети саморегулирования недостаточно. В 2000 году, всего за год до нападения 11 сентября, открытия Google поведенческого излишка и успеха AdWords, большинство членов комиссии опубликовало отчет, в котором рекомендовалось принять законодательство, регулирующее конфиденциальность в интернете:

Поскольку на сегодняшний день усилия по саморегулированию весьма далеки от широкого внедрения соответствующих программ, то Комиссия пришла к выводу, что подобные инициативы сами по себе не могут гарантировать, что онлайн-рынок в целом будет следовать стандартам, принятым лидерами отрасли <...> несмотря на несколько лет усилий бизнеса и правительства.

В докладе отмечалось, что лишь 8 % популярных веб-сайтов были отмечены знаком одобрения хотя бы одной из организаций, следящих в отрасли за соблюдением конфиденциальности²⁷⁸.

Члены комиссии далее излагали примерный план федерального законодательства, которое защитило бы потребителей в интернете, несмотря на распространенное предубеждение против регулирования и в пользу трактовки интернет-операций как свободы слова. Эти рекомендации требовали «четкого и заметного» уведомления об информационных практиках; наличия у потребителя выбора в отношении того, как будет использоваться персональная информация; доступ ко всей собранной персональной информации, предусматривающий право на ее исправление или удаление; и усиленная защита личной информации²⁷⁹. Если бы все это воплотилось в законе, то вполне возможно, что многие из основополагающих элементов надзорного капитализма стали бы либо просто незаконными, либо по крайней мере подлежали бы публичному обсуждению и оспариванию.

Усилия Федеральной торговой комиссии оказались недолговечными. По словам Питера Суайра, главного советника по вопросам конфиденциальности в администрации Клинтона, а позже члена Аналитической группы президента Обамы по разведывательным и коммуникационным технологиям, «нападения 11 сентября 2001 года изменили все. Теперь решительный

---

business/ftc-seeks-privacy-legislation.html.

²⁷⁸ Robert Pitofsky et al., “Privacy Online: Fair Information Practices in the Electronic Marketplace: A Federal Trade Commission Report to Congress,” Federal Trade Commission, May 1, 2000, 35, <https://www.ftc.gov/reports/privacy-online-fair-information-practices-electronic-marketplace-federal-trade-commission>.

²⁷⁹ Pitofsky et al., “Privacy Online,” 36–37. В предлагаемом законодательстве будет установлен базовый уровень защиты конфиденциальности частной жизни для всех посещений коммерческих интернет-сайтов, ориентированных на потребителя, в части, еще не предусмотренной Законом о защите конфиденциальности частной жизни детей в интернете (Children’s Online Privacy Protection Act, COPPA). Такое законодательство установит основные стандарты деятельности, связанной со сбором информации онлайн, и будет предусматривать создание органа по контролю за их исполнением, с полномочиями по принятию более подробных стандартов в соответствии с Законом об административных процедурах (Administrative Procedure Act), включая полномочия по обеспечению соблюдения этих стандартов. Все коммерческие потребительские интернет-сайты, собирающие онлайн-информацию от потребителей или о них, с помощью которой можно установить их личность, в той мере, в какой это не охватывается COPPA, должны будут соответствовать четырем общепринятым принципам добросовестной информационной практики: (1) Уведомление. Веб-сайты должны будут предоставлять потребителям четкое, расположенное на видном месте уведомление об их информационных практиках, в том числе о том, какую информацию они собирают, как они ее собирают (например, непосредственно или с помощью неочевидных средств, таких, как файлы cookie), как они ее используют, как они реализуют для потребителей принципы Выбора, Доступа и Безопасности, раскрывают ли они собранную информацию другим и не собирает ли информацию через данный сайт кто-либо другой. (2) Выбор. Веб-сайты должны будут предлагать потребителям возможность выбора способов использования идентифицирующей их информации, выходящих за пределы того, для чего была предоставлена информация (например, для совершения сделки). Такой выбор будет касаться как внутреннего вторичного использования (такого, как маркетинг среди потребителей), так и внешнего вторичного использования (такого, как раскрытие данных третьим сторонам). (3) Доступ. Веб-сайты должны будут предоставлять потребителям, в разумных пределах, доступ к информации о них, собранной на веб-сайте, включая возможность, в разумных пределах, просматривать информацию и исправлять неточности или удалять информацию. (4) Безопасность. Веб-сайты должны будут принимать разумные меры для защиты собираемой ими у потребителей информации.

упор был сделан на безопасность, а не на конфиденциальность»²⁸⁰. Положения о конфиденциальности, обсуждавшиеся всего несколькими месяцами ранее, ушли с повестки дня более или менее в одночасье. Как в Конгрессе США, так и в странах ЕС было быстро введено в действие законодательство, которое резко расширило надзорную деятельность. Конгресс США принял «Патриотический акт», создал Программу выявления потенциальных террористов и ввел целый ряд других мер, которые существенно расширили возможности для сбора личной информации, не требующих для этого получения разрешения от суда. События 11 сентября также вызвали устойчивый поток законов, расширявших полномочия разведки и правоохранительных органов, по всей Европе, включая Германию (страну, особенно восприимчивую к попыткам надзора над гражданами после гнета нацистского и сталинского тоталитаризма), Великобританию и Францию²⁸¹.

В США неспособность вовремя «сопоставить факты» и предотвратить террористическую атаку стала источником стыда и смятения, которые оказались сильнее остальных соображений. Руководящим принципом при выработке политики вместо «необходимости знать» стала «необходимость делиться», и ведомствам настоятельно рекомендовали ломать стены и объединять базы данных для получения более полной информации и анализа²⁸². Параллельно с этим, как отмечает специалист по конфиденциальности Крис Джей Хуфнагл, угроза принятия всеобъемлющего законодательства по конфиденциальности также мобилизовала деловое сообщество и его лоббистов на политику «смягчить или остановить» в отношении любого потенциального законопроекта. В политической обстановке после 11 сентября эти две силы объединились и добились легкой победы²⁸³.

Ключевой мишенью был интернет. Директор ЦРУ Майкл Хейден признал это в 2013 году, когда сказал аудитории, что в годы, последовавшие за 11 сентября, ЦРУ «можно справедливо обвинить в милитаризации всемирной паутины»²⁸⁴. Первой жертвой стало законодательство по регулированию конфиденциальности в интернете. Марк Ротенберг, директор Информационного центра по электронной конфиденциальности (EPIC), дал показания Комиссии по расследованию событий 11 сентября о внезапном изменении отношения к конфиденциальности, отметив, что до 11 сентября «едва ли кто-то конструктивно обсуждал создание методов, которые обеспечивали бы массовый надзор и в то же время защищали конфиден-

²⁸⁰ Swire, "The Second Wave," 845.

²⁸¹ Paul M. Schwartz, "Systematic Government Access to Private-Sector Data in Germany," *International Data Privacy Law* 2, no. 4 (2012): 289, 296; Ian Brown, "Government Access to Private-Sector Data in the United Kingdom," *International Data Privacy Law* 2, no. 4 (2012): 230, 235; W. Gregory Voss, "After Google Spain and Charlie Hebdo: The Continuing Evolution of European Union Data Privacy Law in a Time of Change," *Business Lawyer* 71, no. 1 (2015): 281; Mark Scott, "Europe, Shaken by Paris Attacks, Weighs Security with Privacy Rights," *New York Times – Bits Blog*, September 18, 2015; Frank A. Pasquale, "Privacy, Antitrust, and Power," *George Mason Law Review* 20, no. 4 (2013): 1009–1024; Alissa J. Rubin, "Lawmakers in France Move to Vastly Expand Surveillance," *New York Times*, May 5, 2015, <http://www.nytimes.com/2015/05/06/world/europe/french-legislators-approve-sweeping-intelligence-bill.html>; Georgina Prodhon and Michael Nienaber, "Merkel Urges Germans to Put Aside Fear of Big Data," *Reuters*, June 9, 2015, <https://www.reuters.com/article/us-germany-technology-merkel/merkel-urges-germansto-put-aside-fear-of-big-data-idUSKBN0OP2EM 20150609>.

²⁸² Richard A. Clarke et al., *The NSA Report: Liberty and Security in a Changing World* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2014), 27, 29; Declan McCullagh, "How 9/11 Attacks Reshaped U.S. Privacy Debate," *CNET*, September 9, 2011, <http://www.cnet.com/news/how-911-attacks-reshaped-u-s-privacy-debate>. «Отчет АНБ», подготовленный группой экспертов при президенте в 2013 г., описывает переданные разведке полномочия, которые сделали это возможным: «Нападения 11 сентября наглядно продемонстрировали потребность в подробной информации о деятельности потенциальных террористов <...> часть информации, которая могла оказаться полезной, не была собрана, а другая часть, которая могла бы помочь предотвратить нападения, не была передана другим ведомствам <...> Было ясно одно: если правительство будет проявлять чрезмерную осторожность в своих усилиях по выявлению и предотвращению террористических нападений, последствия для страны могут оказаться катастрофическими».

²⁸³ Hoofnagle, *Federal Trade Commission*, 158.

²⁸⁴ См.: Andrea Peterson, "Former NSA and CIA Director Says Terrorists Love Using Gmail," *Washington Post*, September 15, 2013, <https://www.washingtonpost.com/news/the-switch/wp/2013/09/15/former-nsa-and-cia-director-says-terrorists-love-using-gmail>.

циальность»²⁸⁵. Суайр вторил ему, отмечая, что в результате нового упора на обмен информацией «Конгресс утратил интерес к регулированию использования информации в частном секторе <...> Без этой угрозы со стороны законодательства, многие программы саморегулирования, действовавшие в отрасли, просто сдулись»²⁸⁶. В Федеральной торговой комиссии центр внимания сместился с широкой обеспокоенности правом на неприкосновенность частной жизни на политически более приемлемую стратегию, во главу угла в которой встало понятие «ущерба» – рассматривались только случаи, позволявшие установить конкретный физический или экономический ущерб, такой как кража идентичности или безопасность базы данных²⁸⁷.

В условиях, когда о законодательстве можно было больше не волноваться, политическую среду, в которой надзорный капитализм пустит корни и пойдет в рост, стали формировать другие силы. Террористические атаки 11 сентября втянули спецслужбы в непривычную для них кривую спроса, которая требовала все более быстрой реакции с их стороны. При всей своей секретности даже АНБ подчинялось временным и юридическим ограничениям демократического государства. Демократия по самой своей природе неповоротлива, будучи отягощена дублированием функций, сдержками и противовесами, законами и нормами. Спецслужбы стремились в своей деятельности к таким методам, которые позволяли бы оперативно обходить юридические и бюрократические ограничения.

В этой обстановке травмы и тревоги было объявлено «чрезвычайное положение», которое узаконивало новый императив – скорость любой ценой. Как сказал Лайон:

События 11 сентября привели к негативным последствиям для общества, которые до сих пор были знакомы по репрессивным режимам и романам-антиутопиям <...> Приостановка нормального хода дел оправдывается ссылками на «войну с терроризмом»²⁸⁸.

Для нашей истории критически важно, что это чрезвычайное положение способствовало росту Google и успешному развитию его основанной на надзоре логики накопления.

Миссия Google состояла в том, чтобы «организовать информацию всего мира и сделать ее общедоступной», и к концу 2001 года разведывательное сообщество установило «информационное доминирование» в общественном пространстве, быстро институционализировав его в виде спонсируемой государством глобальной технологической инфраструктуры, персонала и операций, стоимостью в сотни миллиардов долларов. Начали прорисовываться контуры новой взаимозависимости между государственными и частными игроками информационного доминирования, и это лучше всего понимать сквозь призму того, что социолог Макс Вебер в свое время назвал «избирательным сродством», порождением взаимного притяжения, коренящегося в общих значениях, интересах и взаимовыгодных обменах²⁸⁹.

Это избирательное сродство между государственными спецслужбами и Google как начинающим надзорным капиталистом, в условиях чрезвычайного положения расцвело, чтобы породить уникальную историческую деформацию: *надзорную чрезвычайищину*. Атаки 11 сентября изменили интерес правительства к Google, по мере того как практики, над которыми всего несколькими часами ранее, казалось, нависли законодательные ограничения, были быстро перекавалифицированы в жизненно важные потребности. Обе институции жаждали

²⁸⁵ Marc Rotenberg, "Security and Liberty: Protecting Privacy, Preventing Terrorism," testimony before the National Commission on Terrorist Attacks upon the United States, 2003.

²⁸⁶ Swire, "The Second Wave," 846.

²⁸⁷ Hoofnagle, *Federal Trade Commission*, Chapter 6.

²⁸⁸ Lyon, *Surveillance After September 11*, 15.

²⁸⁹ Richard Herbert Howe, "Max Weber's Elective Affinities: Sociology Within the Bounds of Pure Reason," *American Journal of Sociology* 84, no. 2 (1978): 366–385.

надежной информации и были полны решимости утолить эту жажду, каждая в своей сфере, любой ценой. Это избирательное сродство поддержало на плаву надзорную чрезвычайщину и способствовало созданию плодородной среды, которая будет питать мутацию надзорного капитализма и приведет ее к процветанию.

Избирательное сродство между государственной и частной миссиями было очевидно еще в 2002 году, когда бывший советник президента по вопросам национальной безопасности адмирал Джон Пойндекстер предложил свою программу «Полного владения информацией» (Total Information Awareness, TIA), опирающуюся на взгляды и представления, которые выглядят как одно из первых руководств по основам сбора и анализа поведенческого излишка:

Если террористические организации собираются спланировать и осуществить нападение на Соединенные Штаты, их члены должны взаимодействовать между собой, и они оставят свои следы в этом информационном пространстве <...> Мы должны быть в состоянии выделить этот сигнал из шума <...> для выполнения этой задачи соответствующая информация, извлеченная из этих данных, должна быть собрана в крупномасштабных хранилищах с расширенным семантическим контентом, доступным для анализа²⁹⁰.

Как заявил в 1997 году директор ЦРУ Джордж Тенет, «ЦРУ должно чувствовать себя в Долине как рыба в воде», имея в виду необходимость освоить новые технологии, идущие из Кремниевой долины²⁹¹. В 1999 году, чтобы держать руку на пульсе современных технологий, ЦРУ открыло и финансировало венчурную фирму In-Q-Tel. Операция была задумана как экспериментальная, но после 11 сентября она стала критически важным источником новых возможностей и связей, в том числе с Google. Как сообщало базирующееся в Кремниевой долине издание Mercury News, «В ЦРУ возникло новое чувство неотложной необходимости поиска технологии, которая осмыслила бы все неструктурированные данные, разбросанные по интернету и другим местам. Агентство не может обучить аналитиков достаточно быстро». Генеральный директор In-Q-Tel сказал, что правительственные учреждения «подняты по тревоге» и отметил, что «мы сейчас развиваем лихорадочную деятельность»²⁹².

В условиях этой лихорадочной деятельности надзорная чрезвычайщина цвела пышным цветом. Программа «Полного владения информацией» Пойндекстера не получила поддержки в конгрессе, но анализ, опубликованный в журнале MIT Technology Review, показал, что многие из задач этой программы были без лишнего шума переназначены пентагоновскому Отделу по передовым исследованиям и разработкам (Advanced Research and Development Activity, ARDA), который в 2002 году получил 64 миллиона долларов на финансирование исследовательской программы в сфере «нового интеллекта на основе больших данных». В 2004 году Счетная палата США обследовала 199 проектов по сбору данных в десятках федеральных агентств, а также более 120 программ, предназначенных для сбора и анализа персональных данных в целях прогнозирования индивидуального поведения²⁹³. Газета The New York Times в 2006 году сообщала, что спецслужбы, опираясь на ежегодный бюджет в 40 миллиардов долларов, регулярно устраивали скрытные «шопинг-туры» в Кремниевую долину в поисках новых технологий сбора и анализа данных²⁹⁴.

---

²⁹⁰ См.: Joe Feuerherd, “‘Total Information Awareness’ Imperils Civil Rights, Critics Say,” *National Catholic Reporter*, November 29, 2002, http://natcath.org/NCR_Online/archives2/2002d/112902/112902d.htm.

²⁹¹ См.: Matt Marshall, “Spying on Startups,” *Mercury News*, November 17, 2002.

²⁹² Marshall, “Spying on Startups”.

²⁹³ Mark Williams Pontin, “The Total Information Awareness Project Lives On,” *MIT Technology Review*, April 26, 2006, <https://www.technologyreview.com/s/405707/the-total-information-awareness-project-lives-on>.

²⁹⁴ John Markoff, “Taking Spying to Higher Level, Agencies Look for More Ways to Mine Data,” *New York Times*, February 25,

Спецслужбы искали способы воспользоваться быстро растущими возможностями Google и одновременно использовать Google для дальнейшей разработки, коммерциализации и распространения технологий, связанных с безопасностью и надзором и имеющих доказанную ценность для разведки. Если программу «Полного владения информацией» нельзя полноценно разрабатывать и вводить в действие в Вашингтоне, то отдельные части этой работы можно делегировать Кремниевой долине и ее лидеру в информационном доминировании – Google. К концу лета 2003 года Google получил контракт на 2,07 миллиона долларов на оснащение Агентства национальной безопасности поисковой технологией Google. Согласно документам, полученным некоммерческой организацией Consumer Watchdog на основании Закона о свободе информации, АНБ заплатило Google за «механизм поиска, способный искать среди 15 миллионов документов на двадцати четырех языках». В апреле 2004 Google на безвозмездной основе продлил свои услуги еще на один год²⁹⁵.

В 2003 году Google в соответствии со специальным контрактом с ЦРУ также начал поддерживать поисковую систему для входящей в его состав Службы управления Intelink, «контролируя сверхсекретные, секретные и просто конфиденциальные, но не секретные сети Intranet для ЦРУ и других разведывательных агентств»²⁹⁶. Ключевые агентства использовали системы Google для поддержки своего внутреннего вики под названием Intellipedia, который позволял агентам делиться информацией с другими организациями сразу же после того, как она «всасывалась» в новые системы²⁹⁷. В 2004 году Google приобрел основанную Джоном Ханке компанию спутниковой картографии Keyhole, основным венчурным спонсором которой была венчурная фирма ЦРУ, In-Q-Tel. Keyhole станет основой для сервиса Google Планета Земля, а Ханке впоследствии возглавит сервис Google Карты, включая спорный проект Просмотр улиц. В 2009 году Google Ventures и In-Q-Tel инвестировали в бостонский стартап Recorded Future, который отслеживает все аспекты сети в режиме реального времени с целью прогнозирования будущих событий. Тем самым, сообщал журнал Wired, впервые эта поддерживаемая ЦРУ венчурная фирма и Google финансировали один и тот же стартап и обе фирмы имели представителей в совете директоров Recorded Future²⁹⁸.

В течение десятилетия, последовавшего за 11 сентября, надзорная чрезвычайщина также вылилась в «лесть подражанием», когда АНБ пыталось стать «немного похожим на Google», воспроизводя, с переменным успехом, возможности Google в различных областях. В 2006 году генерал Кит Александер изложил свое видение поискового инструмента под названием ICREACH, который «позволил бы совместно использовать и анализировать беспрецедентные объемы <...> метаданных силами сразу многих агентств в рамках разведывательного сообщества». К концу 2007 года программа была апробирована, что привело к увеличению количества отдельных совместных коммуникаций с 50 миллиардов до более 850 миллиардов. Эта система была разработана с «Google-подобным» поисковым интерфейсом, позволявшим аналитикам выполнять поиск с учетом желаемых метаданных и извлекать жизненно важный поведенческий излишек в целях анализа, который мог бы выявить «социальные сети», «образ жизни» и «привычки» и в целом «предсказывать будущее поведение»²⁹⁹. В 2007 году два аналитика

2006, <http://www.nytimes.com/2006/02/25/technology/25data.html>.

²⁹⁵ Inside Google, “Lost in the Cloud: Google and the US Government,” Consumer Watchdog, January 2011, insidegoogle.com/wpcontent/uploads/2011/01/GOOGGovfinal012411.pdf.

²⁹⁶ Nafeez Ahmed, “How the CIA Made Google,” *Medium* (blog), January 22, 2015, <https://medium.com/insurge-intelligence/how-the-cia-made-google-e836451a959e>.

²⁹⁷ Verne Kopytoff, “Google Has Lots to Do with Intelligence,” *SFGate*, March 30, 2008, <http://www.sfgate.com/business/article/Google-has-lots-to-do-with-intelligence-3221500.php>.

²⁹⁸ Noah Shachtman, “Exclusive: Google, CIA Invest in ‘Future’ of Web Monitoring,” *Wired*, July 28, 2010, <http://www.wired.com/2010/07/exclusive-google-cia>.

²⁹⁹ Ryan Gallagher, “The Surveillance Engine: How the NSA Built Its Own Secret Google,” *Intercept* (blog), August 25, 2014, <https://firstlook.org/theintercept/2014/08/25/icreach-nsa-cia-secret-google-crisscross-proton>.

АНБ написали внутреннее учебное пособие по поиску информации в интернете. В нем выразилась острая заинтересованность агентства во всем, что связано с Google, а одна подробная глава подвергала подробному разбору Поиск Google и «хаки», которые позволяли раскопать информацию, не предназначенную для публичного распространения³⁰⁰.

В том году избирательное сродство, питавшее интерес разведывательного сообщества к Google, снова вышло на первый план, когда директор Google по исследованиям и эксперт по искусственному интеллекту Питер Норвиг выступил на конференции Pentagon Highlands – эксклюзивном сетевом мероприятии, на котором представители военных и спецслужб общаются с представителями индустрии высоких технологий, выборными должностными лицами, элитными учеными, топ-менеджерами корпораций и оборонными подрядчиками. В 2001 году директор этого форума Ричард О’Нил, выступая в Гарварде, охарактеризовал его работу как «генератор идей, такой, что идеи, возникающие на подобных собраниях, доступны для применения теми, кто принимает решения, а также людьми из мозговых центров»³⁰¹. Это должно было стать мостом между правительством и лидерами бизнеса, особенно Кремниевой долины³⁰². Согласно одному очень подробному материалу журналиста-расследователя Нафиза Ахмеда, цитируемому юристом Мэри Энн Фрэнкс, форум был и системой поддержки, и инкубатором роста Google, а также силой, связывающей и объединяющей Пентагон, спецслужбы и молодую компанию:

Инкубация Google разведывательным сообществом США с самого начала происходила благодаря сочетанию прямого спонсирования и неформальных сетей финансового влияния, которые, в свою очередь, тесно связаны с интересами Пентагона³⁰³.

Другой правовед назвал «сотрудничество» между Google и разведывательным сообществом, особенно АНБ, «беспрецедентным»³⁰⁴.

В течение этих лет ученые отмечали растущую взаимозависимость между спецслужбами, недовольными конституционными ограничениями своих прерогатив, и фирмами Кремниевой долины³⁰⁵. Агентства жаждали проникнуть на территорию вне закона, доступом к которой пользовалась такая фирма, как Google. В своей статье 2008 года «Конституция в государстве

³⁰⁰ Robyn Winder and Charlie Speight, “Untangling the Web: An Introduction to Internet Research,” National Security Agency Center for Digital Content, March 2013, http://www.governmentattic.org/8docs/UntanglingTheWeb-NSA_2007.pdf.

³⁰¹ Richard O’Neill, *Seminar on Intelligence, Command, and Control* (Cambridge, MA: Highlands Forums Press, 2001), http://www.pirp.harvard.edu/pubs_pdf/o'neill/o'neill-i01-3.pdf; Richard P. O’Neill, “The Highlands Forum Process,” interview by Oettinger, April 5, 2001.

³⁰² Mary Anne Franks, “Democratic Surveillance” (SSRN Scholarly Paper, Rochester, NY: Social Science Research Network, November 2, 2016), <https://papers.ssrn.com/abstract=2863343>.

³⁰³ Ahmed, “How the CIA Made Google”.

³⁰⁴ Stephanie A. DeVos, “The Google-NSA Alliance: Developing Cybersecurity Policy at Internet Speed,” *Fordham Intellectual Property, Media and Entertainment Law Journal* 21, no. 1 (2011): 173–227.

³⁰⁵ Избирательное сродство, связывающее деятельность правительства с Google и более широким коммерческим надзорным проектом, стало очевидным в течение десятилетия, последовавшего за 11 сентября, когда АНБ старалось уподобиться Google, анализируя и интегрируя возможности Google в различных областях. Более подробные размышления об этом см. в: “Lost in the Cloud: Google and the US Government,” *Inside Google*, January 2011, insidegoogle.com/wp-content/uploads/2011/01/GOOGGovfinal012411.pdf; Ahmed, “How the CIA Made Google”; Verne Kopytoff, “Google Has Lots to Do with Intelligence,” *SFGate*, March 30, 2008, <http://www.sfgate.com/business/article/Google-has-lots-to-do-with-intelligence-3221500.php>; “Google Acquires Keyhole Corp—News Announcements,” *Google Press*, October 27, 2004, <http://googlepress.blogspot.com/2004/10/google-acquires-keyhole-corp.html>; Josh G. Lerner et al., “In-Q-Tel: Case 804–146,” *Harvard Business School Publishing*, February 2004, 1–20; Winder and Speight, “Untangling the Web”; Gallagher, “The Surveillance Engine”; Ellen Nakashima, “Google to Enlist NSA to Help It Ward Off Cyberattacks,” *Washington Post*, February 4, 2010, <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2010/02/03/AR2010020304057.html>; Mike Scarcella, “DOJ Asks Court to Keep Secret Any Partnership Between Google, NSA,” *BLT: Blog of Legal Times*, March 9, 2012, 202, <http://legaltimes.typepad.com/blt/2012/03/doj-asks-court-to-keep-secret-any-partnership-between-google-nsa.html>; Shane Harris, *@WAR: The Rise of the Military-Internet Complex* (Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2014), 175.

национального надзора» профессор права Джек Балкин отметил, что, поскольку конституция не дает возможности правительственным субъектам быстро добиваться своих целей в области надзора, это создает стимулы для правительства «полагаться на частное предпринимательство, когда речь заходит о сборе и генерировании информации для себя»³⁰⁶. По словам Балкина, Верховный суд почти не накладывает особых ограничений на конфиденциальность полученных бизнесом данных или информации, которая передается третьим лицам. Электронная почта, как правило, хранится на частных серверах, что делает ее защищенность «в лучшем случае ограниченной». Это отсутствие закона сделало частные компании привлекательными партнерами для государственных игроков, связанных демократическими ограничениями.

По словам правоведа Джона Майклса, потребность правительства в уклонении от конституционного надзора ведет к тайному сотрудничеству между разведкой с частным сектором, которое, как правило, «организовано на основе рукопожатий, а не юридических формальностей вроде ордеров на обыск – по всей видимости, чтобы уйти от надзора, а иногда и ради прямого нарушения закона»³⁰⁷. Он заметил, что частные источники данных, собранных фирмами, неотразимо привлекают к себе спецслужбы, которые «в некоторых отношениях зависят» от них³⁰⁸.

Замечания обоих ученых получили подтверждение в 2010 году, когда бывший директор АНБ Майк Макконнелл еще немного приоткрыл завесу над избирательным сродством между Google и разведывательным сообществом. В статье в газете *Washington Post* Макконнелл дал ясно понять, что основанные на надзоре операции Google по сбору, извлечению и анализу данных считаются чем-то само собой разумеющимся и очень желанным. Границы частного и общественного в этом случае расплываются под мощным напором новых угроз и создаваемых ими неотложных требований, которые должны удовлетворяться за «миллисекунды». В будущем Макконнелла существует единая «бесшовная» империя надзора, в которой требования самосохранения не оставляют места для демократии с ее медлительными обычаями надлежащей правовой процедуры, сбора доказательств, получения ордеров и соблюдения законности. Как настаивал Макконнелл,

Следует сформировать эффективное партнерство с частным сектором, чтобы информация могла быстро перемещаться из государственного сектора в частный и обратно, рассекречиваться и засекречиваться <...> ради защиты критической инфраструктуры страны. Недавние сообщения о возможном партнерстве между Google и государством указывают на те самые виды совместных усилий – и общих проблем, – которые, вероятно, ждут нас в будущем <...> подобная схема смешивает карты традиционных ролей правительства и частного сектора <...> Киберпространство не знает границ, и наши оборонительные усилия должны быть такими же бесшовными³⁰⁹.

В последние месяцы работы администрации Обамы тогдашний министр обороны Эш Картер совершил поездку по Кремниевой долине, где объявил о создании нового Консультативного совета по оборонным инновациям, предназначенного для официального оформле-

---

³⁰⁶ Jack Balkin, “The Constitution in the National Surveillance State,” *Minnesota Law Review* 93, no. 1 (2008), http://digitalcommons.law.yale.edu/fss_papers/225.

³⁰⁷ Jon D. Michaels, “All the President’s Spies: Private-Public Intelligence Partnerships in the War on Terror,” *California Law Review* 96, no. 4 (2008): 901–966.

³⁰⁸ Michaels, “All the President’s Spies,” 908; Chris Hoofnagle, “Big Brother’s Little Helpers: How ChoicePoint and Other Commercial Data Brokers Collect and Package Your Data for Law Enforcement,” *North Carolina Journal of International Law and Commercial Regulation* 29 (January 1, 2003): 595; Junichi P. Semitsu, “From Facebook to Mug Shot: How the Dearth of Social Networking Privacy Rights Revolutionized Online Government Surveillance,” *Pace Law Review* 31, no. 1 (2011).

³⁰⁹ Mike McConnell, “Mike McConnell on How to Win the Cyber-War We’re Losing,” *Washington Post*, February 28, 2010, <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/story/2010/02/25/ST2010022502680.html>.

ния канала взаимодействия между руководством технологических компаний и министерством обороны. Картер включил в новый совет Шмидта и поручил ему выбрать его членов. Как заключает журнал *Wired*, «правительство нуждается в Кремниевой долине как никогда прежде, стремясь защититься от угроз безопасности в киберпространстве»³¹⁰. Эти факты наглядно и всесторонне иллюстрируются в сборнике статей «Массовый сбор», написанном международной группой ученых под редакцией Фреда Кейта (Индианский университет) и Джеймса Демпси (Беркли). Кейт и Демпси отмечают «обширное агрегирование» личных данных в руках частных компаний:

Правительства по понятным причинам хотят получить доступ к этим данным. <...> По сути, все правительства в мире заявляют о своем праве на то, чтобы заставлять компании, хранящие эти данные, раскрывать их³¹¹.

Если бы не надзорная чрезвычайщина, вполне возможно, что этих данных даже не существовало бы, по крайней мере в нынешних объемах и с нынешним уровнем детализации.

Надзорная чрезвычайщина помогла сформировать эволюционную траекторию информационного капитализма, создав среду, в которой зарождающиеся надзорные практики Google горячо приветствовались, вместо того чтобы критиковаться. Повторим – история не дает нам контрольных групп и мы не можем с уверенностью сказать, что информационный капитализм принял бы другое направление развития, если бы не внезапный новый интерес к возможностям надзора. Но на сегодняшний день дело выглядит так, что одним из непредвиденных последствий этого избирательного сродства между государственным и частным стало то, что зеленым росткам надзорного капитализма позволено было укорениться и взойти без особых препятствий со стороны законодательства или контролирующих органов. Это поощряло молодое руководство Google настаивать на том, что действие существующих законов на них не распространяется, видя в этом естественное право, и, под еще более густым покровом секретности, подталкивало государство предоставить ему эту свободу.

Мощное избирательное сродство способствовало стремлению получать надежную информацию любой ценой, и частью этой цены, по-видимому, было создание тепличных условий для надзорного капитализма. Со временем историки, без сомнения, раскроют детали этих отношений и то, как открытия Google в области получения и использования поведенческого излишка оказались защищенными от критического внимания, по крайней мере отчасти, в силу этого нового спроса со стороны военных.

В контексте новой военной ориентации цифровой потенциал, задействованный, в духе ценностей гражданского общества, в цикле реинвестирования поведенческой стоимости, был беспрепятственно развернут в сторону надзора. Средства надзора процветали без риска применения санкций и привлекали надзорный капитал. Доходы не заставили себя ждать. Это напоминает ситуацию в автомобильной, сталелитейной и станкостроительной отраслях середины XX века, когда благодаря военным заказам заводы могли работать на полную мощность. В конечном счете, однако, это оказалось сомнительным благом. Спрос со стороны военных искажал и подавлял инновационный процесс и вбивал клин между этими отраслями и их гражданскими клиентами, делая их уязвимыми перед лицом иностранной конкуренции на все более глобальных рынках конца 1970-х – начала 1980-х годов³¹².

---

³¹⁰ Davey Alba, “Pentagon Taps Eric Schmidt to Make Itself More Google-ish,” *Wired*, March 2, 2016, <https://www.wired.com/2016/03/ex-google-ceo-eric-schmidt-head-pentagon-innovation-board>; Lee Fang, “The CIA Is Investing in Firms That Mine Your Tweets and Instagram Photos,” *Intercept*, April 14, 2016, <https://theintercept.com/2016/04/14/in-undisclosed-cia-investments-socialmedia-mining-looms-large>.

³¹¹ Fred H. Cate and James X. Dempsey, eds., *Bulk Collection: Systematic Government Access to Private-Sector Data* (New York: Oxford University Press, 2017), xxv—xxvi.

³¹² Michael Alan Bernstein, *The Great Depression: Delayed Recovery and Economic Change in America, 1929–1939*, Studies in Economic History and Policy (Cambridge, MA: Cambridge University Press, 1987), chapters 1, 8.

Аналогичным образом в условиях надзорной чрезвычайщины руководству Google не нужно было заниматься утомительной и рискованной работой по созданию формы рынка, основанной на обмене и ориентированной на защиту прав, когда модель надзора была настолько прибыльной. Зачем рисковать и экспериментировать с более органичными путями к монетизации, когда операции по надзору и добыче защищены от закона и исключительно прибыльны? В конечном счете не только Google задавался этими вопросами; все другие интернет-бизнесы стояли перед тем же выбором. Как только доходы от надзора установили планку для венчурных капиталистов и аналитиков с Уолл-стрит, интернет-компаниям стало намного легче плыть по течению. Потом трудно стало этого не делать.

V. Линии укреплений

Как случилось, что через столько лет после событий, положивших начало мании информационного господства, надзорный капитализм по-прежнему действует относительно беспрепятственно, особенно в США? За эти годы накопились тысячи институциональных фактов, которые мало-помалу нормализовали практики надзорного капитализма и научили смотреть на них как на нечто необходимое и неизбежное – открытие поведенческого излишка и последовавшее за этим накопление невиданных количеств капитала и материалов, повсеместное распространение устройств и услуг, интеграция потоков данных и институционализация фьючерсных рынков человеческого поведения.

Конечно, сам по себе успех ничего не доказывает; не стоит понимать эти институциональные процессы как признак присущей надзорному капитализму ценности или неизбежности. В следующих главах мы обнаружим много дополнительных факторов, которые способствовали этому успеху, но здесь я хочу сосредоточиться на превентивных действиях Google по возведению укреплений вокруг цепочек поставок поведенческого излишка, с целью защитить потоки этого излишка от возможных угроз.

Хотя многие элементы этой фортификационной стратегии широко освещались, их значение для нашего рассказа кроется в том, что каждый из них является одним из аспектов многоплановой операции, которая отвлекает критическое внимание от базовых процессов, нацеленных на поддержание потока бесплатного, нерегулируемого поведенческого излишка. Чтобы защитить Google и в конечном счете других надзорных капиталистов от политического вмешательства и критики, укрепления строились на четырех ключевых театрах: (1) демонстрация уникальных возможностей Google как источника конкурентного преимущества в условиях электоральной политики; (2) преднамеренное размывание границ между общественными и частными интересами посредством создания нужных связей и агрессивной лоббистской деятельности; (3) свободный обмен кадрами, мигрировавшими между Google и администрацией Обамы, объединенных избирательным средством в решающие для Google годы роста (2009–2016); и (4) спланированные попытки Google оказать влияние на академическую сферу и более широкое культурное пространство, столь жизненно важное для формирования политики, общественного мнения и политического восприятия. Успехи, достигнутые на этих четырех линиях обороны, способствуют пониманию того, как надзорный капитализм смог устоять и почему он продолжает процветать.

Во-первых, Google продемонстрировал, что те самые, полученные из поведенческого излишка прогностические знания, которые позволили надзорным капиталистам разбогатеть, могут также помочь политикам выигрывать выборы. Чтобы доказать это, Google был готов применить свою магию в ходе самых важных и волнующих избирательных кампаний XXI века, начиная с президентской кампании Обамы 2008 года. Шмидт играл ведущую организационную и руководящую роль в реализации передовых стратегий обработки данных, которые должны

были затмить традиционное искусство политики наукой поведенческого прогнозирования³¹³. Действительно, «в штаб-квартире Обамы в Чикаго <...> каждые выходные они перестраивали модель электората в каждом спорном штате <...> полевой персонал мог видеть влияние текущих событий на прогнозируемое поведение и мнения каждого избирателя по всей стране»³¹⁴.

Исследования, проведенные специалистами по СМИ Дэниелом Крейссом и Филиппом Ховардом, показывают, что кампания Обамы 2008 года накопила немало данных о более чем 250 миллионах американцев, в том числе «обширный массив данных о поведении и связях в интернете, собранных в процессе использования веб-сайта кампании и сторонних сайтов социальных сетей вроде Facebook...»³¹⁵. Журналист Саша Иссенберг, который задокументировал эти события в своей книге «Лаборатория победы», цитирует одного из политических консультантов Обамы 2008 года, который уподобил прогностическое моделирование инструментарию гадалки: «Мы знали, за кого <...> люди собираются проголосовать, еще до того, как они приняли решение»³¹⁶.

Обама использовал свою близость к Шмидту, чтобы укрепить представление о себе как о кандидате обновления, готовом сломать устоявшееся статус-кво в Вашингтоне³¹⁷. После выборов Шмидт вошел в Переходный консультативный совет по экономике и появился рядом с Обамой на его первой после выборов пресс-конференции³¹⁸. По словам издания Politico,

одной только картинке Шмидта, стоящего бок о бок с ведущими экономическими советниками Обамы, было достаточно, чтобы у конкурентов Google побежали по спине мурашки. «Microsoft в ужасе от этого, – сказал лоббист-демократ, знакомый с индустрией. – Люди до смерти боятся Google, и не зря»³¹⁹.

Роль Шмидта в избрании президента Обамы – лишь одна страница долгих, и теперь уже легендарных отношений, которые иногда называют «романом»³²⁰. Не удивительно, что Шмидт взял на себя еще более заметную роль в перевыборной кампании 2012 года. Он отвечал за сбор средств, технические инновации и «лично контролировал систему мониторинга явки избирателей в ночь выборов»³²¹.

Рассказ политического корреспондента Джима Рутенберга в газете New York Times о важной роли специалистов по данным в победе Обамы в 2012 году рисует яркую картину извле-

³¹³ http://bits.blogs.nytimes.com/2008/11/07/how-obamas-internet-campaign-changed-politics/?_r=0.

³¹⁴ Sasha Issenberg, “The Romney Campaign’s Data Strategy,” *Slate*, July 17, 2012, http://www.slate.com/articles/news_and_politics/victory_lab/2012/07/the_romney_campaign_s_data_strategy_they_re_outsourcing_single.html. См. также: Joe Lertola and Bryan Christie Design, “A Short History of the Next Campaign,” *Politico*, February 27, 2014, <http://www.politico.com/magazine/story/2014/02/a-short-history-of-the-next-campaign-103672.html>.

³¹⁵ Daniel Kreiss and Philip N. Howard, “New Challenges to Political Privacy: Lessons from the First U.S. Presidential Race in the Web 2.0 Era,” *International Journal of Communication* 4 (2010): 1032–1050.

³¹⁶ Sasha Issenberg, *The Victory Lab: The Secret Science of Winning Campaigns* (New York: Crown, 2012), 271.

³¹⁷ «Я делаю это как частное лицо, – сказал Шмидт журналистам, – официально Google сохраняет нейтралитет» в этой избирательной кампании. Его первое появление вместе с Обамой имело место на одном мероприятии во Флориде, где они были модераторами секции по экономике. Шмидт сказал газете Wall Street Journal, что планируемая им поддержка Обамы будет «естественным продолжением» его роли неформального советника. См.: Monica Langley and Jessica E. Vascellaro, “Google CEO Backs Obama,” *Wall Street Journal*, October 20, 2008, <http://www.wsj.com/articles/SB122446734650049199>; and Jeff Zeleny and Elisabeth Bumiller, “Candidates Face Off Over Economic Plans,” *New York Times*, October 21, 2008, <http://www.nytimes.com/2008/10/22/us/politics/22campaign.html>.

³¹⁸ Robert Reich, “Obama’s Transition Economic Advisory Board: The Full List,” *US News & World Report*, November 7, 2008, <http://www.usnews.com/news/campaign-2008/articles/2008/11/07/obamas-transition-economic-advisory-board-the-full-listn>.

³¹⁹ Eamon Javers, “Obama—Google Connection Scares Competitors,” *Politico*, November 10, 2008, <http://www.politico.com/news/stories/1108/15487.html>.

³²⁰ “Diary of a Love Affair: Obama and Google (Obama@Google),” *Fortune*, November 14, 2007, http://archive.fortune.com/galleries/2009/fortune/0910/gallery.obama_google.fortune/2.html.

³²¹ Brody Mullins, “Google Makes Most of Close Ties with White House,” *Wall Street Journal*, March 24, 2015, <https://www.wsj.com/articles/google-makes-most-of-close-ties-to-white-house-1427242076>.

чения и анализа поведенческого излишка как политической методологии. Организаторы кампании знали «имя, адрес, расовую принадлежность, пол и доход каждого колеблющегося избирателя в стране, которого нужно убедить голосовать за Обаму», и вычислили, как нацелить на этих людей телевизионную политическую рекламу. Одним из прорывов стал «индикатор убеждения», который показывал, насколько легко можно убедить каждого нерешившегося избирателя проголосовать за кандидата от Демократической партии³²².

В кампании Обамы, как и в Google, Facebook и других сферах информационной власти, факты о поведенческом излишке и его прогнозной силе хранились в секрете. Как заметил Рутенберг,

масштаб, в котором кампания использовала новейшие технические инструменты для проникновения в жизни людей, и сам объем персональных данных, который обрабатывался на ее многочисленных серверах, оставались в значительной степени скрытыми. Секретность <...> была необходима <...> отчасти для того, чтобы сохранить конкурентное преимущество. Но, без сомнения, еще и потому, что руководители кампании беспокоились, что такие методы, как «извлечение данных» и «аналитика», могут не понравиться избирателям³²³.

Во-вторых, еще в преддверии выборов 2012 года, в интервью газете *Washington Post* в 2011 году, Шмидт похвастался еще одной стратегией фортификации:

Сотрудники [политиков] молоды – они все схватывают <...> Вот на что мы полагаемся. И, конечно, иногда мы нанимали к себе бывших сотрудников. Они все знают друг друга. Вот так это и работает³²⁴.

Политические инструменты Google проложили путь к необычно оживленному и интенсивному обмену кадрами между центрами власти Восточного и Западного побережья. Проект Google Transparency проанализировал движение персонала между Гуглосферой (сама компания плюс аффилированные с ней бизнесы и ее юридические и лоббистские фирмы) и правительством (включая Белый дом, конгресс, правительственные агентства, федеральные комиссии и общенациональные политические кампании) в годы президентства Обамы. Было установлено, что к апрелю 2016 года 197 человек мигрировали из правительства в Гуглосферу, и 61 – в обратном направлении. Эти цифры включают 22 чиновника из Белого дома, которые пошли работать на Google, и 31 руководителя из Гуглосферы, перешедших в Белый дом или федеральные консультативные советы, имеющие непосредственное отношение к бизнесу Google³²⁵.

В-третьих, просто для перестраховки, Google расточал свою щедрость по всему спектру политической системы. В книге Шмидта 2014 года, написанной в соавторстве с одним из дав-

---

³²² Jim Rutenberg, “Data You Can Believe In: The Obama Campaign’s Digital Masterminds Cash In,” *New York Times*, June 20, 2013, <https://www.nytimes.com/2013/06/23/magazine/the-obama-campaigns-digital-masterminds-cash-in.html>.

³²³ Rutenberg, “Data You Can Believe In”.

³²⁴ Lillian Cunningham, “Google’s Eric Schmidt Expounds on His Senate Testimony,” *Washington Post*, September 30, 2011, http://www.washingtonpost.com/national/on-leadership/googles-eric-schmidt-expounds-on-his-senate-testimony/2011/09/30/gIQAPyVgCL_story.html.

³²⁵ “Google’s Revolving Door Explorer (US),” *Google Transparency Project*, April 15, 2016, <http://www.googletransparencyproject.org/googles-revolving-door-explorer-us>; Tess VandenDolder, “Is Google the New Revolving Door?” *DC Inno*, September 9, 2014, <http://dcinno.streetwise.co/2014/09/09/is-google-the-new-revolving-door/>; “Revolving Door | OpenSecrets—Employer Search: Google Inc.,” *OpenSecrets.org*, February 23, 2017, https://www.opensecrets.org/revolving/search_result.php?priv=Google+Inc; Yasha Levine, “The Revolving Door Between Google and the Department of Defense,” *PandoDaily* (blog), April 23, 2014, <http://pando.com/2014/04/23/the-revolving-door-between-google-and-the-department-of-defense/>; Cecilia Kang and Juliet Eilperin, “Why Silicon Valley Is the New Revolving Door for Obama Staffers,” *Washington Post*, February 27, 2015, http://www.washingtonpost.com/business/economy/as-obama-nears-close-of-his-tenure-commitment-to-silicon-valley-is-clear/2015/02/27/3bee8088-bc8e-11e4-bdfa-b8e8f594e6ee_story.html.

них руководителей Google Джонатаном Розенбергом, генеральный директор агрессивно развивал мотив о том, что государство – это сговор действующих политиков ради торможения перемен, а Google – аутсайдер, выскочка и нарушитель спокойствия. Авторы выражали презрение к политикам и лоббистам, говоря:

Это естественная линия поведения политиков, так как традиционные компании обычно обладают гораздо большим количеством финансов, нежели стартапы, только осваивающие рынок, и они знают толк в том, как использовать средства для склонения воли любого демократического правительства в свою пользу³²⁶.

В течение того самого года, когда Шмидт порицал политиков и их политическое влияние, Google потратил на лоббирование больше, чем любая другая корпорация – свыше 17 миллионов долларов, что почти вдвое больше, чем ее конкурент по надзорному бизнесу, Facebook. В течение следующих нескольких лет, когда Белый дом менял хозяина, Google не сбавлял темпов, обставив все остальные компании со своими более чем 18-миллионными затратами на лоббирование в 2018 году, когда компания боролась с законодательством о конфиденциальности и другими инициативами, которые могли ограничить ей свободу сбора и переработки поведенческого излишка. Google также был одним из богатейших среди всех лоббистов, зарегистрированных в ЕС, уступая только лоббистской группе, представляющей конфедерацию европейских корпораций³²⁷.

Компания также научилась разрабатывать изощренные лоббистские операции на уровне штатов, в первую очередь направленные на борьбу с любыми законопроектами, которые укрепляют конфиденциальность и ограничивают манипуляции с поведенческим излишком. Так, Google добился права вывести на дороги свои беспилотные автомобили – в надежде на новый важный канал поставок сырья – после того, как сумел задействовать чиновников Обамы для лоббирования ключевых законодательных актов на уровне отдельных штатов³²⁸. И Google и Facebook в настоящее время проводят агрессивные лоббистские кампании на уровне отдельных штатов, направленные на отмену или ослабление законов, регулирующих биометрические данные и защищающие конфиденциальность. Как сказано в одном материале, «Они хотят твое тело»³²⁹.

На четвертой линии укреплений корпорация научилась внедряться в академическую сферу и правозащитные организации и влиять на них таким образом, что это смягчало острые моменты или в некоторых случаях помешало изучению ее деятельности. Газета *Washington Post* называет Google «мастером влияния в Вашингтоне» и отмечает тонкость, с которой фирма держит в своих руках и направляет в нужное русло представления публики о себе. Шмидт при-

---

³²⁶ Eric Schmidt and Jonathan Rosenberg, *How Google Works* (New York: Grand Central, 2014), 255; Эрик Шмидт, Алан Игл и Джонатан Розенберг, *Как работает Google* (Москва: Эксмо, 2015), 343.

³²⁷ Deborah D'Souza, "Big Tech Spent Record Amounts on Lobbying Under Trump," *Investopedia*, July 11, 2017, <https://www.investopedia.com/tech/what-are-tech-giants-lobbying-trump-era>; Brodtkin, "Google and Facebook Lobbyists"; Natasha Lomas, "Google Among Top Lobbyists of Senior EC Officials," *TechCrunch* (blog), June 24, 2015, <http://social.techcrunch.com/2015/06/24/google-among-top-lobbyists-of-senior-ec-officials>; "Google's European Revolving Door," *Google Transparency Project*, September 25, 2017, <http://googletransparencyproject.org/articles/googles-european-revolving-door>.

³²⁸ "Google Enlisted Obama Officials to Lobby States on Driverless Cars," *Google Transparency Project*, March 29, 2018, <https://googletransparencyproject.org/articles/google-enlisted-obama-officials-lobby-states-driverless-cars>.

³²⁹ "Tech Companies Are Pushing Back Against Biometric Privacy Laws," *Bloomberg.com*, July 20, 2017, <https://www.bloomberg.com/news/articles/2017-07-20/tech-companies-are-pushing-back-against-biometric-privacy-laws>; "Biometric Privacy Laws: Illinois and the Fight Against Intrusive Tech," March 29, 2018, <https://news.law.fordham.edu/jcfl/2018/03/20/biometric-privacy-laws-illinois-and-the-fight-against-intrusive-tech>; April Glaser, "Facebook Is Using an 'NRA Approach' to Defend Its Creepy Facial Recognition Programs," *Slate*, August 4, 2017, http://www.slate.com/blogs/future_tense/2017/08/04/facebook_is_fighting_biometric_facial_recognition_privacy_laws.html; Conor Dougherty, "Tech Companies Take Their Legislative Concerns to the States," *New York Times*, May 27, 2016, <http://www.nytimes.com/2016/05/28/tech-nology/tech-companies-take-their-legislative-concerns-to-the-states.html>.

ложил руку и к этой работе. Уже являясь членом правления фонда «Новая Америка», политического аналитического центра, сыгравшего важную роль в формировании подхода администрации Обамы к экономическим вопросам, в 2013 году он стал его председателем, сделав личное пожертвование в размере 1 миллиона долларов при общем бюджете фонда в том году в 12,9 миллиона. В период с 1999 по 2016 год, когда Шмидт покинул правление, фонд получил от Google, Шмидта и семейного фонда Шмидта, вместе взятых, 21 миллион долларов³³⁰.

Washington Post опубликовала подробные разоблачения кропотливой работы Google в этой четвертой сфере. Для иллюстрации возьмем закулисные интриги, которыми сопровождалась серия из трех конференций, посвященных конкуренции в интернет-поиске. Мероприятия проходили в Центре права и экономики Университета Джорджа Мейсона, «ориентированном на свободный рынок» научном центре, получавшем значительное финансирование от Google³³¹. Встречи состоялись в мае 2012 года, как раз когда Федеральная торговая комиссия расследовала антимонопольное дело против Google. Журналисты выяснили, что сотрудники компании тесно сотрудничали с Центром, выбирая дружественных по отношению к Google выступающих и участников, многие из которых работали на Google. Среди прочего они «разослали сотрудникам Центра подробную таблицу с перечнем членов конгресса, Федеральной торговой комиссии, а также высокопоставленных чиновников министерства юстиции и прокуратуры». Репортеры отметили, что на заседаниях конференции доминировали «ведущие эксперты в области технологий и права», которые категорически отвергали необходимость каких-либо правительственных мер, направленных против Google, «выдвигая свои доводы перед теми самыми чиновниками, которые, среди прочих, будут решать его судьбу». Многие участники понятия не имели, что в организации встреч участвовал Google, потому что Google и сотрудники Центра договорились скрыть закулисную роль корпорации³³².

Антимонопольное расследование Федеральной торговой комиссии, похоже, усилило опасения Google по поводу законодательной угрозы надзорному капитализму. В том году операция Google по выделению грантов, нацеленная на организации гражданского общества, приняла агрессивный оборот. Согласно журналистскому расследованию Центра медиа и демократии под названием «Гуглизация крайне правых», список грантополучателей корпорации за 2012 год включал новую когорту антиправительственных организаций, известных своей борьбой с регулированием и налогами, а также отрицанием изменения климата. В эту группу входили «Американцы за налоговую реформу» Гровера Норквиста, Heritage Action, финансируемая братьями Кох, и другие организации, выступающие против регулирования, такие как Федералистское общество и Институт Катона³³³. Корпорация также без лишнего шума признала свое членство в корпоративной лоббистской группе ALEC, известной своей оппозицией контролю над огнестрельным оружием и борьбе с загрязнением воздуха, а также под-

³³⁰ В 1999 г. Шмидт вошел в состав правления Фонда «Новая Америка». На 2013 г. он был председателем его Совета директоров, и его финансовый вклад по-прежнему оставался одним из самых значительных, уступая вкладам лишь трех других доноров: Государственного департамента США, Фонда Люмина (Lumina Foundation) и Фонда Билла и Мелинды Гейтс. Среди доноров второго ряда мы встречаем Google. См.: <http://newamerica.net/about/funding>. Этот фонд является эпицентром вашингтонского политического дискурса, а список членов его совета читается как энциклопедия политического истеблишмента. См.: <http://newamerica.net/about/board>.

³³¹ Tom Hamburger and Matea Gold, "Google, Once Disdainful of Lobbying, Now a Master of Washington Influence," *Washington Post*, April 12, 2014, http://www.washingtonpost.com/politics/how-google-is-transforming-power-and-politics/google-once-disdainful-of-lobbying-now-a-master-of-washington-influence/2014/04/12/51648b92-b4d3-11e3-8cb6-284052554d74_story.html.

³³² Дополнительные материалы см. в: David Dayen, "Google's Insidious Shadow Lobbying: How the Internet Giant Is Bankrolling Friendly Academics—and Skirting Federal Investigations," *Salon.com*, November 24, 2015, https://www.salon.com/2015/11/24/googles_insidious_shadow_lobbying_how_the_internet_giant_is_bankrolling_friendly_academics_and_skirting_federal_investigations.

³³³ Nick Surgey, "The Googlization of the Far Right: Why Is Google Funding Grover Norquist, Heritage Action and ALEC?" *PR Watch*, November 27, 2013, <http://www.prwatch.org/news/2013/11/12319/google-funding-grover-norquist-heritage-action-alec-and-more>. PR Watch – издание Центра медиа и демократии (Center for Media and Democracy). Заинтересованному читателю я настоятельно рекомендую найти эту статью и ознакомиться с полным перечнем антиправительственно настроенных получателей финансовой помощи со стороны Google и анализом их позиций и исследовательских приоритетов.

держкой схем манипулирования явкой на выборы, налоговых послаблений для табачной промышленности и других идей крайне правых³³⁴. Между тем в список стипендиатов программы Google Policy 2014 года вошли представители ряда некоммерческих организаций, которые, казалось бы, должны были быть на переднем крае борьбы против концентрации информации и власти в руках этой корпорации, в том числе Центр за демократию и технологию (Center for Democracy and Technology), Фонд электронных рубежей (Electronic Frontier Foundation), Форум «Будущее конфиденциальности» (Future of Privacy Forum), Национальная лига потребителей (National Consumers League), Гражданская лаборатория (Citizen Lab) и Ассоциация за гражданские права (Asociación por los Derechos Civiles)³³⁵.

В июле 2017 года газета Wall Street Journal сообщала, что с 2009 года Google активно разыскивал и предоставлял финансирование профессорам университетов для написания научных статей и политических рекомендаций, которые поддерживают позиции Google по вопросам права, регулирования, конкуренции, патентов и т. д.³³⁶ Во многих случаях Google вмешивался в процесс подготовки статей, а некоторые авторы не раскрыли Google в качестве источника финансирования. Хотя в Google публично заявляли: «мы платили безо всяких условий» – случай в 2017 году опровергает это утверждение. Летом того года один из наиболее уважаемых исследователей Фонда «Новая Америка» (New America Foundation), специалист в области цифровых монополий Барри Линн опубликовал заявление, в котором высоко оценил историческое решение ЕС о наложении на Google, после многолетнего антимонопольного расследования, штрафа в размере 2,7 миллиарда долларов. Согласно газете New York Times и собственной версии Линна, директор «Новой Америки» поддался давлению со стороны Шмидта и уволил Линна и его команду «Открытые рынки», состоявшую из десяти исследователей. «Google крайне агрессивно сорит деньгами в Вашингтоне и Брюсселе, а затем держит за ниточки, – сказал Линн в интервью New York Times. – Люди сейчас так боятся Google». Репортеры считают, что «напористая и изощренная» операция по расширению влияния, проводимая Google, превосходит подобные операции любых других американских компаний³³⁷.

С Google во главе надзорный капитализм колоссально расширил динамику рынка, научившись экспроприировать человеческий опыт и перерабатывать его в желанные поведенческие прогнозы. Google и этот более широкий надзорный проект появились на свет, получили защиту, окрепли и пришли к успеху благодаря историческим условиям своей эпохи – потребностям второго модерна, неолиберальному наследию и Realpolitik надзорной чрезвычайщины – а также своим собственным специально для этого выстроенным линиям укреплений, призванным защитить от критического изучения операции по поставкам сырья путем подчинения политики и культуры.

Эти неумолимые факты стали следствием способности надзорного капитализма обходить демократические процедуры. Два человека в Google, не будучи легитимно избранными, находясь вне демократической подотчетности и не подчиняясь акционерам, контролируют органи-

³³⁴ Mike McIntire, “ALEC, a Tax-Exempt Group, Mixes Legislators and Lobbyists,” *New York Times*, April 21, 2012, <https://www.nytimes.com/2012/04/22/us/alec-a-tax-exempt-group-mixes-legislators-and-lobbyists.html>; Nick Surgey, “The Googlization of the Far Right: Why Is Google Funding Grover Norquist, Heritage Action and ALEC?” *PR Watch*, November 27, 2013, <http://www.prwatch.org/news/2013/11/12319/google-funding-grover-norquist-heritage-action-alec-and-more>; “What Is ALEC? – ALEC Exposed,” Center for Media and Democracy, February 22, 2017, http://www.alecexposed.org/wiki/What_is_ALEC%3F; Katie Rucke, “Why Are Tech Companies Partnering with ALEC?” *Mint Press News* (blog), December 13, 2013, <http://www.mintpressnews.com/tech-companies-partnering-alec/175074>.

³³⁵ “2014 Fellows—Policy Fellowship—Google,” <https://www.google.com/policy-fellowship/2014fellows.html>.

³³⁶ Brody Mullins and Jack Nicas, “Paying Professors: Inside Google’s Academic Influence Campaign,” *Wall Street Journal*, July 14, 2017, <https://www.wsj.com/articles/paying-professors-insidegoogles-academic-influence-campaign-1499785286>.

³³⁷ Kenneth P. Vogel, “Google Critic Ousted from Think Tank Funded by the Tech Giant,” *New York Times*, August 30, 2017, <https://www.nytimes.com/2017/08/30/us/politics/eric-schmidt-google-new-america.html>; Hope Reese, “The Latest Google Controversy Shows How Corporate Funding Stifles Criticism,” *Vox*, September 5, 2017, <https://www.vox.com/conversations/2017/9/5/16254910/google-controversy-newamerica-barry-lynn>.

зацию и распространение мировой информации. Единственный человек в Facebook, не будучи легитимно избранным, находясь вне демократической подотчетности и не подчиняясь акционерам, контролирует все более распространенные средства поддержания социальных связей вместе со скрытой в этих сетях информацией.

Глава 5

Усложнение надзорного капитализма: присваивать, захватывать, теснить конкурентов

*И все слова, такие как Любовь и Мир,
Толковой бодрой речи каждый миг
Затоптаны, убиты, сведены
В визгливый мерзкий монотонный крик*

У. Х. Оден, «И мы знавали дивные часы»

I. Императив извлечения

«Наша высшая цель – преобразование всего опыта пользовательского взаимодействия с Google: мы хотим сделать его восхитительно простым, – говорил Ларри Пейдж, – почти *автоматическим (automagical)*, потому что мы понимаем, чего вы хотите, и можем мгновенно предоставить вам это»³³⁸. В стремлении осуществить эти амбициозные цели императив извлечения создает неустрашимую тягу к наращиванию масштабов процессов обеспечения поставок поведенческого излишка. Не может быть никаких пределов, ограничивающих масштабы охоты за поведенческим излишком, ни одна территория не освобождается от грабежа. Присвоение права на принятие решений об экспроприации человеческого опыта, его перевод в данные и использование этих данных – сопутствующие этому процессу явления, неотделимые от него, как тень. Это объясняет, почему цепочки поставок Google начинались с Поиска, но постоянно расширялись, охватывая новые и все более амбициозные территории, далекие от кликов и поисковых запросов. Запасы поведенческого излишка, накопленного Google, теперь охватывают все, что только есть в онлайн-среде: поиск, электронную почту, тексты, фотографии, песни, сообщения, видео, местоположения, способы общения, установки, предпочтения, интересы, изображения лиц, эмоции, болезни, социальные сети, покупки и так далее. Каждую секунду из множества виртуальных потоков нашей повседневной жизни, по мере того как они сталкиваются с Google, Facebook или с любым другим аспектом компьютерной архитектуры интернета, набирается новый океан поведенческого излишка. По сути, под руководством надзорного капитализма, компьютерные сети, во всем их глобальном охвате, репрофилируются в архитектуру извлечения.

Этот процесс начался в интернете, но распространился и на реальный мир – факт, который мы рассмотрим более подробно в части II. Если Google – поисковая компания, то почему она инвестирует в устройства умного дома, в носимые устройства и беспилотные автомобили? Если Facebook – социальная сеть, почему она разрабатывает дроны и дополненную реальность? Подобное разнообразие иногда озадачивает наблюдателей, но обычно приветствуется как проявление провидческого дара, как рискованная ставка на отдаленное будущее. Фактически же действия, которые кажутся не имеющими между собой ничего общего и даже разбросанными в случайном порядке по отраслям и проектам, сводятся к одной и той же деятельности, направляемой одной и той же целью – захватом поведенческого излишка. Каждое представляет собой

---

³³⁸ “Google Management Discusses Q3 2011 Results—Earnings Call Transcript About Alphabet Inc. (GOOG),” *Seeking Alpha*, October 14, 2011, <http://seekingalpha.com/article/299518-google-management-discusses-q3-2011-results-earnings-call-transcript> (выделено мной. – Ш. З.).

немного иную конфигурацию аппаратного обеспечения, программного обеспечения, алгоритмов, датчиков и средств связи, призванную имитировать автомобиль, рубашку, мобильник, книгу, видео, робота, чип, дрон, камеру, роговицу, дерево, телевизор, часы, нанобота, кишечную флору или любой онлайн-сервис, но все они разделяют одну и ту же цель – захват поведенческого излишка.

Google – перевертыш, но каждое новое обличье преследует ту же цель: найти и захватить сырье. *Детка, не хочешь ли покататься на моей машине? Поговорить по моему телефону? Поносить мою рубашку? Поискать на моей карте?* Во всех этих случаях изменчивый поток личин – лишь хитроумный маневр, отвлекающий от главного события: непрерывного расширения архитектуры извлечения с целью масштабного получения сырья для обеспечения дорогостоящего производственного процесса, выпускающего прогнозные продукты, которые привлекают и удерживают все новых клиентов. Когда в 2008 году ему задали вопрос о том, почему у Google 150 «продуктов», генеральный директор компании Эрик Шмидт ответил:

Это можно назвать критикой, но это также можно назвать стратегией. Цель компании – довольные клиенты. Вы должны думать о Google как об одном продукте: довольном клиенте³³⁹.

Этими клиентами являются мировые рекламодатели и все остальные, кто платит за прогнозы. Таким образом, «удовлетворенность клиентов» равнозначна господству Google на новых прибыльных рынках поведенческих фьючерсов, подпитываемых постоянно расширяющейся архитектурой извлечения.

Постоянно создаются и испытываются новые пути поставок, и только некоторые из них вводятся в эксплуатацию. Пути, которые позволяют надежно наращивать масштаб, такие как операционная система для смартфонов Android или почтовый сервис Gmail, продолжают разрабатываться и институционализироваться. Пути, которые не справляются с задачей, закрываются или изменяются. Если один маршрут заблокирован, находится другой. Успешные маршруты поставок служат одновременно досками объявлений для таргетированной рекламы, расширяя проникновение рынков поведенческих фьючерсов и в то же время вовлекая пользователей в то, что дает новые порции поведенческого излишка. Список путей поставок всегда будет изменчивым, но все варианты имеют один и тот же оперативный мандат: захват поведенческих излишков и изъятие прав на принятие решений. Как у реки, текущей в море, когда один маршрут заблокирован, находится другой.

В этой главе мы проследим действие императива извлечения, который стимулирует усложнение новой формы рынка и его конкурентной динамики. Этот императив отводит операциям по обеспечению поставок излишка определяющую роль во всех аспектах функционирования надзорного капитализма. Все начинается с непрерывного парада инноваций, направленных на то, чтобы у потоков сырья не осталось выбора. Подобный захват рынка – не просто технологическое достижение. Устойчивое изъятие излишка требует тщательно сбалансированной и поэтапно применяемой комбинации политических, коммуникативных, административных, правовых и материальных стратегий, с помощью которых смело выдвигаются и неустанно отстаиваются притязания на новые территории. Успех этих стратегий, сначала в Google, а затем и в Facebook, показал их выполнимость и прибыльность, вовлекая новых конкурентов во все более безжалостный цикл присвоения человеческого опыта, завладения поставками излишка и конкуренции на новых рынках поведенческих фьючерсов.

---

³³⁹ См.: Ken Auletta, *Googled: The End of the World as We Know It* (New York: Penguin, 2010).

II. Контролирование поставок

Открытие поведенческого излишка в 2001–2002 годах означало, что Поиск Google станет первым «сервисом» Google, который будет перепрофилирован в маршрут поставок. Изменения в механизмах работы Поиска, к которым это привело, пользователю было почти невозможно представить, тем более обнаружить. Когда Бенджамин Эдельман из Гарвардской школы бизнеса исследовал эти скрытые механизмы в 2010 году, он обнаружил, что опция «расширенных функций» продукта под названием «Панель инструментов Google» – плагин для веб-браузера Microsoft Internet Explorer, позволявшего пользователям выполнять поиск, не заходя на google.com – передает компании «полный URL-адрес каждой открытой страницы, включая поиск в конкурирующих поисковых системах». Эдельман обнаружил, что эту опцию «удивительно легко» включить, но невозможно отключить. Даже когда пользователь давал специальное указание отключить эту панель инструментов и даже когда она казалась отключенной, поскольку исчезала из виду, панель инструментов продолжала отслеживать действия пользователя в браузере³⁴⁰. Теперь, когда Google ежегодно получает «триллионы» поисковых запросов, его разнообразные механизмы отслеживания, связанные с поиском, в сочетании с цепкими и почти неистребимыми файлами cookie (биты кода отслеживания, оставляемые на вашем компьютере), обеспечивают огромную экономию от масштаба, которая составляет основу операций Google по поставкам излишка³⁴¹.

В 2015 году специалист по правовым вопросам интернета Тим Ву, вместе с Майклом Лукой из Гарвардской школы бизнеса и командой специалистов по данным из Yelp объединили усилия, чтобы заняться изучением скрытых механизмов Поиска Google, которые интересны для нас тем, что расширяют ключевую функцию поставок. Они обнаружили, что Google систематически искажает результаты поиска, отдавая предпочтение своему собственному контенту и потребительским продуктам, использующим этот контент:

Со временем Google начал создавать свой собственный контент, например собственные подборки цен на различные товары и собственные обзоры местных заведений <...> Google выступает и в качестве поисковой системы, и в качестве поставщика контента. Чтобы использовать свое доминирующее положение в поиске для продвижения этого контента, Google разработал функцию, называемую «универсальный поиск», с помощью которой он намеренно исключает контент конкурентов и показывает только контент Google³⁴².

Непрестанная необходимость в больших количествах излишка ведет к корпоративному поведению, которое стремится к эксклюзивности. Поскольку Поиск является фундаментом

---

³⁴⁰ Вот некоторые статьи и другие работы Эдельмана: Benjamin Edelman, “Bias in Search Results? Diagnosis and Response,” *Indian Journal of Law and Technology* 7 (2011): 16–32; Benjamin Edelman and Zhenyu Lai, “Design of Search Engine Services: Channel Interdependence in Search Engine Results” (working paper, Working Knowledge, Harvard Business School, March 9, 2015), *Journal of Marketing Research* 53, no. 6 (2016): 881–900; Benjamin Edelman, “Leveraging Market Power Through Tying and Bundling: Does Google Behave Anti-competitively?” (working paper, no. 14–112, Harvard, May 28, 2014), <http://www.benedelman.org/publications/google-tying-2014-05-12.pdf>; Benjamin Edelman et al., *Exclusive Preferential Placement as Search Diversion: Evidence from Flight Search* (Social Science Research Network, 2013); Benjamin Edelman, “Google Tying Google Plus and Many More,” *Benedelman.org*, January 12, 2012, <http://www.benedelman.org/news/011212-1.html>; Benjamin Edelman, “HardCoding Bias in Google ‘Algorithmic’ Search Results,” *Benedelman.org*, November 15, 2010, <http://www.benedelman.org/hardcoding>.

³⁴¹ Ashkan Soltani, Andrea Peterson, and Barton Gellman, “NSA Uses Google Cookies to Pinpoint Targets for Hacking,” *Washington Post*, December 10, 2013, <https://www.washingtonpost.com/news/the-switch/wp/2013/12/10/nsa-uses-google-cookies-to-pinpoint-targets-for-hacking>.

³⁴² Michael Luca et al., “Does Google Content Degrade Google Search? Experimental Evidence” (working paper, NOM Unit, Harvard Business School, August 2016), <http://papers.ssrn.com/abstract=2667143>.

поставок Google, у компании есть все стимулы, чтобы заманивать пользователей на свою платформу поиска, контенту и вспомогательным сервисам, а затем использовать закулисные «методы, аппарат и структуры данных» для эффективного извлечения излишка. Тенденция к эксклюзивности порождает ряд практик, которые с точки зрения подхода к регулированию, сложившегося в XX веке, считались бы «монополистическими». Эта характеристика, хотя и верна, упускает наиболее значимые элементы нового порядка. Императив извлечения требует завладеть всем. В этом новом контексте товары и услуги представляют собой просто маршруты поставок, ведущие к надзору. Это уже не автомобиль; это поведенческие данные, возникающие в процессе вождения автомобиля. Это уже не карта; это поведенческие данные, возникающие в процессе взаимодействия с картой. Идеал здесь – постоянно расширяющиеся границы, которые в конечном итоге охватывают весь мир и всё находящееся в нем, в каждый момент времени.

Традиционно монополии на товары и услуги искажают действие рыночных механизмов, недобросовестно устраняя конкуренцию с целью произвольного повышения цен. Однако при надзорном капитализме многие из методов, подпадающих под определение монополистических, фактически служат средством *контролирования* (*cornering*) поставок сырья, полученного от пользователей. Нет никакой денежной цены, которую платил бы пользователь, есть только возможность для компании извлекать данные. Методы установления контроля предназначены не для защиты продуктовых ниш, а для защиты критически важных путей поставок такого нерегулируемого товара, каким является поведенческий излишек. В другие времена нечестные участники рынка могли устанавливать контроль над рынками меди или магния, но в наше время это поведенческий излишек. Корпорация недобросовестно создает препятствия для конкурентов в Поиске, чтобы защитить доминирование своего наиболее важного маршрута поставок, а не для того, чтобы задрать цены.

Подобные действия по установлению контроля над поставками – не абстракции, имеющие лишь отдаленные последствия, которые когда-нибудь скажутся на ценах полезных ископаемых или зерновых. В рамках этой схемы контроль устанавливается именно над нами. Источник желанного сырья – мы; сырье – наш опыт. По мере того как надзорный капитализм мигрирует из Кремниевой долины и проникает в ряд других фирм и секторов, мы постепенно оказываемся в мире, где нет спасения, когда над нами с разных сторон устанавливают контроль сливающиеся между собой и неуклонно расширяющиеся операции по добыче сырья. Важно сказать – и мы еще не раз вернемся к этой теме, – что вмешательства со стороны государства, призванные ограничить монопольные практики Google, скорее всего, слабо повлияют на базовую работу этой формы рынка. Новые маршруты поставок постоянно обнаруживаются, запускаются и ставятся под защиту. Процессы изъятия идут в обход всех препятствий и будут продолжать это делать, пока не окажутся перед лицом подлинно экзистенциальной угрозы.

Принадлежащая Google мобильная платформа Android – хороший пример верховной роли, которую играет захват излишка и защита путей его поставок. С появлением смартфонов и планшетов интернет стал мобильным и Google был вынужден искать новые способы защитить и расширить свою основную цепочку поставок в виде Поиска. Android быстро стал вторым критическим маршрутом поставок поведенческого излишка для корпорации. В 2008 году Google возглавил альянс производителей из сферы высоких технологий и мобильных операторов, созданный с целью разработки «открытой и всеобъемлющей платформы для мобильных устройств». Некоторые обозреватели считали, что Android-телефон – это возможность для Google конкурировать с Apple на прибыльном рынке смартфонов, но инсайдеры Google осознавали еще больший потенциал роста и прибыли за счет поведенческого излишка и его переработки в прогнозные продукты.

Google стал предоставлять лицензию на Android производителям мобильных устройств бесплатно, так как он был предназначен для привлечения пользователей в Поиск и другие сер-

висы Google, создавая повсеместный мобильный аппарат поставок, для поддержания известных территорий поведенческого излишка и открытия новых, включая геолокацию и мобильные платежные системы, высоко ценимые рекламодателями³⁴³. Как сказал в 2009 году финансовый директор Google финансовым аналитикам:

Если мы будем продвигать внедрение этих мобильных телефонов за счет снижения стоимости, поскольку это открытый исходный код, подумайте о том, сколько поисковых запросов [это принесет]³⁴⁴.

Крупный венчурный инвестор из Кремниевой долины в 2011 году назвал устройства Android не «товарами» в классическом экономическом смысле:

...они не пытаются заработать на Android <...> Они хотят прибрать к рукам все, что находится в промежутке между ними и потребителями и сделать это бесплатным (или даже более чем бесплатным) <...> По сути, они не просто копают ров; Google также выжигает землю на 250 миль вокруг замка, чтобы никто не мог к нему подобраться³⁴⁵.

Операции по поставкам сырья были тщательно оберегаемым сокровищем внутри укрепленного замка, и политика разработки Android была ключом к успеху этой стратегии обеспечения поставок поведенческого излишка. В отличие от iPhone, платформа Android имела «открытый исходный код», что позволило разработчикам приложений по всему миру легко создавать приложения для пользователей Android. В конце концов Google собрал всю эту ценную новую вселенную приложений в магазине Google Play. Производители, которые хотели предустановить Google Play на своих устройствах, должны были лицензировать и устанавливать мобильные сервисы Google в качестве единственно доступных или установленных по умолчанию функций: Поиск, Gmail, Google Pay, YouTube, Карты Google, Google Фото и любые другие маршруты поставок, находившиеся в тот момент на подъеме.

В 2016 году практика Google в отношении Android стала предметом антимонопольного расследования в Европейском союзе, и выдвинутые в ходе этого расследования обвинения один к одному отражали целенаправленные усилия Google по построению и защите жизненно важных маршрутов в виде Поиска и мобильных устройств. В очередной раз противодействие со стороны государства монополистической деятельности Google сконцентрировалось на традиционном ограничении конкуренции, вместо новых видов вреда, создаваемых надзорным капитализмом. К апрелю 2013 года Эрик Шмидт заявил на конференции, посвященной «всеуму» цифровому:

Наша цель с Android – добраться до каждого. Через шесть-девять месяцев число проданных устройств на Android достигнет миллиардной отметки. Через год или два мы достигнем двух миллиардов. <...> *Относительно недорогой смартфон с браузером – это все, что вам нужно для получения всей информации мира.*

Последнее предложение, возможно, характеризовало преимущества для пользователей Android. Тем не менее это еще более емкая сводка собственных амбиций Google, проливающаяся

---

³⁴³ Alistair Barr, “How Google Aims to Delve Deeper into Users’ Lives,” *Wall Street Journal*, May 28, 2015, <http://www.wsj.com/articles/how-google-aims-to-delve-deeper-into-users-lives-1432856623>.

³⁴⁴ См.: Erick Schonfeld, “Schmidt: ‘Android Adoption Is About to Explode,’” *TechCrunch* (blog), October 15, 2009, <http://social.techcrunch.com/2009/10/15/schmidt-android-adoption-is-about-to-explode>.

³⁴⁵ Bill Gurley, “The Freight Train That Is Android,” *Above the Crowd*, March 25, 2011, <http://abovethecrowd.com/2011/03/24/freight-train-that-is-android>.

свет на жизненно важную экономию от масштаба, связанную с этим мобильным маршрутом поставок³⁴⁶.

Google яростно защищает маршруты поставок, которые оказываются под угрозой. Ничто не должно мешать его операциям по извлечению излишка и исключительности его прав на это сырье. В 2009 году Motorola, производившая устройства на Android, решила заменить бесплатные сервисы геолокации Google сервисами Skyhook Wireless, которые, по мнению Motorola, давали более надежные результаты. Менеджер по продуктам Google признал превосходство Skyhook, но в письме одному из руководителей Google выразил свою обеспокоенность, отметив, что, если другие производители перейдут на Skyhook, это «будет ужасно для Google, потому что это лишит нас возможности продолжать сбор информации» для базы данных местоположений Wi-Fi. Среди документов, фигурировавших на последовавшем в итоге судебном процессе Skyhook против Motorola (и Samsung), можно найти письмо от старшего вице-президента Google по мобильным разработкам директору Motorola, где он настаивал, что для Google прекратить сбор данных – «значит остановить весь корабль»³⁴⁷.

Материалы еще одной юридической схватки дополнительно показывают, что такие продукты, как Android, ценятся больше за поставки сырья, чем за продажи. Компания Disconnect, Inc., основанная в 2011 году двумя бывшими инженерами Google и адвокатом, специализировавшимся на защите конфиденциальности, разработала настольные и мобильные приложения, призванные «защитить неприкосновенность частной жизни и безопасность пользователей интернета, блокируя невидимые, незапрашиваемые сетевые соединения между браузером пользователя или мобильным устройством и сайтами/службами, которые занимают скрытой слежкой или известны как предполагаемые распространители вредоносных программ <...> не только при просмотре веб-страниц, но и при использовании других, сторонних мобильных приложений»³⁴⁸. Disconnect прямо целила в «невидимые, незапрашиваемые и часто непризнанные» сетевые соединения со сторонними сайтами и сервисами, которые происходят, как только вы посещаете веб-сайт или открываете мобильное приложение.

К несчастью для Disconnect, именно тот процесс, которому она вознамерилась помешать, установился в качестве важного маршрута поставок сырья для Google и других надзорных капиталистов³⁴⁹. Масштабы извлекающей архитектуры Google объясняются в нескольких

³⁴⁶ Steve Kovach, “Eric Schmidt: We’ll Have 2 Billion People Using Android Thanks to Cheap Phones,” *Business Insider*, April 16, 2013, <http://www.businessinsider.com/eric-schmidt-on-global-android-growth-2013-4> (выделено мной. – Ш. 3.); Ina Fried, “Eric Schmidt on the Future of Android, Motorola, Cars and Humanity (Video),” *AllThingsD* (blog), May 8, 2013, <http://allthingsd.com/20130508/eric-schmidt-on-the-future-of-android-motorola-cars-and-humanity-video>.

³⁴⁷ См.: Ameet Sachdev, “Skyhook Sues Google After Motorola Stops Using Its Location-Based Software,” *Chicago Tribune*, August 19, 2011, http://articles.chicagotribune.com/2011-08-19/business/ct-biz-0819-chicago-law-20110819_1_google-s-android-google-risks-google-spokesperson. См. также подробный анализ более 750 страниц судебных документов: Nilay Patel, “How Google Controls Android: Digging Deep into the Skyhook Filings,” *Verge*, May 12, 2011, <http://www.theverge.com/2011/05/12/google-android-skyhook-lawsuit-motorola-samsung>.

³⁴⁸ “Complaint of Disconnect, Inc. – Regarding Google’s Infringement of Article 102 TFEU Through Bundling into the Android Platform and the Related Exclusion of Competing Privacy and Security Technology, no. COMP/40099,” June 2015, <https://assets.documentcloud.org/documents/2109044/disconnect-google-antitrust-complaint.pdf>.

³⁴⁹ Среди других примечательных работ в статье гарвардского исследователя Цзиньяня Цзана с соавторами (2015) проверяются 110 самых популярных бесплатных приложений в среде Android (Google) и iOS (Apple). Выяснилось, что 73 % приложений для Android, против 16 % для iOS отправляют персонально идентифицирующую информацию (personally identifying information, PII) третьим сторонам. Ученые также установили, что многие мобильные приложения делятся чувствительной пользовательской информацией «и что им не нужно явным образом запрашивать разрешение, чтобы получить эти данные» (выделено мной. – Ш. 3.). См.: Jinyan Zang et al., “Who Knows What About Me? A Survey of Behind the Scenes Personal Data Sharing to Third Parties by Mobile Apps,” *Journal of Technology Science*, October 30, 2015, <http://techscience.org/a/2015103001>. В другом тщательном исследовании, проведенном Луиджи Виньери и его коллегами из EURECOM в 2015 г., были подробно рассмотрены 5000 новейших и самых популярных приложений в магазине Google Play. Исследователи обнаружили, что 500 из этих приложений подключаются к более чем 500 различным URL-адресам, а 25 – к более чем 1000 URL-адресам. Несколько URL могут подключаться к одному и тому же «домену». Таким образом, исследователи также изучили домены, которые чаще всего были источником этих подключений. Девять из двадцати главных доменов, стоящих за этими скрытыми соединениями, – это веб-сервисы, непосредственно управляемые Google. Из оставшихся одиннадцати еще три принадлежат этой компании

исследованиях, включая Перепись сетевой конфиденциальности (Web Privacy Census), которая в основном анализировала файлы cookie. В ходе переписи были проанализированы топ-100, 1000 и 25 000 веб-сайтов в 2011, 2012 и 2015 годах – годах лихорадочных открытий и разработок для надзорных капиталистов. Сравнение между 2012 и 2015 годами выявило более чем двукратный рост числа сайтов с сотней и более файлов cookie и более чем в трехкратный – сайтов со 150 и более файлами. Команда обнаружила, что любой, кто просто посетил бы 100 самых популярных в 2015 году веб-сайтов, собрал бы на своем компьютере более 6000 файлов cookie, 83 % из которых принадлежали третьим сторонам, не связанным с посещаемым веб-сайтом. В ходе переписи «инфраструктура отслеживания Google» была обнаружена на 92 из 100 самых популярных сайтов и на 923 из 1000 популярных сайтов и был сделан вывод о том, что «способность Google отслеживать пользователей на популярных веб-сайтах не имеет аналогов и приближается к уровню надзора, которого может достичь только интернет-провайдер»³⁵⁰.

Еще одно исследование 2015 года, на этот раз верхнего миллиона веб-сайтов, выполненное Тимоти Либертом из Университета Пенсильвании, показало, что на 90 % из них данные утекают в среднем на девять внешних доменов, которые отслеживают, собирают и экспроприируют пользовательские данные для коммерческих целей. Среди этих сайтов 78 % инициируют передачу данных домену, принадлежащему одной компании – Google. Еще 34 % отправляют данные в домен, принадлежащий Facebook³⁵¹. Стивен Энгхардт и Арвинд Нараянан из Принстонского университета сообщили в 2016 году о результатах своего исследования данных отслеживания с миллиона веб-сайтов³⁵². Они выявили 81 000 сторонних доменов, но только 123 из них присутствовали на более чем 1 % сайтов. Из этой группы пять самых распространенных доменов и двенадцать из двадцати самых распространенных – домены, принадлежащие Google. «В действительности, – заключают они, – Google, Facebook и Twitter явля-

---

или связаны с ней. Остальные восемь – конкуренты Google на рынках поведенческих фьючерсов, включая Facebook, Samsung и Scorecard Research, брокера данных, который продает поведенческий излишек своим клиентам. Затем исследователи сделали еще один ценный шаг. Они охарактеризовали каждый из URL-адресов, которые посещают эти приложения, как «связанный с рекламой» или «связанный с отслеживанием пользователей», и обнаружили, что 66 % приложений используют в среднем 40 URL-адресов, связанных с рекламой, хотя в некоторых случаях их более 1000. Из пяти верхних доменов, представленных этими URL-адресами, три принадлежат Google. Что касается отслеживания, то данные свидетельствуют о том, что конкуренция за поведенческий избыток еще острее. Среди приложений, попавших в это исследование, 73 % не подключались к следящим сайтам, но 16 % подключались к 100 или более следящим сайтам. Google остается тут доминирующей силой, с 44 % доменов, связанных с трекерами, за которыми следуют 32 %, управляемые AT Internet – частной фирмой «цифровой разведки», специализирующейся на «анализе поведения». Четыре из десяти наиболее интенсивно следящих приложения в Google Play также были отмечены Google значком «Лучший разработчик». См.: Luigi Vigneri et al., “Taming the Android AppStore: Lightweight Characterization of Android Applications,” *ArXiv:1504.06093 [Computer Science]*, April 23, 2015, <http://arxiv.org/abs/1504.06093>. Команда исследователей из Вашингтонского университета во главе с Адамом Лернером и Анной Симпсон изучала рост количества веб-трекеров с 1996 по 2016 г. Неудивительно, с нашей точки зрения, что веб-отслеживание росло в тесной связи с ростом и институционализацией надзорного капитализма, точно так же как и сторонние подключения. Исследователи отмечают, что, хотя более ранние трекеры регистрировали рутинные данные, ориентированные на стабильность продукта, более недавний рост трекеров связан с теми из них, которые собирают и анализируют личную информацию. В 2000 г. только около 5 % сайтов связывались по крайней мере с пятью третьими сторонами, но к 2016 г. 40 % сайтов отправляли данные третьим сторонам. Среди трекеров, «обладающих наибольшей способностью фиксировать профили поведения пользователей на множестве сайтов», google-analytics.com упоминается как «заметно оторвавшийся от других» и собирающий больше данных с большего количества сайтов, чем кто-либо из остальных. Исследователи приходят к выводу, что, несмотря на озабоченность конфиденциальностью, которой в последние годы уделялось столько внимания, отслеживание существенно расширилось по «масштабам и сложности», демонстрируя четкую восходящую тенденцию. Другими словами, сегодня больше слежки, чем когда-либо с момента появления интернета, несмотря на то что граждане и правительства пытаются защитить личную жизнь. См.: Adam Lerner et al., “Internet Jones and the Raiders of the Lost Trackers: An Archeological Study of Web Tracking from 1996–2016,” in *Proceedings of the Workshop on End-to-End, Sense-and-Respond Systems, Applications, and Services: (EESR '05)*, June 5, 2005, Seattle (Berkeley, CA: USENIX Association, 2005), <http://portal.acm.org/toc.cfm?id=1072530>.

³⁵⁰ Ibrahim Altaweel, Nathan Good, and Chris Jay Hoofnagle, “Web Privacy Census” (SSRN scholarly paper, Social Science Research Network, December 15, 2015), <https://papers.ssrn.com/abstract=2703814>.

³⁵¹ Timothy Libert, “Exposing the Invisible Web: An Analysis of Third-Party HTTP Requests on 1 Million Websites,” *International Journal of Communication* 9 (October 28, 2015): 18.

³⁵² Altaweel, Good, and Hoofnagle, “Web Privacy Census”.

ются единственными сторонними структурами, представленными на более чем 10 % сайтов». Китайские исследователи изучили 10 000 приложений, которые были представлены в ведущих сторонних магазинах приложений в 2017 году. Они обнаружили «скрытый» процесс, при котором приложение автономно запускает на вашем телефоне другие приложения в фоновом режиме, и пришли к выводу, что этот «сговор приложений» наиболее распространен на сторонних рынках приложений для Android. Из 1000 самых скачиваемых приложений на одной из популярных в Китае платформ 822 запускали в среднем 76 других приложений, и 77 % этих запусков были совершены посредством облачных «push-сервисов», которые предназначены для обновления приложений, но, очевидно, делают много больше. Исследователи отмечают, что в среде Android push-сервисы предоставляет Google³⁵³.

Наконец, выдающееся исследование французской некоммерческой организации Exodus Privacy совместно с Yale Privacy Lab в 2017 году задокументировало экспоненциальный рост распространенности программного обеспечения для отслеживания. Exodus выявила 44 трекера в более чем 300 приложениях для платформы Android от Google, причем некоторые из них доступны и для iOS. В целом эти приложения были загружены миллиарды раз. В сообщении о результатах этого исследования красной нитью проходят две темы: повсеместность и интенсификация. Во-первых, абсолютно невинные приложения вряд ли существуют; если приложение не отслеживает вас сейчас, оно может начать это делать через неделю или месяц:

Существует целая индустрия, основанная на этих трекерах, и приложения, считающиеся «чистыми» сегодня, могут содержать трекеры, которые еще не были идентифицированы. Кроме того, разработчики могут добавить следающий код в будущем, в новые версии приложений.

Во-вторых, даже самые невинные с виду приложения, такие как прогноз погоды, фонарик, приложения совместных поездок или для знакомств, «кишат» десятками следающих программ, которые полагаются на все более причудливую, агрессивную и неразборчивую тактику ради сбора огромных количеств поведенческого излишка, в конечном итоге используемого для таргетирования рекламы. Например, рекламный трекер FidZup разработал «связь между звуковым излучателем и мобильным телефоном...». Он может определять присутствие мобильных телефонов и, следовательно, их владельцев, распространяя внутри здания неслышимый человеческому уху звук:

Таким образом, физическое местонахождение пользователей, установивших путеводитель по французским ресторанам и отелям, «Bottin Gourmand», будет отслеживаться с помощью колонок в торговых точках, по мере их перемещения по Парижу. То же самое произойдет с читателями приложения автомобильного журнала Auto Journal и приложения-телегида TeleStar.

Как подчеркивают авторы этого исследования и в полном соответствии с моделью, намеченной в патенте Google, которую мы разобрали в главе 3 и с которой еще неоднократно столкнемся в следующих главах, непрекращающееся отслеживание невосприимчиво к «системе разрешений» Android, несмотря на обещанный контроль со стороны пользователя³⁵⁴.

Учитывая враждебность и интенсивность этих операций по обеспечению поставок поведенческого излишка, не слишком удивительно, что программное обеспечение Disconnect было

---

³⁵³ Mengwei Xu et al., “AppHolmes: Detecting and Characterizing App Collusion Among Third-Party Android Markets,” *Association for Computing Machinery*, 2017, <https://www.microsoft.com/en-us/research/publication/appholmes-detecting-characterizing-app-collusion-among-third-party-android-markets>.

³⁵⁴ См.: “Press | Yale Privacy Lab,” <https://privacylab.yale.edu/press.html>; and “Exodus Privacy,” Exodus-Privacy, <https://exodus-privacy.eu.org/>. См. также: Yael Grauer, “Staggering Variety of Clandestine Trackers Found In Popular Android Apps,” *Intercept*, November 24, 2017, <https://theintercept.com/2017/11/24/staggering-variety-of-clandestine-trackers-found-in-popular-android-apps/>.

удалено из обширного каталога мобильных приложений Google Play, что привело к иску Disconnect против Google в 2015 году. Согласно иску стартапа, «рекламные компании, включая Google, используют эти невидимые соединения, чтобы „отслеживать“ действия пользователя, когда он просматривает страницы интернета или открывает другие мобильные приложения, с целью собрать персональную информацию пользователя, создать его „профиль“ и заработать деньги, таргетируя на него рекламу»³⁵⁵. Далее утверждалось, что защита личных данных, предлагаемая Google, «неизменно позволяет компании продолжать собирать личную информацию...»³⁵⁶. Удаление Google приложения Disconnect исключительно показательно в свете того факта, что, в отличие от Apple, Google известен своим «либертарианским» подходом, когда дело касается миллионов приложений, продаваемых или скачиваемых «бесплатно» из его магазина приложений. В соответствии со своими необременительными правилами он пытается выявлять и удалять вредоносные приложения, но немногим более³⁵⁷.

Основатели Disconnect пытались бросить вызов императиву извлечения, но не смогли достичь цели в одиночку. После попыток – безуспешных – договориться с Google, они в конечном итоге объединились с другими организациями и подали жалобу на Google в ЕС, тем самым способствуя началу антимонопольного расследования в отношении Android³⁵⁸. Как утверждали в Disconnect,

Google находится под огромным давлением со стороны финансового сообщества повысить «эффективность» отслеживания с целью увеличения доходов и прибыли. Предоставление пользователю возможности контролировать персональную информацию о самом себе (и защищать себя от вредоносных программ) путем блокирования невидимых подключений к проблемным сайтам представляет собой экзистенциальную угрозу для Google³⁵⁹.

Как бывшие работники Google, основатели Disconnect думали, что они хорошо знают своего противника, но они недооценили уровень институционализации, достигнутый надзорным капитализмом и ожесточение, с которым корпорация была готова отражать «экзистенциальные угрозы» маршрутам своих поставок.

III. Цикл изъятия

Задолго до истории с Disconnect Google обнаружил, что успешное изъятие излишка – это не единичное действие, а сложнейшая комбинация политических, социальных, административных и технических операций, требующая искусного управления на протяжении долгого времени. Операции по изъятию, проводимые Google, демонстрируют *предсказуемую последовательность этапов*, которые должны быть тщательно проработаны и организованы, если им суждено реализовать свое конечное предназначение – превратиться в систему фактов, посредством которых нормализуется извлечение излишка.

Четыре этапа этого цикла – это *вторжение, приучение, адаптация и перенаправление*. Взятые вместе, эти этапы составляют «теорию изменений», которая описывает и предсказывает изъятие как политическую и культурную операцию, в которой задействован также тща-

---

³⁵⁵ “Complaint of Disconnect, Inc.,” 2.

³⁵⁶ “Complaint of Disconnect, Inc.,” 3.

³⁵⁷ Vigneri et al., “Taming the Android AppStore”; “Antitrust/Cartel Cases—40099 Google Android,” European Union Commission on Competition, April 15, 2015, http://ec.europa.eu/competition/elojade/isef/case_details.cfm?proc_code=1_40099.

³⁵⁸ “European Commission – Press Release – Antitrust: Commission Sends Statement of Objections to Google on Android Operating System and Applications,” European Commission, April 20, 2016, http://europa.eu/rapid/press-release_IP-16-1492_en.htm.

³⁵⁹ “Complaint of Disconnect, Inc.,” 40.

тельно подобранный перечень административных, технических и материальных ресурсов. Есть много ярких примеров этого цикла, в том числе история принадлежащего Google почтового сервиса Gmail; усилия Google по налаживанию маршрутов поставок в социальных сетях, сначала в Buzz, а затем в Google+; и разработка очков Google Glass. В этой главе мы сфокусируемся на истории Просмотра улиц (Street View), чтобы ближе познакомиться с циклом изъятия и проблемами управления им.

Первый этап успешного изъятия излишка начинается с одностороннего *вторжения* в незащищенное пространство – ваш ноутбук, ваш телефон, веб-страницу, улицу, на которой вы живете, электронное письмо вашему другу, прогулку в парке, поиски подарка на день рождения, обмен фотографиями ваших детей, ваши интересы и вкусы, ваше пищеварение, ваши слезы, ваше внимание, ваши чувства, ваше лицо. Вторжение происходит тогда, когда операции по изъятию начинают полагаться на свою виртуальную способность присваивать поведенческий излишек, обитающий на нерыночных пространствах повседневной жизни. Вторжение инициирует самую основную и плодоносную для Google форму изъятия – повторяющийся «первородный грех простого грабежа» Арендт. Вторжение идет напролом, не глядя по сторонам, постоянно заявляя о своих правах на принятие решений в отношении всего, что попадает на пути. «Я забираю это, – говорит оно. – Отныне все это мое».

Компания научилась устраивать вторжения и продолжать их до тех пор, пока не встретит сопротивление. Затем она обольщает, игнорирует, подавляет или просто истощает своих противников. Обольщение подразумевает целый каскад неотразимых соблазнов: беспрецедентный объем хранилища, доступ к качественно новым видам информации, новые удобства. При необходимости компания может с той же легкостью перейти к более жесткой тактике, направленной на то, чтобы истощить время, деньги и дух противников. Против Google возбуждены сотни дел – странами, штатами, организациями и отдельными лицами, и есть множество других дел, которые так и не стали публичными. По словам Марка Ротенберга, исполнительного директора Информационного центра электронной конфиденциальности (Electronic Privacy Information Center, EPIC), никто точно не знает, сколько судебных процессов открыто по всему миру³⁶⁰. Правовые проблемы различны, но почти всегда они сводятся к одному и тому же – одностороннему вторжению, встретившему сопротивление.

Правовое сопротивление и социальный протест возникали, например, в связи с оцифровкой книг³⁶¹, сбором личной информации с помощью Wi-Fi-модуля и камеры при создании Просмотра улиц³⁶², сохранением данных голосовой связи³⁶³, обходом настроек конфиденци-

³⁶⁰ Марк Ротенберг, телефонное интервью с автором, июнь 2014 г.

³⁶¹ Jennifer Howard, "Publishers Settle Long-Running Lawsuit Over Google's Book-Scanning Project," *Chronicle of Higher Education*, October 4, 2012, <https://chronicle.com/article/Publishers-Settle-Long-Running/134854>; "Google Books Settlement and Privacy," *EPIC.org*, October 30, 2016, <https://epic.org/privacy/googlebooks>; Juan Carlos Perez, "Google Books Settlement Proposal Rejected," *PCWorld*, March 22, 2011, <http://www.pcworld.com/article/222882/article.html>; Eliot Van Buskirk, "Justice Dept. to Google Books: Close, but No Cigar," *Wired*, February 5, 2010, <http://www.wired.com/2010/02/justice-dept-to-google-books-close-but-no-cigar>; Miguel Helft, "Opposition to Google Books Settlement Jells," *New York Times—Bits Blog*, April 17, 2009, <https://bits.blogs.nytimes.com/2009/04/17/opposition-to-googlebooks-settlement>; Brandon Butler, "The Google Books Settlement: Who Is Filing and What Are They Saying?" *Association of Research Libraries* 28 (2009): 9; Ian Chant, "Authors Guild Appeals Dismissal of Google Books Lawsuit," *Library Journal*, April 16, 2014, <http://lj.libraryjournal.com/2014/04/litigation/authors-guild-appeals-dismissal-of-google-books-lawsuit>.

³⁶² "Investigations of Google Street View," *EPIC.org*, 2014, <https://epic.org/privacy/streetview>; David Kravets, "An Intentional Mistake: The Anatomy of Google's Wi-Fi Sniffing Debacle," *Wired*, May 2, 2012, <https://www.wired.com/2012/05/google-wifi-fcc-investigation>; Clint Boulton, "Google WiFi Privacy Breach Challenged by 38 States," *eWeek*, July 21, 2010, <http://www.eweek.com/c/a/SearchEngines/Google-WiFi-Privacy-Breach-Challenged-by-38-States-196191>; Alastair Jamieson, "Google Will Carry On with Camera Cars Despite Privacy Complaints Over Street Views," *Telegraph*, April 9, 2009, <http://www.telegraph.co.uk/technology/google/5130068/Google-will-carry-on-with-camera-cars-despite-privacy-complaints-over-street-views.html>; Gareth Corfield, "'At Least I Can Walk Away with My Dignity'—Streetmap Founder After Google Lawsuit Loss," *Register*, February 20, 2017, https://www.the-register.co.uk/2017/02/20/streetmap_founder_kate_sutton_google_lawsuit.

³⁶³ Joseph Menn, Daniel Schäfer, and Tim Bradshaw, "Google Set for Probes on Data Harvesting," *Financial Times*, May 17, 2010, <http://www.ft.com/intl/cms/s/2/254ff5b6-61e2-11df-998c-00144feab49a.html#axzz3JjXPNno5>.

альности³⁶⁴, манипулированием результатами поиска³⁶⁵, хранением обширных поисковых данных³⁶⁶, отслеживанием данных о местонахождении смартфонов³⁶⁷, носимыми технологиями и возможностями распознавания лиц³⁶⁸, секретным сбором данных об учащих в коммерческих целях³⁶⁹ и консолидацией профилей пользователя со всех служб и устройств Google³⁷⁰. В ближайшие годы в этом списке окажутся дроны, телесные сенсоры, нейротрансмиттеры, «цифровые помощники» и другие оснащенные сенсорами устройства. Тем временем Google неизменно поражает решительностью, смелостью и чувством вседозволенности. Императив извлечения заставляет его переносить границы все дальше в незащищенное пространство.

На втором этапе целью является *приучение*. В то время как судебные процессы и расследования разворачиваются в утомительно медленном темпе, свойственном демократическим институтам, Google продолжает молниеносно развивать свои спорные новые практики. За время, прошедшее в ходе расследований Федеральной торговой комиссии и Федеральной комиссии по связи, судебных дел, прокурорских проверок и расследований Комиссии ЕС, новые находящиеся под огнем критики практики все более прочно устанавливались в качестве институциональных фактов, быстро подкрепляемых растущими экосистемами заинтересованных сторон. Люди свыкаются с вторжением со смешанным ощущением согласия, беспомощности и покорности. Чувства изумления и возмущения проходят. Само вторжение, некогда связанное с чем-то немислимим, постепенно прокладывает дорожку на территорию обыденности. Что еще хуже, оно постепенно начинает казаться неизбежным. Развиваются новые зависимости. По мере того как люди утрачивают чувствительность, отдельным лицам и группам становится все труднее жаловаться.

На третьем этапе цикла, когда Google время от времени вынуждают менять свои методы, его руководители и инженеры производят поверхностные, но тактически эффективные *адаптации*, которые удовлетворяют непосредственным требованиям государственных органов,

³⁶⁴ Julia Angwin, "Google in New Privacy Probes," *Wall Street Journal*, March 16, 2012, <http://online.wsj.com/articles/SB10001424052702304692804577283821586827892>; Julia Angwin, "Google, FTC Near Settlement on Privacy," *Wall Street Journal*, July 10, 2012, <http://www.wsj.com/articles/SB10001424052702303567704577517081178553046>; Jonathan Owen, "Google in Court Again Over 'Right to Be Above British Law' on Alleged Secret Monitoring," *Independent*, December 8, 2014, <http://www.independent.co.uk/news/uk/crime/google-challenges-high-court-decision-on-alleged-secret-monitoring-9911411.html>.

³⁶⁵ "Testimony of Benjamin Edelman Presented Before the United States House of Representatives Committee on the Judiciary Task Force on Competition Policy and Antitrust Laws," June 27, 2008; Brody Mullins, Rolfe Winkler, and Brent Kendall, "Inside the U.S. Antitrust Probe of Google," *Wall Street Journal*, March 19, 2015, <http://www.wsj.com/articles/inside-the-u-s-antitrust-probe-of-google-1426793274>.

³⁶⁶ Nate Anderson, "Why Google Keeps Your Data Forever, Tracks You with Ads," *Ars Technica*, March 8, 2010, <http://arstechnica.com/tech-policy/news/2010/03/google-keeps-your-data-to-learn-from-good-guys-fight-off-bad-guys.ars>; Kevin J. O'Brien and Thomas Crampton, "E.U. Probes Google Over Data Retention Policy," *New York Times*, May 26, 2007, <http://www.nytimes.com/2007/05/26/business/26google.html>; Mark Bergen, "Google Manipulates Search Results, According to Study from Yelp and Legal Star Tim Wu," *Recode*, June 29, 2015, <http://www.recode.net/2015/6/29/11563936/yelp-teams-with-legal-star-tim-wu-to-trounce-google-in-new-study>.

³⁶⁷ David Snelling, "Google Maps Is Tracking You! How Your Smartphone Knows Your Every Move," *Express*, August 18, 2014, <http://www.express.co.uk/life-style/science-technology/500811/Google-Maps-is-tracking-your-every-move>; Jason Mick, "ACLU Fights for Answers on Police Phone Location Data Tracking," *Daily Tech*, August 4, 2011, <http://www.dailytech.com/ACLU+Fights+for+Answers+on+Police+Phone+Location+Data+Tracking/article22352.htm>.

³⁶⁸ "Google Glass and Privacy," *EPIC.org*, October 6, 2017, <https://epic.org/privacy/google/glass>.

³⁶⁹ Benjamin Herold, "Google Under Fire for Data-Mining Student Email Messages," *Education Week*, March 26, 2014, <http://www.edweek.org/ew/articles/2014/03/13/26google.h33.html>; Quinten Plummer, "Google Email Tip-Off Draws Privacy Concerns," *Tech Times*, August 5, 2014, <http://www.techtimes.com/articles/12194/20140805/google-email-tip-off-draws-privacy-concerns.htm>.

³⁷⁰ Grant Gross, "French Fine Google Over Change in Privacy Policy," *PCWorld*, January 8, 2014, <http://www.pcworld.com/article/2085920/french-fine-google-over-change-in-privacy-policy.html>; Dheepthika Laurent, "Facebook, Twitter and Google Targeted in French Lawsuit," *CNN.com*, March 26, 2014, <http://www.cnn.com/2014/03/25/world/europe/france-social-media-lawsuit/index.html>; Mark Milian, "Google to Merge User Data Across Its Services," *CNN.com*, January 25, 2012, <http://www.cnn.com/2012/01/24/tech/web/google-privacy-policy/index.html>; Martin Gijzemijter, "Google's Privacy Policy Merger 'Against Dutch Law,'" *ZDNet*, November 29, 2013, <http://www.zdnet.com/article/googles-privacy-policy-merger-against-dutch-law>; Zack Whittaker, "Google Faces EU State Fines Over Privacy Policy Merger," *ZDNet*, April 2, 2013, <http://www.zdnet.com/article/google-faces-eu-state-fines-over-privacy-policy-merger>.

судебных решений и общественного мнения. Между тем на заключительном этапе корпорация перегруппировывается, чтобы развивать новую риторику, методы и элементы дизайна, которые *перенаправляют* спорные процессы поставок ровно настолько, насколько необходимо, чтобы они внешне соответствовали общественным и правовым требованиям. Творческая энергия, финансовые ресурсы и целеустремленность, брошенные на управление этим поэтапным процессом, гибки и динамичны. Напротив, операциональная необходимость экономии от масштаба при захвате поведенческого излишка – это постоянно работающая машина, непреклонный ритм которой не оставляет места для каких-либо отклонений от цели.

Теория и практика изъятия разрабатывались и совершенствовались по мере того, как компания училась противостоять общественному сопротивлению и трансформировать его, что было необходимым условием защиты и расширения ее бизнеса на поведенческом излишке. Один из первых поводов выучить этот урок представился, когда после запуска Gmail 1 апреля 2004 года корпорация успешно отразила общественное возмущение по поводу автоматического сканирования содержимого электронной почты, предназначенного в качестве нового источника излишка для таргетированной рекламы. В конце концов цикл изъятия был усовершенствован и стал форменной «теорией изменений», формирующей тактический игровой план, который к настоящему времени регулярно применяется этой надзорно-капиталистической корпорацией как прошедший боевую проверку ответ на сопротивление общества.

Этот цикл изъятия в Google оказался настолько успешным в противодействии угрозам Gmail, и он был воспроизведен и доработан в сражении за Просмотр улиц, проект по картированию улиц, запущенный в 2007 году. И снова компания не спрашивала разрешения. Она просто повторила «первородный грех простого грабежа» и взяла себе то, что хотела, рассчитывая, что сопротивление постепенно само собой сойдет на нет, пока она пожирает и перерабатывает в цифровые данные улицы, общественные пространства, здания и домашние очаги всего мира.

Этап первый: Вторжение

Просмотр улиц впервые привлек внимание общественности после появления невинного с виду поста в блоге. Питер Флейшер, «консультант по конфиденциальности» Google, помог запустить новую «услугу», написав хвалебный гимн, воспевающий «благородную американскую традицию» общественных пространств, где, по его словам, «люди не имеют таких ожиданий в отношении конфиденциальности, как у себя дома». Как юрист, Флейшер знает, какую цену имеет каждое слово при заключении контракта или создании прецедента, поэтому стоит внимательно прочесть его слова 2007 года. Его небрежное повествование решает очень нетривиальные задачи, поскольку он утверждает, что все общественные места – законная добыча Google. У него получается, что любое публичное пространство – подходящий предмет для вторжения нового типа со стороны фирмы, не требующего чьего-либо разрешения, ведома или согласия. Дома, улицы, дворы, деревни, поселки, города – это уже не местный пейзаж, где живут и гуляют соседи, где встречаются и разговаривают жители. Просмотр улиц, сообщают нам, претендует на каждый уголок как на всего лишь очередной объект в бесконечной сетке GPS-координат и ракурсов камеры.

Своим заявлением Флейшер намерен установить за Google прерогативу выхолащивать каждое местечко от субъективных значений, которые объединяют тех, кто там собирается. Да, когда мы выходим из дома, мы знаем, что нас увидят, но мы рассчитываем, что будем видеть друг друга в пространстве, избранном нами. Теперь же остается лишь безличное зрелище. Мой дом, моя улица, мой двор, любимое кафе – все это превращается в анимированную туристическую брошюру, объект наблюдения и открытый карьер, предмет, выставленный на всеобщее обозрение и для коммерческой экспроприации.

Google уже прибрал к рукам интернет, но Просмотр улиц и другие картографические проекты Google – Карты Google и Google Планета Земля (трехмерный вид планеты, созданный с использованием спутниковых и аэрофотоснимков) – ознаменовали еще более амбициозное видение. Все в мире должно было быть известно и отображено Google, доступно через Google и проиндексировано Google в его ненасытном аппетите к поведенческому излишку. Предположительно, ничто не должно остаться за границами Google. Мир покорен, поставлен на колени и доставлен вам Google.

Сообщение в блоге, сопровождавшее появление Просмотра улиц, – зеркальное отражение высадки захватчиков, которые когда-то появились на том безупречном карибском пляже. Конкистадоры прикрывали голые факты вторжения утонченными жестами дружбы и смирения, не давшими различить прямую и явную опасность, которую несло их прибытие. Точно так же и Флейшер заверяет свою аудиторию в дружественных намерениях. Просмотр улиц, для которого использовались ярко расцвеченные автомобили с большим креплением для 360-градусной камеры на крыше для захвата нужных изображений, был разработан, чтобы «уважать неприкосновенность частной жизни людей, которым случилось идти по улице, – пишет Флейшер. – Вот почему мы разработали простую процедуру, в соответствии с которой каждый может связаться с нами и удалить свое изображение». Он пообещал, что компания будет уважать законы и обычаи «других частей мира»³⁷¹.

Сопrotивление возникало быстро и часто. К январю 2009 года Просмотр улиц столкнулся с сопротивлением в Германии и Японии. Джон Ханке, к тому времени вице-президент по продуктам, связанным с Google Maps, не придал значения этому ропоту. (Как вы помните, Ханке основал финансируемую ЦРУ компанию спутниковых карт Keyhole, а после того, как она была куплена Google, возглавил ее преобразование в Google Планета Земля.) Он сказал репортеру, что все это – всего лишь часть «цикла человеческого понимания, что есть что и о чем стоит беспокоиться, а о чем на самом деле не стоит», другими словами, цикла изъятия. Google Планета Земля также подвергалась нападкам, ее обвиняли в том, что она способствовала смертельной террористической атаке в Мумбаи, но Ханке настаивал на том, что споры вокруг Google Планеты Земля или Просмотра улиц «на Западе» «в основном улеглись». Он ловко приравнивал любое сопротивление вторжениям Google к продвижению интересов авторитарных правительств и их «обществ с закрытой информацией», направленных против свободы самовыражения³⁷². Для Google и его союзников это станет стандартной риторической уловкой, применяемой в ходе нападения.

Не был ли удивлен в таком случае Ханке, когда в апреле 2009 года жители тихой английской деревни Бротон заблокировали машину Просмотра улиц, которая пыталась пересечь границу деревни, назвав это нежелательным вторжением? Это был тот самый «Запад», но споры о неприкосновенности частной жизни, самоопределении и правах на принятие решений далеко не «улеглись». Компания Privacy International подала официальную жалобу в британские органы по обеспечению неприкосновенности частной жизни, ссылаясь на более 200 сообщений от людей, которых можно было идентифицировать на изображениях Просмотра улиц, и потребовала приостановить этот сервис.

Руководство Google явно пропустило пост Флейшера о соблюдении требований конфиденциальности. Вместо этого Ханке просто отмахнулся от протестующих. Он сказал газете Times, что компанию это не остановит и что она планирует завершить охват Великобритании к концу года. Он заявил, что информация Просмотра улиц «полезна для экономики и полезна

---

³⁷¹ Peter Fleischer, “Street View and Privacy,” *Google Lat Long*, September 24, 2007, <https://maps.googleblog.com/2007/09/streetview-and-privacy.html>.

³⁷² См.: Stephen Hutcheon, “We’re Not Stalking You or Helping Terrorists, Says Google Earth Boss,” *Sydney Morning Herald*, January 30, 2009, <http://www.smh.com.au/news/technology/biztech/were-not-stalking-you-or-helping-terrorists-says-google-earthboss/2009/01/30/1232818692103.html>.

для нас как частных лиц. <...> Речь идет о предоставлении людям важной информации, позволяющей им принимать лучшие решения»³⁷³.

Ханке, конечно, выдавал желаемое за действительное, но его заявления были вполне в русле общего подхода Google: расширять возможности людей – это здорово, но не надо расширять их *сверх* меры, чтобы они не заметили кражу своих прав на принятие решений и не попытались вернуть их. Фирма хочет помочь людям принимать лучшие решения, но не в том случае, если эти решения мешают собственным императивам Google. Идеальное общество для Google – это население удаленных пользователей, а не общество граждан. Он превозносит информированных людей, но информированных лишь настолько, насколько это угодно корпорации. Это означает, что мы должны быть смиренными, миролюбивыми и, главное, благодарными.

В 2010 году Федеральная комиссия Германии по защите данных объявила, что за проектом Google Просмотр улиц скрывается замаскированный массовый сбор данных; автомобили Просмотра улиц тайно собирают персональные данные из частных сетей Wi-Fi³⁷⁴. Google отрицал это обвинение, настаивая, что собирает только общедоступные имена сетей Wi-Fi и идентифицирующие адреса Wi-Fi роутеров, но не личную информацию, отправленную через эти сети³⁷⁵. Через несколько дней независимый анализ, проведенный немецкими экспертами в области безопасности, убедительно доказал, что автомобили Просмотра улиц извлекали незашифрованную личную информацию. Google был вынужден признать, что перехватывал и хранил «полезные данные», личную информацию, полученную при незашифрованных передачах Wi-Fi. Как отмечается в оправдательном сообщении в его блоге, «в некоторых случаях были сохранены целые электронные письма и URL-адреса, а также пароли». Технические эксперты в Канаде, Франции и Нидерландах установили, что полезные данные включают в себя имена, номера телефонов, банковскую информацию, пароли, сообщения, транскрипты электронной почты и чатов, а также записи, касающиеся онлайн-знакомств, порнографии, активности в браузере, медицинскую информацию, данные о местоположении, фотографии, видео- и аудио-файлы. Они пришли к выводу, что подобные пакеты данных можно сопоставить между собой и получить подробный индивидуальный профиль конкретного лица³⁷⁶.

Скандал вокруг «Spy-Fi» заполнил новостные ленты по всему миру. Многие полагали, что откровения о Просмотре улиц нанесут непоправимый ущерб Google. В Германии, где действия фирмы были явным нарушением законов о конфиденциальности и защите данных, чиновники отреагировали гневно и предупредили, что Google ожидают расследование ЕС и иски в немецких судах. В немецкий парламент был внесен законопроект, в котором предлагалось оштрафовать Google за показ личной собственности без согласия владельцев. Google столкнулся с новыми судебными разбирательствами в Швейцарии, Канаде, Франции и Нидерландах. К 2012 году многочисленные расследования шли в двенадцати странах, включая большую часть Европы, Северную Атлантику и Австралию, и Google был признан виновным в нарушении закона по крайней мере в девяти странах³⁷⁷.

³⁷³ См.: Jamieson, “Google Will Carry On with Camera Cars”.

³⁷⁴ Kevin J. O'Brien and Claire Cain Miller, “Germany’s Complicated Relationship with Google Street View,” *New York Times – Bits Blog*, April 23, 2013, <http://bits.blogs.nytimes.com/2013/04/23/germanys-complicated-relationship-with-google-street-view>.

³⁷⁵ Peter Fleischer, “Data Collected by Google Cars,” *Google Europe*, April 27, 2010, <https://europe.googleblog.com/2010/04/data-collected-by-google-cars.html>.

³⁷⁶ “In the Matter of Google, Inc.: Notice of Apparent Liability for Forfeiture, File No.: EB-10-IH-4055, NAL/Acct. No.: 201232080020, FRNs: 0010119691, 0014720239,” Federal Communications Commission, April 13, 2012, 12–13.

³⁷⁷ Kevin J. O'Brien, “Google’s Data Collection Angers European Officials,” *New York Times*, May 15, 2010, <http://www.nytimes.com/2010/05/16/technology/16google.html>; “Commissioner’s Findings—PIPEDA Report of Findings #2011-001: Report of Findings: Google Inc. WiFi Data Collection—Office of the Privacy Commissioner of Canada,” June 6, 2011, <https://www.priv.gc.ca/en/opc-actions-and-decisions/investigations/investigations-into-businesses/2011/pipeda-2011-001>; CNIL, “Délibération de La Commission Nationale de l’Informatique et Des Libertés Decision no. 2011-035 of the Restricted Committee Imposing a Financial Penalty on the Company Google Inc.,” 2011-035 § (2011), <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCnil.do?&id =CNILTEXT000023733987>; “Final Findings, Dutch Data Protection

В США генеральные прокуроры тридцати восьми штатов инициировали исследование методов Просмотра улиц. Многочисленные групповые иски подали частные лица, восемь из этих исков были объединены в окружном суде Северной Калифорнии. Глава Privacy International заявил, что Google становится «Большим братом»³⁷⁸. Информационный центр электронной конфиденциальности выступил за то, чтобы в США оказали серьезное юридическое сопротивление попыткам Google избежать последствий по следам скандала со Spy-Fi, и поддерживал на своем сайте подробную и постоянно обновляемую хронику всемирного возмущения, протестов, расследований, судебных разбирательств и досудебных соглашений, ставших реакцией на Просмотр улиц и связанную с ним тактику извлечения излишка³⁷⁹.

Google назвал «нарушения конфиденциальности» в Просмотре улиц «ошибкой», допущенной единственным инженером, работающим над «экспериментальным» проектом, код которого случайно попал в программное обеспечение Просмотра улиц. Фирма отказалась раскрыть личность таинственного инженера и настаивала на том, что руководители проекта не знали о сборе данных и «не собирались» использовать эти данные. Как сказал газете Financial Times Эрик Шмидт: «Мы облажались». Он отметил, что упомянутому инженеру ввиду явного «нарушения» им политик Google предстоит внутреннее расследование. Непоколебимый, Шмидт настаивал на легитимности миссии Google по индексированию всей мировой информации³⁸⁰.

Расследование, проведенное Федеральной комиссией по связи в 2012 году, охарактеризовало этот случай как «преднамеренное программное решение одного из сотрудников Google, работавших над проектом Просмотра улиц»³⁸¹. Инженер был выбран для включения в команду из-за его уникального опыта в «вардрайвинге» (Wi-Fi wardriving) – обнаружении беспроводных сетей с помощью специального оборудования, установленного на автомобиле³⁸². В его заметках к проекту указывалось, что данные трафика и местоположения пользователей будут регистрироваться вместе с «информацией о том, что они делают», что позже «будет анализироваться в автономном режиме для использования в других инициативах». «Соображения конфиденциальности» в этих заметках рассматривались, но были отклонены³⁸³.

Федеральная комиссия по связи нашла свидетельства, противоречащие версии с козлом отпущения, выдвинутой Google. Записи показали, что инженер отправил по электронной почте ссылки на документацию к своему программному обеспечению руководителям проекта, которые затем поделились ими со всей командой Просмотра улиц. Также были обнаружены доказательства того, что по крайней мере в двух случаях этот инженер говорил своим коллегам, что Просмотр улиц собирает личные данные. Несмотря на эти факты, а также свидетельства об исчерпывающих внутреннем обсуждении программного обеспечения и процедурах его тести-

---

Authority Investigation into the Collection of Wifi Data by Google Using Street View Cars—Z2010-00582—DDPA Decision,” December 7, 2010, https://web.archive.org/web/20130508060039/http://www.dutchdpa.nl/downloads_overig/en_pb_20110811_google_final_findings.pdf; “Investigations of Google Street View”; Kevin J. O’Brien, “Europe Pushes Google to Turn Over Wi-Fi Data,” *New York Times*, June 27, 2010, <http://www.nytimes.com/2010/06/28/technology/28google.html>.

³⁷⁸ “In the Matter of Google, Inc.: Notice of Apparent Liability for Forfeiture”; O’Brien, “Google’s Data Collection”.

³⁷⁹ EPIC поддерживал веб-сайт с историей событий, связанных с Просмотром улиц и исходами соответствующих судебных баталий, как американских, так и международных. См.: “Investigations of Google Street View”; “Ben Joffe v. Google,” *EPIC.org*, 2017, <https://epic.org/amicus/google-street-view/>; “FCC Investigation of Google Street View,” *EPIC.org*, 2017, https://www.epic.org/privacy/google/fcc_investigation_of_google_st.html; Mark A. Chavez and Marc Rotenberg, “Brief for Amicus Curiae: Electronic Privacy Information Center in Support of Plaintiffs – In Re Google Street View Electronic Communications Litigation, Case no. 5:10-Md-02184-JW,” US District Court for Northern District of California San Jose Division, April 11, 2011, <https://epic.org/privacy/streetview/EPICStreetviewAmicus.pdf>.

³⁸⁰ См.: Maija Palmer and Lionel Barber, “Google to Hand Over Intercepted Data,” *Financial Times*, June 3, 2010, <http://www.ft.com/cms/s/2/db664044-6f43-11df-9f43-00144feabdc0.html>.

³⁸¹ “In the Matter of Google, Inc.: Notice of Apparent Liability for Forfeiture”.

³⁸² Denis Howe, “Wardriving,” *Dictionary.com*, <http://www.dictionary.com/browse/wardriving>.

³⁸³ “In the Matter of Google, Inc.: Notice of Apparent Liability for Forfeiture,” 11.

рования и регулярной передаче полезных данных с жестких дисков Просмотра улиц в дата-центр Google в Орегоне, инженеры Google отрицали, что знали что-либо о сборе личных данных³⁸⁴.

Этап второй: приучение

Ставка Ханке на то, что «цикл» со временем измотает всякое сопротивление, отражает ключевой операционный компонент императива извлечения, найденный в Поиске, доработанный в Gmail и усовершенствованный в Просмотре улиц. Вырисовывающаяся в итоге мораль такова: «Не оглядывайся назад. Пережди их. Если нужно, переступи через них».

Доклад Федеральной комиссии по связи за апрель 2012 года звучит по-своему душевизирующе – меланхоличная хроника уязвимости демократии перед лицом противостояния богатому, целеустремленному и смелому противнику-капиталисту. В ноябре 2010 года комиссия отправила в Google письмо с запросом необходимой информации. Из этого мало что вышло. К марту следующего года было отправлено второе «дополнительное» письмо. Ответом Google была неполная информация и нежелание сотрудничать, что привело в августе к еще одному «письму-требованию». В конце октября продолжающееся отсутствие сотрудничества со стороны Google потребовало еще одного письма. В течение целого года сотрудникам ФКС приходилось заниматься ответами на отписки и отлавливанием уклончивого руководства компании и его представителей.

Этот документ – откровение о пространствах негативности и сага о посрамленной демократии. В ответ на свой подробный первоначальный запрос комиссия получила «только пять документов» и ни одного электронного письма. Корпорация заявила, что у нее нет времени проводить всестороннюю проверку, назвав ее «обременительной». Google «не удалось» выявить соответствующих лиц. Он «редактировал» имена. Он утверждал, что запрашиваемая информация «не служит никакой полезной цели». Он «не смог» подтвердить информацию. Когда его попросили предоставить конкретные документы, «Google не сделал этого». Google «утверждал», что от него «не следует требовать» предоставить доступ к незаконно собранным ею полезным данным. «Google выжидал...» По всему докладу повторяются фразы «ответа не получено» и «не предоставлено». «Google нарушил приказ Комиссии <...> превысив сроки...» Пять раз были запрошены письменные показания под присягой, но компания не предоставила ни одного из них до сентября 2011 года, когда ФКС пригрозила повесткой в суд. Таинственный инженер просто отказался говорить со следователями, сославшись на право не свидетельствовать против себя на основании Пятой поправки к конституции. В заключении доклада говорится: «Есть основания считать, что во многих или во всех случаях отказ Google сотрудничать с бюро был преднамеренным». Можно было сказать «императивным».

В конечном счете юристы корпорации одержали победу, отстояв свой массовый сбор данных с помощью единственного туманного положения закона о прослушивании телефонных разговоров полувековой давности. Возможно, наиболее показательный элемент всей этой истории – то, что, уходя от ответственности, корпорация прибегла к той самой демократической системе законов и норм, которую открыто презирала. В итоге комиссия оштрафовала Google всего на 25 000 долларов за препятствование расследованию. Google избежал правовых последствий не потому, что общество согласилось с его методами, а потому, что не нашлось законов, нужных для защиты граждан от его вторжений.

Немногим большего добились генеральные прокуроры тридцати восьми штатов. Когда лидер этой группы, Ричард Блюменталь от Коннектикута, выдвинул требование в рамках гражданско-правового расследования (эквивалент вызова в суд), чтобы получить доступ к злосчаст-

---

³⁸⁴ Ibid., 11–12.

ным частным данным, «Google проигнорировал это»³⁸⁵. В конце концов в 2013 году компания согласилась на досудебную сделку с этими штатами, получив всего 7 миллионов долларов штрафа и подписав ряд соглашений относительно «агрессивного» самоконтроля. Газета *New York Times* объявила, что Google наконец признал, что «нарушал конфиденциальность людей во время работы над своим проектом картирования Просмотр улиц, когда мимоходом загребал <...> личную информацию», как будто этот скандал был единственным спорным элементом во всей этой истории. Государственные чиновники восторженно говорили о том, что «отраслевой гигант <...> обязуется изменить свою корпоративную культуру, в сторону повышения внимания к вопросам защиты личных данных»³⁸⁶. Учитывая, что именно императив извлечения делает этого гиганта гигантом, непонятно, смеяться или плакать при виде уверенности генеральных прокуроров в приверженности Google принципам саморегулирования в вопросах конфиденциальности.

Мы видим здесь два ключевых элемента, проливающих свет на тактику приучения. Первый из них – это сам промежуток времени между первоначальным вторжением Просмотра улиц в 2007 году, скандалом в 2010-м, завершением расследования ФКС в 2012-м и завершением расследования штатов в 2013-м. Расследование в Германии также завершилось в конце 2012 года и мало что дало в обмен на все усилия. Другие споры и судебные иски все еще тянулись. Несмотря на всю шумиху и возмущение, все эти годы Просмотр улиц продолжал работать. В период с 2008 по 2010 год во всем мире было «нелегитимно» собрано 600 миллиардов байтов личной информации, из них 200 миллиардов в США³⁸⁷. Корпорация заявила, что прекратила сбор личных данных. Прекратила? Кто-нибудь может с уверенностью это сказать? Даже если прекратила, то первоначальное вторжение, которым был сам Просмотр улиц, благополучно продолжилось.

Второй момент заключается в том, что, оглядываясь назад, видно, что вся история про единичного шального инженера была ложным следом, блестяще задуманной и осуществленной классической уловкой с козлом отпущения. Это отвлекло внимание от амбициозного и спорного императива извлечения в совершенно другую сторону, на историю о единственной инфицированной клетке, вырезанной из плоти огромного, но невинного организма. Осталось только удалить инфицированную часть и позволить организму объявить о своем излечении от клептомании персональных данных. Затем – возвращение на свободу, жизнь с чистого листа.

Google добился именно того, что предсказывал Ханке. Фундаментальная дерзость Просмотра улиц, поразительное и беспрецедентное вторжение, которое вывело жителей английской деревни на улицы, чтобы заблокировать автомобиль с камерой Google, позволило выиграть еще шесть лет на укоренение в глобальном сознании. Стратегическая дисциплина корпорации, когда дело касается обструкции, отражения и эксплуатации демократии, привела к тому, что еще шесть лет люди использовали данные Просмотра улиц, еще шесть лет для накопления молчаливых доводов в пользу неизбежности Google и нашей беспомощности. Еще шесть лет для того, чтобы простой грабеж прав на принятие решений превратился в норму и даже стал считаться «удобным», «полезным» и «изумительным».

---

³⁸⁵ David Streitfeld, “Google Concedes That Drive-By Prying Violated Privacy,” *New York Times*, March 13, 2013, <http://bits.blogs.nytimes.com/2013/03/13/daily-report-google-concedes-that-drive-by-prying-violated-privacy>.

³⁸⁶ David Streitfeld, “Google Admits Street View Project Violated Privacy,” *New York Times*, March 12, 2013, <http://www.nytimes.com/2013/03/13/technology/google-pays-fine-over-streetview-privacy-breach.html>.

³⁸⁷ “In the Matter of Google, Inc.: Notice of Apparent Liability for Forfeiture,” 11; “Google to Give Governments Street View Data,” *New York Times*, June 3, 2010, <https://www.nytimes.com/2010/06/04/business/global/04google.html>.

Этап третий: адаптация

В октябре 2010 года, незадолго до того, как корпорация получила первое письмо-запрос от ФКС, старший вице-президент Google по инженерным разработкам и научным исследованиям в сообщении в официальном блоге Google объявил об «усилении контроля за соблюдением конфиденциальности». «Мы здорово всех подвели», – сказал он. Скандал с Просмотром улиц был подан как непреднамеренная ошибка, единственное пятно на компании, которая усердно работает, «чтобы заслужить ваше доверие». В сообщении общественность заверили в том, что корпорация ведет диалог с внешними регуляторами «о возможных улучшениях в нашей политике», и обещали, что будут внесены изменения для обеспечения конфиденциальности пользователей. Директором по вопросам конфиденциальности в сфере разработки и управления продуктами была назначена Альма Уиттен, занимавшаяся в Google вопросами компьютерной безопасности и контроля конфиденциальности. В блоге также говорилось о новом акценте во внутреннем обучении на «ответственный сбор, использование и обработку пользовательских данных». Наконец, в публикации обещалось усиление внутреннего контроля над тем, как обрабатываются данные. «Мы подавлены происшедшим, – говорилось в сообщении, – но мы уверены, что упомянутые изменения в нашей структуре и процедурах значительно улучшат наши внутренние практики, связанные с конфиденциальностью и безопасностью на благо всех наших пользователей»³⁸⁸.

Обещая публике реформы, корпорация в то же время была вынуждена приспособиваться к требованиям властей в ряде стран, в том числе в Австралии, Бельгии, Канаде, Франции, Голландии, Гонконге, Ирландии, Израиле, Италии, Новой Зеландии, Польше, Испании, Южной Корее, Великобритании и США, где Просмотр улиц подвергся судебному разбирательству, штрафам и/или регулированию. В Японии домовладельцы жаловались на камеры Просмотра улиц, которые возвышались над оградами и могли снимать происходящее внутри. Google согласился с требованиями правительства смонтировать свои камеры ниже, переснять все изображения и размыть идентифицируемые изображения лиц и номерные знаки. В Германии Google разрешил жителям запрашивать, чтобы их дома были размыты на любых изображениях Просмотра улиц. В 2009–2010 годах почти 250 000 семей отправили подобные запросы, что потребовало Google временно нанять 200 программистов для выполнения этого требования³⁸⁹. Гамбургский инспектор по защите данных, который впервые обнаружил сбор данных с помощью Просмотра улиц, оштрафовал Google на 145 000 евро, что близко к максимальному штрафу в 150 000 евро, который он мог наложить³⁹⁰. Это был самый большой штраф, когда-либо наложенный европейскими регуляторами за нарушения, связанные с защитой частной жизни. Google не был оштрафован на максимальную сумму только потому, что он пообещал быстро и полностью удалить данные. В 2011 году Google прекратил свою программу Про-

---

³⁸⁸ Alan Eustace, “Creating Stronger Privacy Controls Inside Google,” *Google Public Policy Blog*, October 22, 2010, <https://publicpolicy.googleblog.com/2010/10/creating-stronger-privacy-controls.html>.

³⁸⁹ “Measures (Guidance) Concerning Protection of ‘Secrecy of Communication’ to Google Inc.,” Ministry of Internal Affairs and Communications, November 11, 2011, http://www.soumu.go.jp/menu_news/s-news/01kiban08_02000056.html; “Navigating Controversy: Google Launches Street View Germany,” *Spiegel Online*, November 18, 2010, <http://www.spiegel.de/international/business/navigating-controversy-google-launches-streetview-germany-a-729793.html>; Matt McGee, “Google Street View Debuts in Germany, Blurry Houses Included,” *Search Engine Land*, November 1, 2010, <http://searchengineland.com/google-street-view-germany-blurry-houses-included-54632>.

³⁹⁰ Arne Gerhards, “Fine Imposed upon Google,” Hamburg Commissioner for Data Protection and Freedom of Information, April 22, 2013, https://www.datenschutz-hamburg.de/fileadmin/user_upload/documents/PressRelease_2013-04-22_Google-Wifi-Scanning.pdf.

смотра улиц в Германии, продолжая поддерживать, но больше не обновлять изображения, которые он уже собрал³⁹¹.

Другие страны сами наложили запрет на работу Просмотра улиц. Швейцария первоначально запретила этот сервис в 2009 году, настаивая на том, чтобы Google удалил все размещенные в нем изображения швейцарских городов и поселков. В конце концов запрет был снят, но Федеральный административный суд Швейцарии ввел ряд строгих правил, в том числе размывание лиц, разработку процедуры исключения и уменьшение высоты камеры. На 2016 год сервис Google ограничивался туристическими объектами на открытом воздухе³⁹². Корпорация также столкнулась с запретами Просмотра улиц в Австрии, Чехии, Греции, Индии и Литве. Однако к лету 2017 года данные Просмотра улиц были доступны по крайней мере для некоторых регионов в каждой из этих стран³⁹³.

Этап четвертый: перенаправление

Признав свою вину, Google не сказал – и это единственное, чего он не мог сказать, – что он откажется от фундаментальной логики накопления – от принципов надзорного капитализма, которые произвели монстра на свет и поддерживают его рост. Мораль кампании по перенаправлению Просмотра улиц была в том, что для Google ничто не должно остаться вне сети его координат. Все должно быть прибрано к рукам для превращения в сырье. Google мало что *может* сказать или сделать для обеспечения «конфиденциальности пользователей», кроме разве что институционального самоубийства. Это помогает объяснить, почему, как отмечается в хвалебной статье 2015 года, посвященной истории Карт Google, «Карты Google навлекли на себя всевозможную критику в отношении конфиденциальности <...> люди психовали <...> Но это не значит, что Просмотр улиц был похоронен как проект. Сегодня он доступен в 65 из 200 с лишним стран, в которых доступны Карты Google»³⁹⁴.

Задача Альмы Уиттен была в том, чтобы восстановить репутацию Google в отношении конфиденциальности, а не ликвидировать императив извлечения и связанную с ним ненасытную потребность в эффекте масштаба в поставках излишка. Иными словами, ее задача была логически невыполнимой. О том, что она, возможно, все же восприняла свою работу всерьез, говорит тот факт, что всего через два с половиной года после ее назначения на должность главного по конфиденциальности, в апреле 2013 года она объявила о своем уходе из Google.

³⁹¹ Matt McGee, "Google Has Stopped Street View Photography in Germany," *Search Engine Land*, April 10, 2011, <http://searchengineland.com/google-has-stopped-street-view-photography-germany-72368>.

³⁹² Peter Fleischer, "Street View in Switzerland," *Google Europe*, November 13, 2009, <https://europe.googleblog.com/2009/11/streetview-in-switzerland.html>; Scott Capper, "Google Faces Court Action Over Street View," *Swissinfo.ch*, November 16, 2009, <http://www.swissinfo.ch/eng/business/google-faces-court-action-over-street-view/7656246>; Anita Greil and Katharina Bart, "Swiss Court to Rule on Google Street View," *Wall Street Journal*, February 24, 2011, <http://www.wsj.com/articles/SB10001424052748703408604576163770758984178>; Frank Jordans, "Google Threatens to Shut Down Swiss Street View," *Phys.org*, May 11, 2011, <http://phys.org/news/2011-05-google-appeals-streetview-switzerland.html>; Kevin J. O'Brien and David Streitfeld, "Swiss Court Orders Modifications to Google Street View," *New York Times*, June 8, 2012, <http://www.nytimes.com/2012/06/09/technology/09iht-google09.html>; "Google Beefs Up Restricted Swiss Street View," *swissinfo.ch*, May 19, 2015, http://www.swissinfo.ch/eng/society/eagle-eye_google-beefs-up-restricted-swiss-streetview/41439290.

³⁹³ Тем не менее Индия продолжает блокировать работу Просмотра улиц, и корпорация сочла слишком затратным учет требований, наложенных Австрией и Германией после того, как прямой запрет там был снят. Подробнее о запретах в ключевых странах см.: "New Developments Regarding Google Street View," Austrian Data Protection Agency, April 4, 2016, <http://web.archive.org/web/20160404072538/https://www.dsb.gv.at/site/6733/default.aspx>; Helena Smith Athens, "Google Street View Banned from Greece," *Guardian*, May 12, 2009, <https://www.the-guardian.com/technology/2009/may/12/google-street-view-banned-greece>; John Ribeiro, "Google Street View in India Faces Challenges," *PCWorld*, May 26, 2011, <http://www.pcworld.com/article/228713/article.html>; Danuta Pavilenene, "Google Street View Banned from Lithuanian Streets," *Baltic Course*, May 23, 2012, <http://www.baltic-course.com/eng/Technology/?doc=57649>.

³⁹⁴ Liz Gannes, "Ten Years of Google Maps, from Slashdot to Ground Truth," *Recode*, February 8, 2015, <http://www.recode.net/2015/2/8/11558788/ten-years-of-google-maps-from-slashdot-to-ground-truth>.

Действительно, больно смотреть на то, как Уиттен дает показания о методах Google на слушаниях в конгрессе в начале 2013 года. Конгрессмены задают ей вопросы, и по ее лицу можно было догадаться, сколько сил она прикладывает, подбирая слова так, чтобы дать ответ, но при этом не выдать истину³⁹⁵. Пришло время перегруппировать и перенаправить глобальный картографический проект, а не завершить его.

О том, что ничего особенного не изменилось и не изменится, сразу же сказала судьба загадочного инженера Google в течение двух лет, последовавших за скандалом. В течение нескольких дней после отчета ФКС в апреле 2012 года бывший государственный следователь, назначенный расследовать Просмотр улиц, установил нарушителя – Мариуса Милнера, известного хакера и специалиста по вардрайвингу. Спустя два года с момента якобы непоправимого ущерба, нанесенного им Google, и его «явного нарушения» политики, он все еще продолжал работать в фирме, занимаясь YouTube. Позже в том же году он станет одним из шести изобретателей, членов возглавляемой Джоном Ханке команды, запатентовавших «Систему и метод транспортировки виртуальных объектов в игре параллельной реальности»³⁹⁶.

Изобретение, одним из авторов которого был Милнер, связано с игрой виртуальной реальности под названием Ingress, также разработанной Ханке и его командой в Google. (Позже Ханке основал свою собственную студию Niantic Labs в рамках новой холдинговой компании Google Alphabet.) Ingress стал испытательным полигоном для многих основополагающих концепций, которые появились в другой «игре», Pokémon Go, прототипе второй фазы экспансии надзорного капитализма, которую мы внимательно рассмотрим в части II. В этой следующей фазе Карты Google становятся критически важным ресурсом для распространения операций цифрового изъятия с виртуального мира на тот, который мы зовем «реальным». В свете этих планов Просмотру улиц нельзя было позволить умереть или хотя бы ограничить его. Это лаконично сформулировал в сентябре 2012 года, всего через четыре месяца после расследования Федеральной комиссии по связи, старший менеджер Google по продуктам Карт Google:

Если вы посмотрите на офлайновый мир, реальный мир, в котором мы живем, не вся эта информация находится онлайн. Но мы пытаемся преодолеть этот разрыв между тем, что мы видим в реальном мире и [онлайн-мире], и Карты на самом деле помогают именно в этом³⁹⁷.

Примером служит тщательно охраняемый проект Google под названием Ground Truth, запущенный в 2008 году, но публично обнародованный только спустя четыре месяца после отчета Федеральной комиссии по связи в 2012 году. Ground Truth – это «глубинная карта», которая содержит подробную «логику местности»: пешеходные дорожки, прудики, съезды с шоссе, условия движения, паромные линии, парки, кампусы, дворы, здания и прочее³⁹⁸. Точно зафиксировать все эти детали – значит получить конкурентное преимущество в гонке за поведенческий излишек, собранный с мобильных устройств. Эта глубинная карта строится с

³⁹⁵ Kashmir Hill, “Google’s Privacy Director Is Stepping Down,” *Forbes*, April 1, 2013, <http://www.forbes.com/sites/kashmirhill/2013/04/01/googles-privacy-director-is-stepping-down/print>; ScroogledTruth, *Scroogled—Dr. Alma Whitten (Google’s Privacy Engineering Lead) Before Congress*, 2013, <https://www.youtube.com/watch?v=vTLEJsunCfI>.

³⁹⁶ Steve Lohr and David Streitfeld, “Engineer in Google’s Street View Is Identified,” *New York Times*, April 30, 2012, <http://www.nytimes.com/2012/05/01/technology/engineer-in-googles-street-view-is-identified.html>; Farhad Manjoo, “Is It Time to Stop Trusting Google?” *Slate*, May 1, 2012, http://www.slate.com/articles/technology/technology/2012/05/marius_milner_google_wi-fi_snooping_assessing_the_disturbing_fcc_report_on_the_company_s_street_view_program_.html; John V. Hanke et al., A system and method for transporting virtual objects in a parallel reality game, United States US8968099 B1, filed November 1, 2012, and issued March 3, 2015, <https://patents.google.com/patent/US8968099B1/en>.

³⁹⁷ См.: Alexis C. Madrigal, “How Google Builds Its Maps – and What It Means for the Future of Everything,” *Atlantic*, September 6, 2012, <http://www.theatlantic.com/technology/archive/2012/09/how-google-builds-its-maps-and-what-it-means-for-the-future-of-everything/261913>.

³⁹⁸ Brian McClendon, “Building a Better Map of Europe,” *Google Maps*, December 5, 2012, <https://maps.googleblog.com/2012/12/building-better-map-of-europe.html>.

использованием общедоступных ресурсов, таких как географические базы данных Бюро переписи США и Геологической службы США³⁹⁹, но что отличает Карты Google от всех остальных – это интеграция эксклюзивных проприетарных данных из Просмотра улиц. Другими словами, данные, собранные на государственные средства, дополняются данными, полученными в результате односторонней передачи поведенческого излишка и прав на принятие решений. Сводные результаты затем переводятся в категорию частных активов.

Один из первых журналистов, приглашенных на демонстрацию Ground Truth в 2012 году, Алексис Мадригал, заметил:

Команда Карт, в значительной степени движимая Просмотром улиц, каждые две недели публикует больше визуальных данных, чем было в распоряжении Google в 2006 году <...> Google на сегодня прошел до пяти миллионов миль.

Автомобили Просмотра улиц сравнивают с ранними поисковыми роботами Поиска Google, которые тихо экспроприировали веб-страницы для индексации и доступа в ходе первоначального акта изъятия. К 2012 году данные Просмотра улиц также предоставляли дорожные знаки и адреса. Вскоре, пишет Мадригал, благодаря Просмотру улиц «каждое видимое с дороги слово станет частью индекса физического мира Google». Завершая обзор операции Ground Truth, Мадригал заключает:

Вряд ли географические данные, собранные любой другой компанией, смогут сравняться с данными Google <...> *Весь этот парк развлечений создавался в качестве искусной приманки для вас*⁴⁰⁰.

Как выразился один из руководителей проекта, «Если вы решили, что должны нанести на карту весь мир, то проблема в том, что вы никогда не сможете остановиться»⁴⁰¹. Так и получилось, что к 2016 году веб-сайт Просмотра улиц Google, рассказывая о своей успешной эволюции, заявлял: «С момента нашего первого запуска в США в 2007 году мы прошли долгий путь. Сегодня мы охватили нашими 360-градусными панорамными видами все семь континентов». Парк оборудования Просмотра улиц для сбора надзорных данных расширился и включает в себя носимый за спиной рюкзак, трехколесный велосипед, снегоход и тележку, которые были разработаны для съемки мест, по которым не могут передвигаться автомобили Просмотра улиц. Туристическим советам и некоммерческим организациям было предложено использовать принадлежащее Google оборудование Trekker (размещаемую в рюкзаке камеру), чтобы «собирать изображения отдаленных и уникальных мест», которые остаются, в прямом и переносном смысле, «вне сети»⁴⁰².

То, что Google не мог создать, он покупал. В 2013 году корпорация одержала победу в схватке с Facebook за израильский стартап социального картирования Waze, фирму, которая научилась в режиме реального времени представлять исходящую от жителей информацию об уличном движении. В 2014 году компания приобрела стартап Skybox, занимавшийся спутниковыми снимками в режиме реального времени, после того как Министерство торговли США сняло ограничения на спутниковые снимки высокого разрешения. Эксперт объясняет:

---

³⁹⁹ «TIGER Geodatabases,” US Census Bureau, 2016, <https://www.census.gov/geo/maps-data/data/tiger-geodatabases.html>.

⁴⁰⁰ Madrigal, “How Google Builds Its Maps” (выделено мной. – Ш. З.).

⁴⁰¹ См.: Gannes, “Ten Years of Google Maps”.

⁴⁰² Soufi Esmailzadeh, “‘See Inside’ with Google Maps Business View,” *Google Lat Long*, December 17, 2014, <https://maps.googleblog.com/2014/12/see-inside-with-google-maps-business.html>; “Google Street View—What It Takes to Be Trusted,” Google Street View, November 10, 2016, <https://www.google.com/streetview/earn>; “About—Google Maps,” Google Maps, November 10, 2016, <https://www.google.com/maps/about/partners>.

Представьте себе, что спутник прямо над вашим офисом, тогда при старом разрешении вероятно, можно было бы различить ваш стол. На новых изображениях, в которых размер каждого пикселя составляет около 31 сантиметров, вы теперь можете разобрать, что у вас на столе. Когда вы достигаете подобной частоты, вы можете начинать добавлять то, что мы называем анализом «образа жизни». Это значит смотреть на происходящее в движении, а не просто с точки зрения идентификации⁴⁰³.

В этом контексте легко оценить важность другого аспекта кампании Google по перенаправлению: заявление 2011 года о том, что корпорация вышла на «новый рубеж» с введением «внутренней системы позиционирования», позволяющей ей определять местоположение и следить за перемещениями людей «когда вы в аэропорту, торговом центре или магазине». С течением времени эти новые возможности будут включать датчики и встроенные камеры, которые позволят пользователям наносить на карту пространства внутри зданий и перемещаться по ним⁴⁰⁴. В сообщении в блоге, датированном сентябрем 2014 года, публике были продемонстрированы новые динамические возможности Карт Google, которые должны стать «вашим новым помощником для принятия любых решений от навигации в дороге до поиска новых ресторанов и выбора пешеходных туристических маршрутов». В этом сообщении появление этих удивительных новых возможностей связывалось с Просмотром улиц. Также в нем было объявлено о расширении вторжения с введением в эксплуатацию переносного картографического приспособления под названием «Картограф», носимого как рюкзак и способного наносить на карту внутренности зданий⁴⁰⁵. Информация Картографа может быть добавлена в растущую навигационную базу внутренних пространств, расширяя способность Google находить людей и устройства при их перемещении между внешними и внутренними пространствами.

Внутренности зданий ускользали от Просмотра улиц и императива извлечения; мало кто из домовладельцев согласился бы пустить все эти камеры внутрь. Вместо этого возможности Картографа были интегрированы в более общую кампанию перенаправления Просмотра улиц и представлены бизнесам как способ повысить доверие потребителей, снять беспокойство и существенно увеличить доходы. Google увещевал компании, работающие непосредственно с потребителем, «приглашать клиентов внутрь». Благодаря Панорамам интерьеров (Business View) потребители смогут заглянуть внутрь тысяч отелей, ресторанов и других точек. Новый контент Просмотра улиц будет отображаться в результатах поиска. В перечне отелей будут предлагаться виртуальные туры по ним. «Дайте им уверенность, в которой они нуждаются», позволив потребителям «побывать у вас еще до прибытия» – говорил Google своим деловым клиентам. Компания утверждала, что виртуальные туры «удваивают бронирование», и ввела программу сертификации, которая позволила бизнесам нанимать утвержденного Google независимого фотографа для создания изображений для Просмотра улиц. Эти поразительные новые тактики перенаправления нацелены на то, чтобы перевернуть старую модель. Они преобразовали Просмотр улиц из назойливого вторжения, тайком обходящего сопротивление, в роскошный VIP-шатер, за пропуск в который предприятиям надо еще побороться.

⁴⁰³ James Vincent, “Skybox: Google Maps Goes Real-Time—but Would You Want a Spy in the Sky Staring into Your Letter Box?” *Independent*, June 21, 2014, <http://www.independent.co.uk/life-style/gadgets-and-tech/news/skybox-google-maps-goes-real-time-but-would-you-want-a-spy-in-the-sky-staring-into-your-letter-box-9553934.html>; “DigitalGlobe Hosts U.S. Secretary of Commerce Pritzker for a Discussion on Commerce in Colorado | Seeing a Better WorldTM,” *DigitalGlobe Blog*, June 25, 2014, <http://blog.digitalglobe.com/2014/06/25/digitalglobehostsussecretarypritzker>; Ellen Huet, “Google Buys Skybox Imaging—Not Just for Its Satellites,” *Forbes*, June 10, 2014, <http://www.forbes.com/sites/ellenhuet/2014/06/10/google-buys-skybox-imaging-not-just-for-its-satellites>.

⁴⁰⁴ Tom Warren, “Google Just Showed Me the Future of Indoor Navigation,” *Verge*, February 23, 2016, <http://www.theverge.com/2016/2/23/11094020/google-lenovo-project-tango-indoor-navigation>.

⁴⁰⁵ Sophia Lin, “Making of Maps: The Cornerstones,” *Google Maps*, September 4, 2014, <https://maps.googleblog.com/2014/09/making-of-maps-cornerstones.html>.

Перенаправление и тонкая доводка Просмотра улиц ознаменовали критический сдвиг в ориентации и амбициях надзорной программы: *теперь дело не только в маршрутах, но и в маршрутизации*. Мы рассмотрим эту новую главу изъятия в следующих главах. Пока достаточно сказать, что Просмотр улиц и более широкий проект Карты Google иллюстрируют новые и еще более амбициозные цели, на которые скоро будет ориентироваться цикл изъятия: переход от онлайн-источников данных к слежению за реальным миром, к роли консультанта и активного пастыря – от знания к влиянию и контролю. В итоге многослойные данные Просмотра улиц станут основой для еще одного комплекса впечатляющих вторжений Google: беспилотного автомобиля и Города Google (Google City), о которых мы узнаем больше в главе 7. Эти программы нацелены на то, чтобы вывести захват излишка на новый уровень, в то же время открывая новые важные рубежи для создания рынков поведенческих фьючерсов в реальном мире товаров и услуг. Важно понимать, что каждый уровень инноваций основывается на предыдущем и что всех их объединяет одна цель – крупномасштабное извлечение поведенческого излишка.

В таком развитии событий Google видит для себя новую возможность, которую, как он надеется, оценят его клиенты – а именно способность влиять на реальное поведение, как оно складывается в реальных условиях повседневной жизни. Например, в 2016 году корпорация представила новую функцию приложения Карт Google под названием «Навигация» (Driving Mode), которая предлагает пункты назначения и рассчитывает время в пути, еще до того, как пользователь выбрал, куда он хочет отправиться. Если вы искали в интернете молоток, то, когда вы пристегнете ремень безопасности, Навигация может отправить вас в хозяйственный магазин. «Google интегрирует эту технологию „подталкивания“ в свое основное мобильное приложение для поиска», – сообщает газета Wall Street Journal⁴⁰⁶.

С помощью этого приложения Google в качестве «второго пилота» предлагает человеку повернуть налево и направо по маршруту, выстроенному благодаря его постоянно растущим знаниям о данном человеке и о контексте. Предсказания о том, где и почему человек может потратить деньги, основаны на исключительном доступе Google к поведенческому излишку и его не менее исключительных аналитических возможностях: «*Победай здесь*». «*Купи это*». Анализ излишка может предсказать, что вы, скорее всего, купите дорогой шерстяной костюм, а данные о местонахождении в режиме реального времени могут подтолкнуть собственника или рекламодателя, тоже в режиме реального времени, сделать вам предложение, соответствующее вашему профилю, причем в тот самый момент, когда фланели, твиды и кашемиры окажутся в пределах вашей видимости. Подталкивай, подтягивай, подсказывай, намекай, уговаривай, стыди, соблазняй: Google хочет быть вашим вторым пилотом по самой жизни. Каждая человеческая реакция на каждое коммерческое предложение дает новые данные для дальнейшего совершенствования прогнозных продуктов. Сами предложения покупаются и оплачиваются в новой итерации рынков онлайн-рекламы Google: идущей в реальном времени и реальном мире торговли поведенческими фьючерсами. Торговле вашим будущим.

Ставки на этом рыночном рубеже, на котором *непредсказуемое поведение эквивалентно потерянному доходу*, высоки. Google не может ничего оставить на волю случая⁴⁰⁷. В сентябре 2016 года технический информационный бюллетень «Реестр» (Register) поведал, что приложение Google Play, предустановленное в новейшем телефоне на Android, постоянно проверяет местоположение пользователя, отправляя эту информацию в установленные у вас сторонние приложения, а также на собственные серверы Google. Один из исследователей проблем безопасности был шокирован, когда его телефон на Android предложил ему скачать приложение

⁴⁰⁶ Alistair Barr, “Google Maps Guesses Where You’re Headed Now,” *Wall Street Journal* (blog), January 13, 2016, <http://blogs.wsj.com/digits/2016/01/13/google-maps-guesses-where-youre-headed-now>.

⁴⁰⁷ Akshay Kannan, “Introducing Nearby: A New Way to Discover the Things Around You,” *Official Android Blog*, June 9, 2016, <https://android.googleblog.com/2016/06/introducing-nearby-new-way-to-discover.html>.

McDonald's в тот самый момент, когда он переступил порог этого заведения. Позже он обнаружил, что Google Play проверял его местоположение тысячи раз. Аналогичным образом Google Карты «не дают вам нормальной возможности отключить доступ к местоположению». Если вы это сделаете, операционная система предостерегает, что «основные функции устройства могут работать неправильно»⁴⁰⁸. Настойчивость Google отражает авторитарную политику императива извлечения, а также степень порабощения самой корпорации непримиримыми требованиями ее экономики.

Исторически важный момент, который стоит здесь отметить, заключается в том, что некогда гонимый Просмотр улиц нашел новую жизнь в своем участии в решительном расширении рынков поведенческих фьючерсов как в интернете, так и в реальном мире. Когда-то предназначавшиеся для таргетированной интернет-рекламы, эти рынки теперь начинают охватывать прогнозы о том, что люди будут делать прямо сейчас, в ближайшее время или в более отдаленном будущем, независимо от того, перемещаются они в интернете или идут по тротуарам и дорогам, по комнатам, залам, магазинам, приемным и коридорам. Эти амбициозные цели предвещают новые вторжения и новое изъятие, по мере того как сопротивление нейтрализуется, а публика впадает в унылую покорность.

Случайно или намеренно, Google обнаружил источник силы любого картографа. Великий историк картографии, Джон Б. Харли, емко сказал об этом: «Империю создали карты». Они необходимы для эффективного «умиротворения, цивилизации и эксплуатации» территорий, желанных или оспариваемых, но на деле еще не захваченных. Чтобы контролировать места и людей, надо их знать. «Сами линии на карте», по словам Харли, – это язык завоевания, на котором «захватчики делят континент между собой в замыслах, отражающих их собственное сложное соперничество и относительную власть». Первое государственное землемерное обследование в США идеально отразило этот язык в своем лозунге: «Порядок для земли»⁴⁰⁹. Картограф – орудие властей как авторов этого порядка; он сводит реальность лишь к двум состояниям: карте и забвению. Истина картографа концентрирует в себе идею, которую Google и все надзорные капиталисты должны запечатлеть в умах всех людей: *если вас нет на нашей карте, вы не существуете*.

IV. Псы безрассудства

Такие проекты, как Просмотр улиц, научили Google, что он может брать на себя роль властителя над будущим, и это сходит ему с рук. Он научился успешно проводить даже самые спорные операции по изъятию, когда они были необходимы для обеспечения новых жизненно важных путей поставок. Так, когда как по всему миру шли протесты против Просмотра улиц и всего за несколько месяцев до объявления Германией, что Просмотр улиц тайно собирает личную информацию из незащищенных сетей Wi-Fi, Google представил Buzz – платформу, предназначенную для того, чтобы расставить сети Google на пути вождя поведенческого излишка, который течет из социальных сетей. Агрессивные методы, которые принес с собой Buzz, – а он распорядился личной информацией пользователей для произвольного создания их социальных сетей – положили начало новому витку цикла изъятия и связанной с ним драматической борьбе.

Когда Google научился успешно перенаправлять маршруты поставок, уклоняясь от противодействия или нейтрализуя его, он стал еще смелее спускать с цепей псов безрассудства и отправлять их сеять опустошение. Один из многих примеров, наглядно иллюстрирующих

---

⁴⁰⁸ Kieren McCarthy, “Delete Google Maps? Go Ahead, Says Google, We’ll Still Track You,” *Register*, September 12, 2016, http://www.theregister.co.uk/2016/09/12/turn_off_location_services_go_ahead_says_google_well_still_track_you.

⁴⁰⁹ John B. Harley, *The New Nature of Maps: Essays in the History of Cartography*, ed. Paul Laxton (Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 2001), 58–59.

стойкость императива извлечения и его воплощение в коммерческой практике, – очки виртуальной реальности Google Glass. Google Glass объединили в себе возможности компьютера, коммуникации, фотографии, отслеживания GPS-координат, извлечения данных и аудио- и видеозаписи в виде удобного для ношения закрепленного на очках устройства. Собираемые им данные – местоположение, аудио, видео, фото и другая личная информация – перемещались с устройства на серверы Google, сливаясь с другими маршрутами поставок в единый колоссальный односторонний поток поведенческого излишка.

Проект рассматривался как предшественник более гибких и менее явных форм носимых компьютерных технологий и захвата излишка. Джон Ханке говорил, что знакомая форма – очки – как нельзя лучше подходит для «ранних этапов освоения» носимых технологий, во многом подобно тому, как первые автомобили походили на запряженные лошадьми повозки. Другими словами, «очки» предназначались для маскировки чего-то вполне беспрецедентного:

В конечном итоге мы хотим, чтобы эти технологии, на каком бы месте вашего тела они ни находились, были полностью оптимизированы для выполняемой ими работы, а не для большей социальной приемлемости на момент их создания, просто потому, что это напоминало бы людям что-то, что они видели в прошлом⁴¹⁰.

Прошло не так много времени с момента стильной презентации очков как последнего писка футуристической моды весной 2012 года, как публика стала испытывать новый ужас перед лицом этого нелепого вторжения. Тех, кто носил это устройство, прозвали «мудочками» («glassholes»), а некоторые компании запретили использование очков на своей территории⁴¹¹.

Защитники неприкосновенности личной жизни протестовали против «всегда включенной», но «незаметной» записи людей и мест, которая покончит с разумными ожиданиями людей в отношении конфиденциальности и/или анонимности. Они предупреждали о новых рисках, возникающих при применении к этим новым потокам данных программ для распознавания лиц, и предсказывали, что такие технологии, как Glass, в корне изменят поведение людей на публике. В мае 2013 года, как раз тогда, когда Google проводил конференцию для разработчиков по созданию приложений для нового устройства, комитет Конгресса по конфиденциальности обратился к генеральному директору Ларри Пейджу с просьбой предоставить гарантии по защите конфиденциальности в Glass. В апреле 2014 года Исследовательский центр Пью (Pew Research) объявил, что 53 % американцев считают умные носимые устройства «переменной к худшему», в том числе 59 % американских женщин⁴¹².

Google продолжал терпеливо сносить удары, ожидая начала привыкания со стороны публики. В июне того года было объявлено что Glass предложит приложение для обмена видео Livestream, позволяющее пользователям Glass в режиме реального времени транслировать все происходящее вокруг в интернет. На вопрос об этих спорных и бесцеремонных возможностях, которые оказываются в руках любого владельца устройства, генеральный директор Livestream ответил: «В конечном счете правила игры... устанавливает Google»⁴¹³. Сергей Брин дал понять,

---

⁴¹⁰ См.: Stephen Graves, "Niantic Labs' John Hanke on Alternate Reality Games and the Future of Storytelling," *PC&Tech Authority*, October 13, 2014.

⁴¹¹ David DiSalvo, "The Banning of Google Glass Begins (and They Aren't Even Available Yet)," *Forbes*, March 10, 2013, <http://www.forbes.com/sites/daviddisalvo/2013/03/10/the-ban-on-google-glass-begins-and-they-arent-even-available-yet>; David Streitfeld, "Google Glass Picks Up Early Signal: Keep Out," *New York Times*, May 6, 2013, <http://www.nytimes.com/2013/05/07/technology/personaltech/google-glass-picks-up-early-signal-keep-out.html>.

⁴¹² Aaron Smith, "U.S. Views of Technology and the Future," *Pew Research Center: Internet, Science & Tech* (blog), April 17, 2014, <http://www.pewinternet.org/2014/04/17/us-views-of-technology-and-the-future>.

⁴¹³ Drew FitzGerald, "Now Google Glass Can Turn You into a Live Broadcast," *Wall Street Journal*, June 24, 2014, <http://www.wsj.com/articles/now-google-glass-can-turn-you-into-a-live-broadcast-1403653079>.

что не собирается прислушиваться к возражениям, когда сказал в интервью газете *Wall Street Journal*, что «у людей всегда есть естественная неприязнь к инновациям»⁴¹⁴.

Адаптация началась в 2015 году, когда было объявлено о прекращении продаж Glass. Компания не упомянула ничего, что говорило бы о признании неприятия со стороны общественности или о готовности учесть спорные социальные моменты, вызываемые Glass. В коротком сообщении в блоге говорилось:

Теперь мы готовы надеть наши большие детские башмаки и учиться бегать <...> вы сможете увидеть будущие версии Glass, когда они будут готовы⁴¹⁵.

Был выбран дизайнер очков, которому поручили преобразить их облик из футуристического устройства во что-то более изящное.

Поначалу перенаправление происходило скрытно. В июне 2015 года Инженерно-технологическое управление Федеральной комиссии по связи получило новые планы по разработке Glass, а в сентябре в новостях замелькали сообщения о том, что Glass «получит новое имя и новую жизнь»⁴¹⁶. Год спустя Эрик Шмидт, теперь председатель совета директоров Google, предложил взглянуть на ситуацию в более широком контексте: «Для Google это большая и очень фундаментальная платформа». Он объяснил, что Glass скрыли с глаз публики только для того, чтобы «лучше подготовить их для пользователей <...> эти вещи требуют времени»⁴¹⁷. По мере того как из корпорации просачивалось все больше информации, становилось ясно, что у нее нет намерения отказываться от потенциальных новых маршрутов поставок в виде носимых технологий, независимо от реакции общественности. Glass были предвестниками новой «носимой» платформы, которая поможет поддерживать миграцию процессов сбора поведенческого излишка из интернета в реальный мир⁴¹⁸.

В июле 2017 года перенаправление стало достоянием общественности, когда в блоге был опубликован пост, в котором миру была явлена новая итерация Google Glass, теперь в виде Glass Enterprise Edition⁴¹⁹. На этот раз не было лобовой атаки на общественное пространство. Вместо этого произошло тактическое отступление в область профессионального применения – золотой стандарт контекстов привыкания, когда инвазивные технологии нормализуются среди подневольного контингента наемных работников. «Во многих областях, таких как машиностроение, логистика, выездное обслуживание и здравоохранение, работники находят полезным консультироваться с носимым устройством для получения информации и других ресурсов, пока у них заняты руки», – написал руководитель проекта, и большинство отчетов в СМИ приветствовали этот шаг, ссылаясь на повышение производительности и эффективности на фабриках, применяющих новые Google Glass⁴²⁰. Было мало понимания того, что привыкание

⁴¹⁴ См.: Amir Efrati, “Google Glass Privacy Worries Lawmakers,” *Wall Street Journal*, May 17, 2013, <http://www.wsj.com/articles/SB10001424127887324767004578487661143483672>.

⁴¹⁵ “We’re Graduating from Google[x] Labs,” Google, January 15, 2015, <https://plus.google.com/app/basic/stream/z124trxirsruvcdp23otv4qerfwghdhv04>.

⁴¹⁶ Alistair Barr, “Google Glass Gets a New Name and Hires from Amazon,” *Wall Street Journal*, September 16, 2015.

⁴¹⁷ Fred O’Connor, “Google is Making Glass ‘Ready for Users,’ Says Schmidt,” *PCWorld*, March 23, 2015, <http://www.pcworld.com/article/2900632/google-is-making-glass-ready-for-users-says-schmidt.html>; “Looking Ahead for WhatsApp,” *WhatsApp* (blog), August 25, 2016, <https://blog.whatsapp.com/10000627/Looking-ahead-for-WhatsApp>.

⁴¹⁸ Alistair Barr, “Google’s Tough Search for New Platforms on Display at I/O,” *Wall Street Journal*, May 27, 2015, <http://www.wsj.com/articles/googles-tough-search-for-new-platforms-on-display-at-i-o-1432748457>.

⁴¹⁹ Jay Kothari, “A New Chapter for Glass,” *Team at X* (blog), July 18, 2017, <https://blog.x.company/a-new-chapter-for-glass-c7875d40bf24>.

⁴²⁰ См., напр.: Darrell Etherington, “Google Glass Is Back with Hardware Focused on the Enterprise,” *TechCrunch* (blog), July 18, 2017, <http://social.techcrunch.com/2017/07/18/google-glass-is-back-with-hardware-focused-on-the-enterprise>; Hayley Tsukayama, “Google Will Stop Selling Glass to the General Public, but Google Says the Device Is Not Dead Yet,” *Washington Post*, January 15, 2015, <https://www.washingtonpost.com/news/the-switch/wp/2015/01/15/google-will-stop-selling-glass-to-the-general>

к Glass на работе, безусловно, окажется черным ходом к Glass на наших улицах, или что связанному с устройством навязчивому надзору, с не меньшей определенностью, будут подвергнуты женщины и мужчины, обязанные использовать их на работе.

Урок Google Glass заключается в том, что когда на одном из маршрутов к источникам сырья возникают препятствия, то для восполнения недостачи и продолжения роста сооружаются другие. Корпорация волей-неволей научилась уделять больше внимания работе с ответственностью в связи с этими разработками, но безусловные требования императива извлечения означают, что цикл изъятия должен продолжать работать на полную мощность, постоянно захватывая новые территории.

В теории изъятие может быть актом «простого грабежа», но на деле это сложный, в высшей степени продуманный политический и материальный процесс, с ясно различимыми стадиями и предсказуемой динамикой. Применяемая в этом случае «теория изменений» систематически передает знания и права многих немногим под прикрытием тумана «автомагии» Пейджа. Общественное возмущение при этом воспринимается как всего лишь достойные сожаления, но предсказуемые вопли бестолкового населения, которое демонстрирует рефлекторное «сопротивление новому», мечтательно цепляясь за безвозвратно ушедшее прошлое и отрицая неизбежное будущее – будущее Google, будущее надзорного капитализма. Теория указывает на то, что противодействие нужно просто переждать как неизбежный атрибут первых трудных этапов вторжения. Она исходит из того, что это противодействие мимолетно, как вскрик боли, вырывающийся, когда новокаиновая игла пронзает плоть, прежде чем начинается онемение.

V. Соревнования по изъятию

Впечатляющий успех Google в создании механизмов и принципов надзорного капитализма и привлечении доходов от надзора разжег острую конкуренцию в нарастающей оргии извлечения. Google начинал в пустоте, но вскоре ему пришлось соперничать с другими фирмами, которых привлекли надзорные доходы. Первым был Facebook, который остается самым агрессивным конкурентом за поставки поведенческого излишка, инициировав волну стремительных *вторжений*, установив свое присутствие на свободной и нерегулируемой территории излишка, одновременно отрицая свои действия, отражая критику и старательно вводя ответственность в заблуждение. Кнопка «Нравится», появившаяся в апреле 2010 года в качестве инструмента общения между друзьями, предоставила основателю Facebook Цукербергу одну из первых возможностей осваивать цикл изъятия. К ноябрю того года докторант и исследователь конфиденциальности из Голландии Арнольд Розендал опубликовал исследование этого уже повсюду развивавшегося *вторжения*. Оно продемонстрировало, что кнопка «Нравится» – мощный механизм поставок поведенческого излишка, который непрерывно фиксируется и передается, устанавливая в компьютерах пользователей файлы cookie, независимо от того, нажимают они эту кнопку или нет. Предварительно описав операцию как «альтернативную бизнес-модель», Розендал обнаружил, что кнопка также отслеживает пользователей, не зарегистрированных в Facebook, и пришел к выводу, что Facebook потенциально может подключаться и, следовательно, надзирать, «за всеми веб-пользователями»⁴²¹. Только двумя месяцами ранее, Цукерберг назвал растущий перечень нарушений конфиденциальности Facebook «оплошностью»⁴²². Теперь он выучил роль, в конечном итоге назвав находки Розендала «ошибочными»⁴²³.

public-but-google-says-the-device-is-not-dead-yet; Brid-Aine Parnell, "NYPD Dons Google Tech Specs: Part Man. Part Machine. All Glasshole," *Register*, February 10, 2014, http://www.theregister.co.uk/2014/02/10/nypd_tests_google_glass.

⁴²¹ Arnold Roosendaal, "Facebook Tracks and Traces Everyone: Like This!" (SSRN Scholarly Paper, Rochester, NY: Social Science Research Network, November 30, 2010), <https://papers.ssrn.com/abstract=1717563>.

⁴²² Jose Antonio Vargas, "The Face of Facebook," *New Yorker*, September 13, 2010, <https://www.newyorker.com/>

К 2011 году в самом разгаре была стадия *привыкания*. В репортаже газеты Wall Street Journal, опубликованном в мае этого года, также приводились свидетельства того, что Facebook следит за пользователями, даже когда они не нажимают кнопку «Нравится», а сама эта кнопка была установлена на каждом третьем из тысячи самых посещаемых веб-сайтов в мире. Между тем технический директор Facebook сказал об этой кнопке: «Мы не используем ее для отслеживания, и она не предназначена для отслеживания»⁴²⁴. 25 сентября австралийский хакер Ник Кубрилович опубликовал результаты, показывающие, что Facebook продолжал отслеживать пользователей даже после того как они вышли из социальной сети⁴²⁵. Facebook объявил, что это исправит «этот глюк», объяснив, что определенные файлы cookie отслеживают пользователей по ошибке, и отметив, что он не может полностью прекратить эту практику из соображений «безопасности» и «производительности»⁴²⁶. Журналисты обнаружили, что всего за три дня до разоблачений Кубриловича корпорация получила патент на специализированные методы для отслеживания пользователей в разных доменах. Эти новые методы позволяли Facebook отслеживать пользователей, создавать персональные профили отдельных лиц и их социальных сетей, получать отчеты от третьих сторон о каждом действии пользователя Facebook и регистрировать эти действия в системе Facebook, чтобы соотносить их с показом конкретной рекламы конкретным лицам⁴²⁷. Компания тут же стала отрицать актуальность и значимость этого патента⁴²⁸.

На фоне неизменных заверений Facebook, что он не отслеживает пользователей, даже несмотря на множество твердо установленных фактов, среди специалистов росло разочарование, а среди публики – растерянность. Похоже, в этом и состоял замысел. Отрицая все обвинения и заявляя о своей приверженности благу пользователей, Facebook выиграл себе целых полтора года, чтобы заставить мир привыкнуть к кнопке «Нравится», превратив этот теперь всем известный культовый поднятый вверх большой палец в незаменимый в виртуальном общении костыль⁴²⁹.

magazine/2010/09/20/the-face-of-facebook.

⁴²³ Cynthia Ghazali, “Facebook Keeps Tabs on Users Even After They Sign Off: Report,” *NY Daily News*, November 18, 2011, <http://www.nydailynews.com/news/money/facebook-tabs-users-sign-report-article-1.979848>.

⁴²⁴ Amir Efrati, “‘Like’ Button Follows Web Users,” *Wall Street Journal*, May 18, 2011, <https://www.wsj.com/articles/SB1000142405274870428150457632944143299561>. См. также: Emil Protalinski, “Facebook Denies Cookie Tracking Allegations,” *ZDNet*, October 3, 2011, <https://www.zdnet.com/article/facebook-denies-cookie-tracking-allegations/>; Riva Richmond, “As ‘Like’ Buttons Spread, So Do Facebook’s Tentacles,” *New York Times – Bits Blog*, September 27, 2011, <https://bits.blogs.nytimes.com/2011/09/27/as-like-buttons-spread-so-do-facebooks-tentacles/>; Julia Angwin, “It’s Complicated: Facebook’s History of Tracking You,” *ProPublica*, June 17, 2014, <https://www.propublica.org/article/its-complicated-facebooks-history-of-tracking-you>; Rainey Reitman, “Facebook’s Hotel California: Cross-Site Tracking and the Potential Impact on Digital Privacy Legislation,” *Electronic Frontier Foundation*, October 10, 2011, <https://www.eff.org/deeplinks/2011/10/facebook%E2%80%99s-hotel-california-cross-site-tracking-and-potential-impact-digital-privacy>.

⁴²⁵ Asher Moses, “Facebook’s Privacy Lie: Aussie Exposes ‘Tracking’ as New Patent Uncovered,” *The Sydney Morning Herald*, October 4, 2011, <https://www.smh.com.au/technology/facebook-privacy-lie-aussie-exposes-tracking-as-new-patent-uncovered-20111004-1l61i.html>.

⁴²⁶ Moses, “Facebook’s Privacy Lie”; Emil Protalinski, “Facebook Denies Cookie Tracking Allegations;” Emil Protalinski, “Facebook Fixes Cookie Behavior After Logging Out,” *ZDNet*, September 27, 2011, <https://www.zdnet.com/article/facebook-fixes-cookie-behavior-after-logging-out/>; Nik Cubrilovic, “Facebook Fixes Logout Issue, Explains Cookies,” *New Web Order*, September 27, 2011, <https://web.archive.org/web/20140701103652/https://www.nikcub.com/posts/facebook-fixes-logout-issue-explains-cookies-2/>.

⁴²⁷ Kent Matthew Schoen, Gregory Luc Dingle, and Timothy Kendall, “Communicating information in a social network system about activities from another domain,” WO2011097624 A3, filed February 8, 2011, and issued September 22, 2011, <http://www.google.com/patents/WO2011097624A3>.

⁴²⁸ Emil Protalinski, “Facebook Denies Patent Is Used for Tracking Logged-out Users,” *ZDNet*, October 3, 2011, <https://www.zdnet.com/article/facebook-denies-patent-is-used-for-tracking-logged-out-users/>. См. также: Michael Arrington, “Facebook: Brutal Dishonesty,” *Uncrunched* (blog), October 2, 2011, <https://uncrunched.com/2011/10/01/brutal-dishonesty/>.

⁴²⁹ На следующий день после поста Кубриловича издание The Hill сообщило, что Facebook подал заявку на регистрацию своего собственного комитета политических действий, призванного поддерживать кандидатов, которые «разделяют наши цели продвижения инноваций» и «более открытого и взаимосвязанного мира». Gautham Nagesh, “Facebook to Form Its Own PAC to Back Political Candidates,” *The Hill*, September 26, 2011, <http://thehill.com/policy/technology/183951-facebook-forming-own-pac-to-back-candidates>.

Это серьезное достижение проложило путь к этапу *адаптации* в цикле изъятия, когда в конце ноября 2011 года Facebook пошел на соглашение с Федеральной торговой комиссией по обвинениям в том, что он систематически «обманывал потребителей, говоря им, что они могут хранить свою информацию Facebook конфиденциально, а затем неоднократно разрешая доступ к ней третьим сторонам и делая ее общедоступной»⁴³⁰. Жалоба, поданная ЕРІС и коалицией защитников конфиденциальности в 2009 году, инициировала расследование комиссии, которое выявило множество доказательств невыполнения обещаний со стороны корпорации⁴³¹. Среди них изменения сайта, сделавшие личную информацию общедоступной, доступ третьих лиц к личным данным пользователей, утечка личных данных в сторонние приложения, программа «проверенных приложений», в которой ничего не проверялось, предоставление доступа к личной информации рекламодателям, доступ к персональным данным после удаления учетной записи и нарушение принципов Safe Harbor Framework, которые регулируют передачу данных между Соединенными Штатами и ЕС. В параллельной вселенной надзорного капитализма каждое из этих нарушений идеально отвечало целям императива извлечения. Приказ Федеральной торговой комиссии запретил компании продолжать вводить пользователей в заблуждение, потребовал получать от пользователей явное согласие на новые политики конфиденциальности и предписал ввести комплексную программу конфиденциальности с проверкой ее соблюдения каждые два года в течение двадцати лет. Председатель комиссии Джон Лейбовиц настаивал на том, что «инновации Facebook не должны происходить в ущерб конфиденциальности потребителей»⁴³². Но Лейбовиц столкнулся не с компанией; он столкнулся с новой формой рынка с четкими и бескомпромиссными императивами, цели которых могут быть достигнуты *только* за счет конфиденциальности пользователя.

Перенаправление началось быстро. В 2012 году компания объявила, что будет таргетировать рекламу на основе использования мобильного приложения, что стало возможным благодаря работе с Datalogix, помогавшей определить, когда онлайн-реклама приводит к реальным покупкам. Этот гамбит требовал извлечения личной информации, включая адреса электронной почты, из учетных записей пользователей. В 2012 году Facebook также предоставил рекламодателям доступ к таргетированным данным, которые включали адреса электронной почты, номера телефонов и посещения пользователями веб-сайтов, и признал, что его система сканирует личные сообщения на предмет ссылок на сторонние веб-сайты и автоматически регистрирует «лайки» на этих веб-страницах⁴³³. К 2014 году корпорация объявила, что будет отслеживать пользователей по всему интернету, используя, среди прочих цифровых виджетов, кнопку «Нравится», чтобы создавать их подробные профили для персонализированной подачи рекламы. Ее «комплексная программа конфиденциальности» информировала пользователей об этой новой политике отслеживания, отменяя все утверждения, сделанные с апреля 2010 года, несколькими строками в плотном и объемистом пользовательском соглашении. Никакой возможности отказаться от этих условий приватности не предоставлялось⁴³⁴. Истина была, наконец, явлена: баг оказался фичей.

⁴³⁰ “Facebook Settles FTC Charges That It Deceived Consumers by Failing to Keep Privacy Promises,” Federal Trade Commission, November 29, 2011, <https://www.ftc.gov/news-events/pressreleases/2011/11/facebook-settles-ftc-charges-it-deceived-consumers-failing-keep>.

⁴³¹ “FTC Facebook Settlement,” Electronic Privacy Information Center, December 2009, <https://epic.org/privacy/ftc/facebook/>.

⁴³² “Facebook Settles FTC Charges That It Deceived Consumers”. См. также: Emily Steel and April Dembosky, “Facebook Raises Fears with Ad Tracking,” *Financial Times*, September 23, 2012, <https://www.ft.com/content/6cc4cf0a-0584-11e2-9ebd-00144feabdc0>.

⁴³³ “Facebook Custom Audiences: Target Facebook Ads by Email List,” *Jon Loomer Digital*, September 24, 2012, <https://www.jonloomer.com/2012/09/24/facebook-custom-audiences/>.

⁴³⁴ Tom Simonite, “Facebook Will Now Target Ads Based on What Its Like Buttons Saw You Do,” *MIT Technology Review*, September 16, 2015, <https://www.technologyreview.com/s/541351/facebooks-like-buttons-will-soon-track-your-web-browsing-to-target-ads>; Cotton Delo, “Facebook to Use Web Browsing History for Ad Targeting,” *AdAge*, June 12, 2014, <http://adage.com/>

Тем временем Google придерживался обещания, без которого Федеральная торговая комиссия не одобрила бы покупку им в 2001 году монстра отслеживания рекламы DoubleClick, тогда он согласился не объединять данные из этой следящей сети с другой информацией, позволяющей установить личность, в отсутствие явного согласия пользователя. На этот раз Google, похоже, ждал, пока Facebook расширит границы возможного для надзорного капитализма и понесет на себе основное бремя вторжения и приучения. Позже, летом 2016 года, Google пересек эту границу, объявив, что история посещений DoubleClick пользователя «может быть» объединена с информацией, позволяющей установить личность, из Gmail и других служб Google. Обещанная опция явного согласия на этот новый уровень слежки была представлена под заголовком «Некоторые новые функции для вашей учетной записи Google». Один из исследователей в области конфиденциальности охарактеризовал этот шаг как окончательный удар по последнему «отдаленному подобию» конфиденциальности в интернете. Коалиция групп по защите конфиденциальности подала новую жалобу в FTC, неявно признавая логику цикла изъятия: «Мало-помалу, украдкой Google сделал то, что было бы явно незаконным, будучи сделанным единовременно»⁴³⁵.

Первоначальное размещение акций Facebook в 2012 году печально прославилось после того, как пересмотр прогнозов продаж в сторону понижения, вызванный быстрым переходом на мобильные устройства, в последнюю минуту привел к нескольким неприглядным сделкам между инвестиционными банкирами и их клиентами. Однако Цукерберг, Шерил Сэндберг и их команда быстро освоили нюансы цикла изъятия, на этот раз чтобы развернуть компанию в направлении мобильной рекламы. Они учились быть искусными и безжалостными охотниками за поведенческим излишком, захватывая его крупномасштабные запасы, уклоняясь от закона и сопротивляясь ему, а также совершенствуя средства производства ради улучшения прогнозных продуктов.

Доходы от надзора потекли быстрым и мощным потоком, и рынок щедро вознаграждал акционеров корпорации. К 2017 году газета Financial Times приветствовала 71-процентный рост прибыли компании заголовком «Facebook: признак величия», в то время как рыночная капитализация Facebook выросла до почти 500 миллиардов долларов со среднемесячным числом активных пользователей в 2 миллиарда человек. В первом квартале 2017 года в одном важном списке 100 крупнейших компаний Facebook занял седьмое место, хотя всего годом ранее его не было даже в первой сотне. Почти каждый доллар дохода компании во втором квартале 2017 года принесла реклама, в основном мобильная – 9,2 из 9,3 миллиарда долларов США, рост на 47 % по сравнению с предыдущим годом⁴³⁶.

Газета Guardian сообщила, что в 2016 году на долю Google и Facebook пришлась пятая часть мировых расходов на рекламу, почти вдвое больше, чем в 2012-м, и согласно одному подсчету, Google и Facebook отвечали за почти 90 % роста рекламных расходов в 2016 году⁴³⁷. Надзорный капитализм вознес эти корпорации, на, по-видимому, неприступную высоту.

---

article/digital/facebook-web-browsing-history-ad-targeting/293656; Violet Blue, “Facebook Turns User Tracking ‘Bug’ into Data Mining ‘Feature’ for Advertisers,” *ZDNet*, <https://www.zdnet.com/article/facebook-turns-user-tracking-bug-into-data-mining-feature-for-advertisers/>.

⁴³⁵ Julia Angwin, “Google Has Quietly Dropped Ban on Personally Identifiable Web Tracking,” *ProPublica*, October 21, 2016, <https://www.propublica.org/article/google-has-quietly-dropped-ban-on-personally-identifiable-web-tracking>; Jack Nicas, “Privacy Groups Seek Regulatory Review of Google Privacy Policy,” *Wall Street Journal*, December 19, 2016, <http://www.wsj.com/articles/privacy-groups-seek-regulatory-review-of-google-privacy-policy-1482190366>.

⁴³⁶ Ross Hunter, Farhad Zaman, and Kennedy Liu, “Global Top 100 Companies by Market Capitalisation,” IPO Center, Price Waterhouse Coopers, March 31, 2017, <http://www.pwc.com/gx/en/audit-services/assets/pdf/global-top-100-companies-2017-final.pdf>; Deborah Crawford et al., “Facebook, Inc. (FB) – Fourth Quarter and Full Year 2016 Results Conference Call,” February 1, 2017, https://s21.q4cdn.com/399680738/files/doc_financials/2016/Q4/Q4'16-Earnings-Transcript.pdf.

⁴³⁷ Julia Kollewe, “Google and Facebook Bring in One-Fifth of Global Ad Revenue,” *Guardian*, May 1, 2017, <http://www.theguardian.com/media/2017/may/02/google-and-facebook-bring-in-one-fifth-of-global-ad-revenue>; Paul Murphy, “It Seems Google and Facebook Really Are Taking ALL the Growth in Ad Revenue,” *Financial Times*, April 26,

Среди оставшихся трех крупнейших интернет-компаний, Microsoft, Apple и Amazon, именно Microsoft первой решительно обратилась к надзорному капитализму как средству восстановления своего лидерства в технологическом секторе, когда на должность генерального директора в феврале 2014 года был назначен Сатья Наделла. Microsoft, как известно, упустил несколько ключевых возможностей поспорить с Google в поисковом бизнесе и развить свои возможности таргетированной рекламы. Еще в 2009 году, когда Наделла был старшим вице-президентом и отвечал за поисковый бизнес Microsoft, он публично раскритиковал неспособность компании признать финансовые возможности, связанные с этой ранней фазой надзорного капитализма. «Оглядываясь назад, мы понимаем, – сетовал он, – что [прекращение службы поисковой рекламы] было ужасным решением: никто из нас не увидел модель платного поиска во всем ее блеске». Наделла признавал, что поисковая система Bing от Microsoft не может конкурировать с Google, потому что ему не хватает масштаба в захвате поведенческого излишка, что является решающим фактором в производстве высококачественных прогнозных продуктов:

Что касается поиска <...> это вопрос масштабов. Очевидно, что сегодня нам не хватает масштабов, и это снижает <...> релевантность рекламы, что, возможно, является одной из основных проблем, с которыми мы сегодня сталкиваемся⁴³⁸.

Меньше чем через три месяца после вступления в новую должность Наделла объявил о намерении отправить корабль Microsoft напрямик в эту гонку за масштабом, выпустив в апреле сообщение об исследовании, которое компания заказала у аналитической фирмы IDC⁴³⁹. Авторы исследования пришли к выводу, что «компания, использующие свои данные, могут потенциально получить дополнительный доход в размере 1,6 триллиона долларов по сравнению с компаниями, которые этого не делают», и Наделла был полон решимости сделать высадку на дальних берегах этих новых богатых территорий. Microsoft воспользуется преимуществами своих собственных данных и будет специализироваться на том, чтобы «подарить [своим клиентам] возможность» делать то же самое. Наделла создал блог, чтобы обозначить новое направление, написав:

В этом новом мире мы можем найти способ катализировать выхлоп данных от повсеместного использования компьютеров и преобразовать его в топливо для создания интеллектуального окружения⁴⁴⁰.

Как объясняется в видеоролике, обрисовывающем это новое «видение данных»: «Данные, которые когда-то были бесхозными, стали теперь важным активом».

Многие инициативы Наделлы направлены на то, чтобы наверстать упущенное в плане создания надежных маршрутов поставок поведенческого излишка и модернизации средств производства компании. Команда разработчиков поиска Bing создала свою собственную модель цифрового и физического мира с технологией, которую она называет Satori – самообучающейся системой, ежедневно добавляющей контент, эквивалентный 28 000 DVD-дисков⁴⁴¹

2017, <http://ftalphaville.ft.com/2017/04/26/2187891/it-seems-google-and-facebook-really-are-taking-all-the-growth-in-ad-revenue>; Mathew Ingram, “Google and Facebook Have Taken Over the Digital Ad Industry,” *Fortune*, January 4, 2017, <http://fortune.com/2017/01/04/google-facebook-ad-industry>.

⁴³⁸ Kara Swisher, “Microsoft’s Point Man on Search—Satya Nadella—Speaks: ‘It’s a Game of Scale,’” *AllThingsD* (blog), August 4, 2009, <http://allthingsd.com/20090804/microsofts-point-man-on-search-satya-nadella-speaks-its-a-game-of-scale>.

⁴³⁹ Julie Bort, “Satya Nadella Just Launched Microsoft into a New \$1.6 Trillion Market,” *Business Insider*, April 15, 2014, <http://www.businessinsider.com/microsoft-launches-iot-cloud-2014-4>.

⁴⁴⁰ Satya Nadella, “A Data Culture for Everyone,” *Official Microsoft Blog*, April 15, 2014, <https://blogs.microsoft.com/blog/2014/04/15/a-data-culture-for-everyone>.

⁴⁴¹ Richard Qian, “Understand Your World with Bing,” *Bing Blogs*, March 21, 2013, <http://blogs.bing.com/search/2013/03/21/understand-your-world-with-bing>.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.